

М. С. Фомин

**НАЧАЛЬНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ПОДГОТОВКА:
ИНИЦИАЦИЯ НЕОФИТА УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНОЙ**

Монография

Электронное издание

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2025

УДК 37.017.92

ББК 87.25

Ф76

Рецензенты:

канд. пед. наук, доцент, заведующая кафедрой Гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного ордена Жукова училища
Т. Л. Лопуха;

д-р истор. наук, профессор, заведующий кафедрой Истории и философии Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (Сибстрин)
Ю. И. Казанцев

Начальная философская подготовка: инициация

Ф76 неофита учебной дисциплиной : монография /
М. С. Фомин. – Чебоксары: Среда, 2025. – 300 с. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-907965-31-7

Монография представляет собой систематизацию, проводившейся на протяжении многих лет, научной и педагогической работы – промежуточное, т. е. на данный момент – обобщение накопленного опыта, которое мыслится и как определённый итог уже сделанного, и как необходимый фундамент для дальнейшего приращения знания и мудрости на уже имеющейся основе. Речь идёт о профессиональной деятельности автора, заключающейся в обучении философии-предмету молодых современников, решивших получить высшее или среднее специальное образование – курсантов военных училищ, студентов вузов и колледжей.

За время работы автором-преподавателем был написан и опубликован ряд научных статей, в которых была предпринята попытка личного осмысливания актуальных вопросов современности, связанных как с собственно педагогической проблематикой, так и с актуальной повесткой текущего момента. Материалы выходили в свет в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты докторских на соискание учёных степеней кандидата или доктора наук, т. е. ВАК-изданиях. Их содержание, как уже сформулированную мысль, предлагается положить в основу нового научного труда.

Перед монографией ставится важная задача, заключающаяся в том, чтобы ранее обдуманное, написанное и напечатанное представило в целостном виде: оказалось под рукой в одном месте, т. е. не было бы рассредоточено по изданиям разных лет. В таком случае оно не окажется работой «на корзину», т. е. публикаций ради самой себя и очередного отчёта по научной работе преподавателя за некоторый период.

Монография может быть полезной и интересной широкому кругу читателей: от преподавателей вузов и студентов, до обычновенных граждан, время от времени непременно начинающих испытывать голод и потребность в интеллектуальной пище, потребление которой непременно приведёт и приводит к появлению у них уже собственных дум, связанных с осмысливанием происходящего вокруг, причастности к этому происходящему, изменению этого происходящего.

Минимальные системные требования:

PC с процессором Intel 1,3 ГГц и выше ; 256 Мб (RAM) ; Microsoft Windows, MacOS ; дисковод CD-ROM ; Adobe Reader

ISBN 978-5-907965-31-7

© Фомин М. С., 2025

DOI 10.31483/a-10720

© ИД «Среда», оформление, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА И ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА УСЛОВИЯ НАЧАЛА ПОГРУЖЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПРЕДМЕТ «ФИЛОСОФИЯ»	9
1.1. ИНФАНТИЛЬНОСТЬ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА	11
1.1.1. Обучение основам философии как преодоление инфантильности сознания молодого современника	29
1.2. ПРОФАНАЦИЯ И СИМПЛИФИКАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ	37
1.2.1. Деструктивная трансформация фундаментальных аспектов жизни современника модными трендами	39
1.3. КОГНИТИВНЫЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ДИССОНАНС.....	46
1.3.1. Классическая литература как средство научить и научиться читать текст	49
1.3.2. Внутренний разлад человека как пример реального обретения книжными образами и идеями статуса современника.....	61
1.3.3. Что даёт умение читать и понимать текст или как книжный образ / идея становится настоящим современником	69
ГЛАВА 2. НАЧАЛЬНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ПОДГОТОВКА КАК РЕШЕНИЕ И ОТВЕТ НА АКУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ	81
2.1. Цени время: к вопросу об интенсификации и оптимизации процесса усвоения мировоззренческих (философия) дисциплин ...	82
2.2. Формирование поля духовной защищённости личности посредством зрелицкого общения.....	93
2.3. Условие эффективности сочинения как средства оценки образовательно-воспитательной работы	102
2.4. Видеоматериал как средство активизации работы со смыслами	108
2.5. Видеотекст как средство обеспечения информационной безопасности	114
2.6. Формальная сторона образования как мягкая сила в обеспечении духовной безопасности обучающихся современников (теоретический взгляд).....	127

Монография

2.7. Формальная сторона образования: конвертация мягкой силы в обеспечение духовной безопасности обучающихся (практический подход)	139
2.8. Театр и образование: нестандартный подход к расшифровке родства явлений	159
2.9. Мудрые прозрения философов на службе преподавателю философии.....	181
ГЛАВА 3. ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ УГРОЗ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ.....	194
3.1. Педагогическая безопасность как ответ на актуальные вызовы современности	195
3.2. Понимание психологии врачом: личное восхождение к предельным вызовам профессии и возможность их разрешения.....	202
3.3. Интернет-зависимость как вызов и медицинский диагноз: философское осмысление проблемы.....	220
3.4. Оборотная сторона технологизации жизни современника: искушения, вызовы, угрозы.....	231
3.5. Оборотная сторона технологизации жизни современника: искушение, вызов и угроза расчеловечивания	243
3.6. Мировоззренческий фактор в выстраивании педагогической работы	255
3.7. Сбережение и спасение современника как установка и подход к преодолению разности и разрозненности поколений	263
3.8. Человечность: концептуализация понятия через философское и педагогическое осмысление происходящего	272
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	284
Приложение	290

ВВЕДЕНИЕ

Текстом, способным задать общий тон восприятию последующего содержания монографии, может стать статья, написанная автором в 2016-м году в период проведения в России очередной крупной избирательной кампании. Задачей получившегося материала для предвыборной рубрики газеты одного муниципалитета была не агитация за того или иного претендента на место во власти, но именно побуждение гражданина не пренебречь имеющимся и выстраданным избирательным правом, призыв его прийти на избирательный участок и сделать свой осознанный выбор. Эта цель обусловила дух и стилистику, которые должны были отозваться в душе человека, напомнив ему про его ответственность.

Получившийся и опубликованный в СМИ текст под названием «Будущее делается сейчас»¹, вполне, как то видится автору сейчас, соотносится и с прочими аспектами жизнедеятельности человека и общества, представая своего рода катализатором решения тех или

---

¹ Особый вес и подкрепление некогда выбранному названию статьи и, естественно, её содержанию, придаёт тот факт, что ровно об этом же заявил Президент России, выступая на 20-м ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 05.10.2023 г., т. е. спустя 7 лет. В частности, он сказал следующее: «Я с интересом, уважаемые друзья, прочитал доклад, подготовленный Валдайским клубом к нынешнему заседанию. В нём говорится, что сегодня все стремятся понять, представить образ будущего. Это совершенно естественно и объяснимо, особенно для интеллектуальной среды. В эпоху кардинальных перемен, когда рушится весь привычный уклад, очень важно осознать, куда мы идём, к чему хотим прийти. И, безусловно, будущее создаётся сегодня, не только на наших глазах – нашими руками» – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444>.

Ссылка на слова В.В. Путина обуславливается не конъюнктурными соображениями автора монографии, но тем, что схожая идея была сформулирована Президентом страны, который есть не только наивысший руководитель государства, но и фигура генерирующая, артикулирующая и посылающая смыслы народу страны. Получение же такого рода сигнала-послания с высочайшей трибуны и от авторитетнейшего политика мирового масштаба текущего момента, являющегося твоим Президентом и твоим современником, однозначно, способно инспирировать и интенсифицировать собственную жизнь и деятельность в духе посланной им вводной, свете заданной им максимы: подтверждает правильность лично почувствованного, самостоятельно уловленного направления следования именно на своём уровне и своём месте.

иных задач. Одной из них вполне и по праву является педагогическая проблематика. По этой причине первоначальный материал был несколько доработан, прошёл рецензирование и был опубликована в одном из сборников научных статей². В этом виде он приводится далее в качестве Введения к новому проекту.

---

*Слышу голос из прекрасного далёка,
Он зовёт меня в чудесные края,
Слышу голос, голос спрашивает строго:
А сегодня что для завтра сделал я?
Ю. Энтин, к/ф «Гостья из будущего»*

Наверное, каждому знакомо приятно-радостное чувство, появляющееся от намеренного, а особенно – неожиданного, соприкосновения с чем-то хорошо знакомым, любимым, уже прошедшим (давно или не очень непринципиально), много времени не попадавшимся на глаза, встреча с которым волей-неволей порождает размышления, серьёзные размышления. Знакомо? Уверен, что да. Вот и я на днях приятно, но при этом очень здорово, призадумался. Призадумался, когда в Интернете случайно наткнулся на удивительно добрый и содержательный советский фильм детям про Алису Селезнёву. Помните, был такой многосерийный фильм «Гостья из будущего»?

А задуматься есть над чем. Причём, не только и не столько о добром, светлом прошедшем детстве, т. е., скорее, предаться тёплым воспоминаниям, нежели размышлениям. Задуматься именно взрослым, что-то узнавшим и прочувствовавшим умом, из позиции сегодня, глядя во вчера, задумываясь о завтра... Сильно? Трудно? Жёстко? Да? Но ведь именно этот, говоря современным языком «мэссэдж», красиво и настоятельно посыпала *тогда ещё* маленьким советским мальчишкам и девочонкам главная песня фильма «Гостья из будущего». Представляете теперь какой «крутой» идеиный уровень и смысловая нагрузка прямо и косвенно задавались, казалось бы, простым фильмом-сказкой, хотя и научно-фантатической советской сказкой...

Действительно, если хотя бы иногда задавать себе этот действительно «крутейший» вопрос – «*А сегодня что для завтра сделал я?*»

---

² Приоритетные направления развития науки и образования. – 2016. – №2.

и не убегать от него при его появлении в голове, то, наверное, очень многое бы изменилось, реально изменилось. В лучшую сторону.

Почему и вследствие чего? Да хотя бы от того и тем, что он по-настоящему заставляет действовать, даёт «ощутить кожей» как стремительно пролетает время, которое при взрослом, именно взрослом, отношении очень жалко тратить, разбазаривать на пустые сетования о том, что всё плохо; на поиски виноватых в жилищно-коммунальном хозяйстве (ЖКХ), плохо моющим полы и метущим дворы; на продуктовом рынке, обвешивающим и продающим подгнивающий товар; в школьном учителе, вычитывающим и начитывающим материал, а не воспли-

тывающим и образовывающим школьника и т. д., и т. д.

Сразу же строго и жёстко отмечу позицию стонущего нытика, причитающего и обвиняющего систему, чиновников, тёщу – всех, кроме себя единственного. Во-первых – это не продуктивно, т.е. не приносит результата. Во-вторых – это просто уже надоело. Порой,

даже думается, что это уже именно сложившаяся позиция «отмазки» от всего и вся. Ну, ведь, правда, жизнь идёт, значит, надо жить! Ну, а если без эмоций и серьёзно, то ведь и в ЖКХ, и на рынке, и в школе, и в системе, и в семье – обычные люди, т. е. мы с вами. Мы, – у которых есть воля, сила, которые можно, нужно и должно управить

и направить серьёзным, взрослым умом!

Ну, кто, например, мешает дворнику, у которого есть и бензиновая косилка, а не литовка, и метла, а не пальцы (всё не неэкипированными руками работать) добросовестно выполнить ту задачу, на которую он *сам* же подвзялся? Да, может не самая чистая и денежная работа сегодня, но ведь на неё человек поступил *сам*. Значит, и мести – наводить чистоту, – которая будет радовать многих, он должен ответственно, с пониманием.

Да, сегодня многое поставлено с ног на голову. Но кто это сделал? Вспоминаются, слова Ф.Ф. Преображенского («Собачье сердце» М.А. Булгакова) про разруху, которую он представил в об

A black and white portrait of Professor F.F. Preobrazhenskiy, an elderly man with a beard and glasses, wearing a white turban and a white robe. He is looking slightly to the side.

...Если я вместо того, чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире лежать хорошем, у меня настанет разруха. Если я, входя в уборную, научу, извините за выражение, мочиться мимо унитаза, в уборной начнется разруха. Следовательно, разруха не в клозетах, а в головах!....

professor F.F. Преображенский

столкнулся с проблемой разрухи, которую он представил в образе старухи с клюкой, которая выбила все стекла, но которую он сам же и устранил, подчеркнув то, что «разруха не в клозетах, а в головах».

Говоря всё это, на что меня лично подтолкнули слова песенки «Прекрасное далеко», я подразумеваю и именно призываю не размножать се-

рость и негатив, которых сегодняшняя жизнь с избытком предста-
вляет современному. Мне думается, если несколько раз, именно
несколько (3-5-10 – пока не «зацепит») раз внутренне повторить са-
мому себе слова: «*А сегодня что для завтра сделал я?*», – многое
встанет на место, потому что обозначит меня самого. Меня, кото-
рый может пойти в спортивный зал и немного, пусть не с олимпий-
ской нагрузкой, но потренироваться, вместо того, чтобы сесть в чи-
стом сквере, *ранее выметенном тем же дворником*, и напиться пива,
побросав после рядом с собой бутылки, «бычки» и упаковки из-под чипсов, уверяя и оправдывая себя установкой: «А, чё!!!
Есть же дворник! Вот и пусть метёт, он же деньги получает. Из
налогов, которые я плачу!!». Меня, который добросовестно примет
и обслужит больного в поликлинике, понимающего, что от моего
решения и воли, в которые отдаёт себя каждый приходящий к
врачу, зависит ... здоровье, а значит здоровье пациента.

И снова так показательно-отрезвляющими оказываются слова:
«А сегодня что для завтра сделал я?» ... Действительно, от меня
зависит одно, от соседа – другое, от коллеги – третье. Всё, казалось
бы, понятно, ясно, очевидно. Однако что-то мешает... Думается,
необходимо как раз подобное воспоминание о чём-то совершив-
шемся. Которое именно тем и подвигло бы изменить настоящее,
сейчас, тем более что, снова столкнувшись с прописной истиной, и
серьёзно подойдя к ней, в душе и разуме заговорят не эмоции и
сентimentальность, но опыт, понимание и видение того, что буду-
щее делается сейчас!!!

ГЛАВА 1. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА И ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА УСЛОВИЯ НАЧАЛА ПОГРУЖЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПРЕДМЕТ «ФИЛОСОФИЯ»

Первый выход преподавателя к студентам/курсантам обязывает его, подобно профессионалам военного дела, *осуществить оценку ситуации на самом старте работы*. Она мыслится и должна быть реализована в двух направлениях: *тактическом и стратегическом*.

В первом случае – это понимание того, что *предстало именно сейчас, т. е. встретившийся набор, поток, группа обучающихся, т.е. локальный уровень*.

Во втором – это *оценка тенденций и явлений в данной среде (в данном случае – это среда студенческая и курсантская) и обществе в целом, т. е. масштабный ракурс*.

Различение и разведение в стороны разных пластов актуального бытия может и должно поспособствовать видению преподавателем дисциплины того («Философии», в частности), как нужно реально действовать на передовой, а не просто теоретически размышлять (*а то и умозрительно-пустопорожне критиковать-осуждать представшее взору*), будучи *ограждённым от реальности (или, как говорят, от того, что «на земле») тишиной рабочего кабинета или должностью, существенно удалённой от линии соприкосновения*.

Такой подход есть ключ к пониманию сути и предназначения монографии: она есть *не осуждение, но рассуждение* по поводу уловленных сознанием проблем и отразившихся на душе вызовов тактического уровня и стратегического масштаба, с которыми (идеями и взглядами) можно и нужно не соглашаться, но которые должно артикулировать и услышать.

Вступив на научно-исследовательскую ниву и педагогическую стезю, в поле зрения автора монографии стали попадать различные темы и вопросы, связанные с образовательно-воспитательной проблематикой как профессиональной деятельностью. Тогда же, как обязательное требование области и сферы деятельности – науки³,

---

³ 2006 г. Начало работы над кандидатской диссертацией по педагогике в РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург.

Монография

и отрасли приложения личного труда – профессии⁴, началось накопление опыта – сориентирование теоретического и практического материала, его осмысление и изложение в форме научных статей и проводимых занятий с обучающимися соответственно.

Согласно генеральной задумке и логике настоящей монографии в целом, заключающихся в обращении к уже вышедшим в свет публикациям её автора и складывания из них цельного, систематизированного видения происходящего вообще и свершающегося на образовательно-воспитательной ниве в частности, предназначением Первой главы полагается сосредоточение внимания на тех материалах и наработках, в которых была предпринята попытка описания и осмысливания актуальной действительности, в которой и из которой, как из стартовой позиции, преподавателю философии-дисциплины приходилось и приходится в данный момент, т.к. педагогическая работа не прекращена, осуществлять реализацию образовательно-воспитательных задач, реализуемых средствами такой учебной дисциплины, как «Философия».

---

⁴ 2014 г. Начало работы в сфере образования – Бизнес-Колледж при НГУЭУ, Новосибирск.

1.1. ИНФАНТИЛЬНОСТЬ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Разъяснением сущности и актуальности обозначенной проблематики могут предстать следующие воззрения автора, которые, хотя ранее и не были formalизованы им в отдельную научную статью, но изложены системно и основываются на реальном опыте педагогической работы и попытке осмыслиения протекающих процессов и возникающих тенденций⁵.

Рассматривая образование исключительно с формальной точки зрения, т. е. как систему, приходится констатировать тот факт, что в таком случае вожделенным для неё элементом и продуктом будет обучающийся, который своевременно, а главное на высокие оценки сдаёт зачёты и экзамены. Это очевидно и должно, является формальной стороной вопроса и формальным же требованием.

Философский же взгляд, на эту проблему, т. е. глубокое, вдумчивое и обобщающее её рассмотрение, на первое место ставит несколько иное представление, которое не умаляет значимость первого аспекта, но при этом решительно отличается от него. Здесь речь идёт уже не об успеваемости и прилежании, но о том, что их обуславливает, что полагается идеалом в плане психологических особенностей и морально-нравственных установок личности гипотетического студента-образца, каковым хочется видеть каждого конкретного студента-современника в реальной жизни и практике. Такой подход позволяет, во-первых, вычертить должное, в свете которого проявится фактическое положение дел, а, во-вторых, он отражает сильные стороны, на фоне которых вскрываются проблемы, имеющиеся в данной сфере.

Отправной точкой заявленного рассмотрения может стать следующая действительно мудрая мысль А. Эйнштейна, который был не только физиком-теоретиком, но и философом. Речь идёт о наблюдении великого учёного, которое он сделал в отношении себя самого: «1896–1900 гг. – обучение на отделении преподавателей дисциплин швейцарского политехникума. Вскоре я заметил, что довольствуюсь ролью посредственного студента. Для того чтобы быть хорошим студентом, нужно обладать легкостью восприятия; готовностью

---

⁵ Это единственное отступление от задуманной структуры и логики монографии.

сконцентрировать свои силы на всём том, что читается на лекции; любовью к порядку, чтобы записывать и затем добросовестно обрабатывать преподносимое на лекциях» [16].

Ёмкая формулировка как раз и обозначает, подчёркивает то, к чему желательно стремиться, то каким должен быть тот самый хороший гипотетический студент или курсант, т. е. идеал. Выраженность в слове позволяет осуществить попытку переложения, зафиксированного текстом на актуальную действительность, а в результате этого выйти на проблематику совсем иного уровня. Это, собственно, и было реализовано А. Эйнштейном, обнаружившего, причём, с сожалением, что отмеченных им же качеств ему самому как раз и не хватало: «Всех этих качеств мне основательно не доставало, как я с сожалением установил» [16].

Выходом на иной уровень восприятия и осмысления, того, что предстало взору, в случае с А. Эйнштейном является корректировка им образа своей жизни и действий, что привело к более чем позитивным результатам, о чём он, собственно, сам и заявил в статье философского – вдумчиво-обобщающего – характера, отчасти процитированной выше: «Всех этих качеств мне основательно не доставало, как я с сожалением установил. Так постепенно я научился ладить с не совсем чистой совестью и организовывать своё ученье так, как это соответствовало моему интеллектуальному желудку и моим интересам» [16]. В конечном итоге, и это известно всем, он стал лауреатом Нобелевской премии по физике (1921 г.). Это и есть результат выработки и формулирования эталонного видения, а далее – его воплощения в практическую плоскость, а, как следствие – выход на качественно новый, прежде не бывший уровень жизни и деятельности.

Иными словами, в данном случае-примере можно и должно говорить о наличествовавшем некогда у конкретного человека несерьёзного – инфантильного – отношения к жизни, в частности, к получавшемуся им образованию, которое, в конечном итоге, благодаря напряжённой работе ума и души, было успешно преодолено.

Сказанное выше позволяет обнаружить, а далее, соответственно, приступить к осмыслению проблемы инфантильности сознания современного молодого человека, решившего получить образование определённого профиля и уровня, т. е. студента гражданского вуза или курсанта военного училища.

Несмотря на кажущуюся ясность и понятность данный вопрос оказывается коварным вызовом, порождающим самые серьёзные осложнения личному и общественному бытию – их упрощение и примитивизацию; сдачу достигнутых в процессе развития позиций и завоеваний; утрату идентичности и суверенитета.

Именно по этой причине в настоящее время заявленная проблематика попадает в поле зрения современных российских исследователей, а потому находит отражение в научных публикациях, освещдающих различные её аспекты. Среди некоторых, вышедших в свет относительно недавно, можно отметить следующие статьи.

В статье «Социальная инфантильность родителей как фактор формирования отклоняющихся моделей поведения детей» [4] В.М. Гребенниковой подчеркивается мысль о том, что мировоззренческий и идеино-смысловой разлад взрослых, вступивших в брак и сформировавших семью, транслируется на их детей, формируя в них безволие, эгоцентризм, когнитивные искажения, которые оказываются много более мощными и деструктивными патологиями развития детей и подростков ввиду отсутствия изначальной сформированности в их сознании иных эталонов и образов. Другими словами, семья предстаёт не только первичным институтом социализации личности, но и её инфантилизации, далее непременно и также деструктивно отражающейся на процессе получения человеком образования в вузе или же военном училище.

В статье «Неустойчивость к манипуляции как признак инфантильности молодых людей» [12], написанной В.В. Неклюдовской, отмечается связь рассматриваемого явления с проблемой манипуляции сознанием человека, которая в таком случае существенно облегчается, что помогает достижению деструктивных целей и задач заинтересованных лиц и сил, т. к. манипуляция личностью всегда носит негативный, злонамеренный характер.

В работе К.С. Назаренко «Кризис российского высшего образования как последствие преодоления кризиса информационной эпохи» [11] высказывается идея о том, что наступившая и всё развивающаяся информационная эпоха также вносит свою лепту в проблему становления, а главное качество его конечного продукта – личности современника. Констатируемый многими, в т. ч. и К.С. Назаренко, факт доступности сегодня всяческой информации на самом деле оборачивается серьёзнейшими вызовами, что в

свою очередь подчёркивается уже только специалистами в гуманитарных науках, что только усугубляет ситуацию. В указанной публикации отмечается то, что нынешние обучающиеся ориентированы на: 1) получение готовой информации; 2) сиюминутное её употребление; 3) незапоминание её, непременно сопрягающееся с осмыслением, но на фиксирование где-то именно источника определённых сведений. Таким образом выхолащивается критическая функция сознания современника, без которой образования как явление и процесс опрощаются (делаются простыми) и обесцениваются (остаются без цены). По мнению автора уже настоящей статьи это и есть та самая инфантильность, причём, уже не только элементов и продуктов образования-системы, но и её самой, как таковой.

А.С. Демиденко также рассматривает проблему инфантильности российской молодёжи. В «Рискологическая концепция изучения социальной инфантильности российской молодёжи» [5] автор солидаризируется с понимания сути заглавной проблемы как социальной незрелости молодых людей, хотя и вышедших на взрослые треки, однако, фактически и что реально опасно, нежелающих принимать на себя правила жизни и функционирования на них, что увеличивает степень и меру рискованности бытия, где риск есть не повод возможностей, но фактор разочарования.

Публикация Т.И. Киркинской и Т.Л. Истоцкой «О ментальной деградации и путях её преодоления в школьном образовании» [7] очерчивает актуальные проблемы школьного образования через призму идей грандов отечественной психологии и педагогики. Обозначенные проблемы не новы самим по себе, но будучи спрессованными и сжатыми ритмом современной жизни, не будучи профилактированными и изжитыми на стадии школьного образования, они непременно переходят на следующий этап развития, где с ними – детскостью – уже совсем по-взрослому приходится сталкиваться преподавателям высшей школы.

«Инфантильность современного общества и проблема электорального возраста: рациональный взгляд» А.Б. Шатилова [18] переводит проблему в политическую плоскость, демонстрируя таким образом её связь и причастность и к этой решительно важной сфере жизни человека и общества. Не будучи взрослыми ментально и духовно, граждане тем не менее неизбежно обретают права и обязанности совершеннолетних, полностью дееспособных граждан

страны, а стало быть могут принимать участие в политическом процессе. Итоги и результаты совершаемых ими выборов, обусловливаемые наличествующей, а порой и доминирующей инфантильностью, очевидно, чреваты самыми серьёзными проблемами.

В большой статье Е.Н. Корниловой «Манипуляции сознанием в процессе реформирования образования и науки в России» [8] поднимается вопрос об изменении ценностных ориентиров в обществе, причём таком и в такую сторону, когда и где во главу угла ставятся интересы капитала, для которого единственной целью является прибыль. Объектом исследования статьи предстаёт массовое мифологическое сознание как элемент идеологии современного мира. Мифологизация сознания современника, введение его в фальшивую действительность, реализующиеся в т.ч. через и посредством специфического реформирования образования в России, определённо, имеют точки соприкосновения с проблематикой инфантилизации и инфантильности.

Полезными в плане осмысления основной проблематики, а также расширения потенциального количества её граней, представляются следующие обнаруженные и изученные статьи современных исследователей: «Гуманитарное образование в современной России: проблемы и пути их преодоления» Н.О. Воскресенской и Е.М. Скворцовой [3]; «Современные вызовы и их преодоление в образовании» В.Т. Лободина [10]; «Образ университета, стоящий за словами образование, вуз, университет в сознании современных студентов» Е.А. Таныгиной и Т.С. Никитенковой [15]; «Преодоление нравственного кризиса посредством духовно-культурного воспитания молодого поколения» Н.П. Исмаиловой и З.С. Курбановой [6].

Продемонстрировав актуальность и степень освещённости заявленной проблемы, можно приступить к изложению авторских мыслей и возврений на сей счёт.

Методология. Сегодня молодые современники, а речь идёт, прежде всего о курсантах и студентах высших учебных заведений весьма ревностно, т. е. истово и большим интересом, относятся, а потому силятся найти готовый ответ, рабочую схему преодоления актуальных проблем, возникающих на личном горизонте в связи с различными событиями. *Чудесная формула* потребна как никогда. Наблюда-

емым и вполне фиксируемым доказательством этого является сложившаяся и закрепившаяся до автоматизма привычка искать всё, что потребно, в Интернете, т. е. «загугливать» или «википедить».

В случае возникновения какого-то вопроса – от самого элементарного, до действительно концептуального, что особенно важно и серьёзно – многие и многие современники тут же, не задумываясь, обращаются к своим смартфонам и пытаются отыскать *готовый* ответ. Такого рода ситуация отмечается автором-исследователем на протяжении многих лет преподавательской практики. Вполне очевидно, что в таком случае не формируется способность самостоятельно и адекватно работать с материалом, критически распоряжаться им в профессиональных и житейских ситуациях, результатом чего становится всё большее попадание в поддельный как бы мир, в котором всё просто, легко и незамысловато. Однако кроме этого, без внимания и понимания, что вполне естественно в такой ситуации, остаётся ещё один чрезвычайно важный аспект человеческого и социального бытия, носящий подлинной концептуальный характер, сопрягающийся с проблематикой независимости и суверенности государства, которая просто не умещается в тактически настроенном, т. е. коротком, – инфантильном сознании, для которого имеющегося в виду вызова просто нет.

Речь идёт о явной, откровенной недружественности иностранных (западных прежде всего) интернет-ресурсов по отношению к России, генерирующих, аккумулирующих и распространяющих всяческую информацию, потребителями которой оказываются недальновидные, несерьёзно настроенные, жаждущие простого и готового молодые граждане страны. Например, 04.08.2023 г. достоянием широкой общественности стало то, что популярный источник всего готового, под рукой находящегося, – онлайн-энциклопедия «Википедия» ведёт разведывательно-информационную войну. Об этом как о факте, а не конспирологической байке, заявил основатель «Википедии» Ларри Сэнгер, сказав, что ЦРУ и ФБР используют указанный ресурс в интересах разведки США. В подкасте «Обновление системы» Сэнгер отметил, что «ЦРУ и ФБР редактируют тексты «Википедии» по своему усмотрению» [17]. А 21.09.2023 г. информационный портал Лента.ру разметил заметку под названием: «В США заявили об использовании «Википедии» для обоснования санкций против России», в которой сообщалось о

том, что «Евросоюз (ЕС) использует онлайн-энциклопедию «Википедия» в качестве источника для обоснования введения санкций против России. Согласно данным Politico, обоснования для введения санкций собираются по открытым источникам, среди которых публикации СМИ, а также переводы статей из украинских и российских ресурсов. Кроме того, как утверждает издание, среди публикаций встречаются материалы, взятые из «Википедии», при этом в документах по потенциальным подсанкционным лицам присутствуют ошибки» [2]. Критическая угроза в данном случае заключается в том, что застрявшее в инфантильности сознание, оказывается неспособным воспринимать такого рода факты, как факты, но зато становится готовым воспринимать в качестве фэйков именно их, но не действительные подлоги и подделки.

Возвращаясь к начатому размышлению, необходимо отметить следующее.

Порождение и принятие сознанием современника потребности в чудесной формуле сиюминутного решения той или иной проблемы можно и нужно «обыграть» в образовательно-воспитательных целях. Механика работы тонка и опасна. Оттачивается в повседневной практике, т. е. приходит лично, а не посредством прочтения, опять же, готовой методической рекомендации. И именно философское отношение и философская же фактура могут сыграть на руку в деле констатации и последующего преодоления зашоренности ума и души инфантилизмом.

Суть приёма заключается в том, что некое философское (т. е. глубокое, вдумчивое и разящее ум) наблюдение, заключённое в формулировку, принадлежащую какому-то мыслителю, в рамках планового занятия по философии-предмету можно представить именно той самой заветной чудесной формулой. Отличительной чертой ситуации является то, что обращение человека к тексту (в самом широком смысле этого слова) носит управляемый и прицельный характер, задаётся преподавателем, априорно полагаемым другом, но зложелателем обучающемуся, в отличие от, скажем, упомянутой выше «Википедии».

В таком случае выгодная позиция, оперативное преимущество, однозначно, на стороне субъекта образовательно-воспитательной деятельности – преподавателя философии, ибо речь идёт, прежде всего о таковом: пришедший на занятие по философии изначально,

Монография

а в самом начале пути особенно, внутренне готов и жаждет неких концептуальных открытий, даже не взирая на изъявляемую неготовность и нежелание воспринимать философию как учебную дисциплину. Внешнее неприятие и отрицание не означает внутреннюю жажду мудрого и глубокого.

Вот и упомянутый курс по философии и что?
Мыслишь может и будущее, что мысли
предметов, мысли «запара» и «раздумывания».
Давайте перенесем в скобки, и применим
на дисциплину «Основы философии». И мы
первые мысли боям: А что я здесь делаю?
И применим учительские на бухгалтера и тут
нарисуем то философии. Р.С. Максим Сергеевич,
нее в общую, но скандала боимо мысли там.?)
Мы у мыслях спрашиваем, а философии
мыслишь, а эзотерики или, а как преподаватель?
Продумали мышечко ответов, где нас-то
это склонно, страшно и испачкать, там боимо
были мысли. А думе чю-то философии занять
очень неко и ненадобно. Так вот я вообще
не поминала, что в тут делают а затем
мы это. Я скандала занять на уроках засекла.
Но вот все по-честному. я думе знаю подобий когда
Они скандалы склонны нащупа курса останусь
Мы или дети, когда мы дадим испачканую вещь,
вещь то новую и они не знают, что же с этиими
делают, скандала осеняющимся с Всею,
потом и находят применение или оставляют ее

Рис. 1. Студенческое сочинение: опыт построения мысли

Этим обстоятельством, непременно и естественным образом постепенно, а порой и одномоментно улетучивающимся, рассеивающимся, должно воспользоваться.

В качестве готовой формулы, можно предложить, например, сказанное А. Эйнштейном, по форме и по содержанию, действительно, похожее на таковую, т. е. на чудодейственный рецепт.

В начале учебного года, посмотрев в расписании и увидев в нем такой предмет, как философия, ясно говоря никакого разговора не было. В моем слове не упоминалось, для какой цели мы будем изучать эту философию. Да и к тому же некоторые из учащихся этой группы говорили, что он сложный, вот именно это наверное и заставило меня с опаской начать.

Посетив первую лекцию философии, я думал, настолько глупы и чудаки эти люди. Был в недоумении о такой пропаганде. Чудесное нам, было видно не obvious. Ведь такие вопросы, как „теперь живут после смерти?“ или „что я должна делать чтобы этого человека и этого доктора?“, лично я никогда еще не задавала.

Рис. 2. Студенческое сочинение: опыт построения мысли

Вполне понятно, что это необходимо искусно представить и обставить студенческой аудитории, дабы не испортить и задумку, и само ёмкое заключение того или иного мыслителя (А. Эйнштейна в рассматриваемом случае). Это уже есть своего рода вызов преподавателю. Однако, несмотря на это, данное отягчающее обстоятельство смягчается и упрощается наличием в его распоряжении объективных преимуществ: 1) козырей в виде философских текстов, т. е. устоявших во времени и исторических событиях идей мыслителей и 2) права первого хода, т. е. инициативы, принадлежащей субъекту.

Как показала и продолжает демонстрировать педагогическая практика предложение студентам/курсантам, пришедшим получить, получить образование, некой готовой формулы идеального студента, способной снять, если не все, то очень многие их трудности и проблемы, связанные с начатым делом, эффективно срабатывает: привлекает внимание, сосредотачивает и напрягает

умы данной учебной группы или даже всего потока. Сначала таинственной загадочностью предложения, а затем, т. е. по предъявлении, смыслом услышанного и раскрытием авторства полученной формулы. Очевидно, бывают и имеются выпавшие и априорно напрочь индифферентные представители обучающейся аудитории. Однако в целом идея работоспособна и эффективна.

В контексте проводимого исследования, что понятно и ожидаемо, таковой формулой предстаёт сказанное А. Эйнштейном: то, что он констатировал в отношении самого себя и есть та самая «затверженная формула» идеального студента, узнав которую диплом «гарантирован», ибо для погрязшего в инфантильности сознания, воожделенной целью предстаёт скорее и именно документ об образовании, заполучить который хочется наиболее лёгким путем.

По предъявлении высказывания великого физика, естественно, в эмоционально и концептуально обставленной и обыгранной обстановке, выясняется и выясняется, что ничего принципиально неизвестного и таинственно-чудесного в ней нет, однако, именно фактура, характер и форма представления, однозначно, выглядящих как математическая формула или начертание символами физического закона – краткий и ёмкий рецепт – делают своё позитивно-конструктивное дело, а именно концептуально заражают сознание пришедшего на занятие по философии, а тем самым инициируемого, т. е. посвящаемого в неё, о чём тот, естественно не знает. Важно понимать, что инициация – не начитка материала; не вычитывание лекции. Инициации – это «возрастные (или поло-возрастные) посвятительные церемонии. Инициации – одна из основных форм общественной связи людей на раннеплеменной стадии развития. Цель их – передать общеплеменные нормы жизни поколению, достигшему социального совершеннолетия» [1, с. 173].

Конечным результатом описываемого случая, как это бывало ранее и случается сегодня, тот факт, что многие и многие студенты и курсанты записывали в своих тетрадках предложенную «формулу идеального студента А. Эйнштейна», причём, не просто фрагментарно, но полностью и, что решительно важно, под диктовку преподавателя, о чём сами же настоятельно просили, а, порой, и требовали. Это, в свою очередь, представляло дополнительным средством воздействия, повышающим эффективность восприятия и усвоения: так задействовались все каналы приёма информации,

отличительной чертой которого была добровольность и искренность порыва.

Опираясь на личный опыт великого учёного, масштабируя и экстраполируя его на реальность сегодняшнего дня, можно утверждать, что схожая ситуация наблюдается и в среде и нынешних студентов гражданских вузов, и военных училищ, причём, совсем не как единичные случаи.

Причиной подобного положения дел является инфантильность сознания современника, ярким проявлением которой оказывается сказанное А. Эйнштейном. Его описание становится дополнительно ценным тем, что вскрывает и обличает симптоматику серьёзного недуга, а не просто частный случай расстройства личной эмоционально-волевой сферы. Обнаружение обозначенных симптомов в ком-то ещё помогает и позволяет говорить именно о вызове, чем обворачивается отдельная проблема, когда она обнаруживается и фиксируется большим массивом, т. е. множеством реальных фактов. Иными словами, зафиксированная А. Эйнштейном в слове формула «идеального студента», позволяет видеть и верифицировать то, как проявляется, как выглядит инфантильность, что переводит абстрактное слово и проблематику, передаваемую им, в конкретную, вполне осозаемую и весьма чувствительную плоскость. Внешние проявления, т. е. видимое, позволяют осмыслить скрытую сущность, т. е. невидимое. Это, в свою очередь, позволяет начать проработку того, как и чем данный коварный вызов можно нивелировать, а в пределе – изжить полностью, что решительно важно и для системы образования в частности, и бытия конкретного современника в целом, некоторое время пребывающего в ней, являясь курсантом или студентом.

Размышляя далее над тем, что есть инфантильность, т. е. над невидимым, сущностью/ядром, порождающей внешние, вполне фиксируемые проявления, важно отметить следующее.

По своим свойствам это есть противоположность идеалу, о котором шла речь в самом начале настоящего исследования, его разбалансировка, а в пределе его разрушение. Надо полагать, что отчасти причиной этого является личная, своя недоработка над самим собой, а что-то обусловливается и формируется внешней средой, в которую неизбежно оказывается погруженным всякий человек. В

деле выработки контрмер данное обстоятельство важно не сбрасывать со счетов.

На каждом из уровней бытия (личное и социальное бытие) налицо существует, так сказать, «естественная», «природная» инфантильность, т. е. простота и беззаботность восприятия и проживания происходящего. С течением времени, т. е. по мере взросления, она также естественно изживается, проходит. Так должно происходить в идеале. В реальности, особенно сегодняшней, она не просто не преодолевается, естественно настающим взрослением, но несмотря на него, его неизбежное наступление, усиливается и утяжеляется, что становится и уже стало бичом, вызовом настоящего времени. Естественная простота, своевременно не проходящая естественным путем, вырождается в инфантильность. Дополнительная нагрузка и усложнение ситуации, что нельзя не учитывать, обуславливается целенаправленными стараниями и усилиями определенных сил, которым рассматриваемое состояние сознания и души современника представляется выгодным по экономическим, политическим и прочим причинам, которые в таком случае как раз и оказываются злоказателями для данного студента и студенчества в целом.

Так, для первоклассника естественно не размышлять о смысле собственной жизни. В этом – онтологическом – плане его жизнь легка и проста, хотя, конечно же, при этом и трудна-мучительна – в собственно образовательном отношении в том числе. Однако, если тот же, некогда первоклассник не озадачивается таким вопросом, оканчивая одиннадцатый класс, то это уже патологическая симптоматика, сигнал о доминировании инфантильного, но не взрослого (на данный этап) сознания. Такое положение дел красиво и показательно отражается известной сентенцией на латыни: «Barba crescit – carpit nescit», что означает: «Борода растёт – голова не знает».

Академическим, а не просто житейским аргументом высказанной мысли предстаёт глубокая и одновременно предельно ясная (т. е. без лишней философско-умозрительной витиеватости, чем, к сожалению, действительно, порой, страдает философия) формулировка Б.Н. Попова, изложенная им в работе под названием «Взаимосвязь категорий счастья и смысла жизни», вышедшей в свет в теперь уже далёком 1986 году, т. е. ещё в Советское время, что по прошествии лет, стало и всё становится важным в концептуальном плане фактом.

Так, касательно сказанного выше убедительна и доказательна следующая мысль, которую важно и должно донести до каждого погружающегося и инициируемого в философию: «Понятия смысла жизни и счастья больше, чем какие-либо другие этические категории, выражают внутреннюю потребность человека в самоутверждении себя как личности. Эта потребность выступает как стремление к осознанию личностью своего места и назначения в жизни. Тот факт, что человек задумывается над этими вопросами, может рассматриваться как своего рода показатель зрелости личности. Осознанные личностью высшие социальные потребности, воплощаясь в формах морального сознания, становятся регуляторами деятельности индивида, придавая ей ценностно-значимый смысл» [14, с. 10].

Инфантильность угрожает и деструктивно оказывается и на молодых современниках, и на уже взрослых людях, затрагивая при этом все сферы жизни и деятельности человека и общества. Сфера образования является исключением. В особой мере, как показала и доказала личная педагогическая практика, проблема обнаруживается в деле обучения студентов вузов/колледжей и курсантов военных училищ такой гуманитарной дисциплине как «Философия» и «Основы философии». Проявляется это следующим образом.

Первоначальное восприятие обучающимися указанной дисциплины по её обнаружении в календаре занятий не вызывает у них особого оптимизма, а потому не порождает и воли к его освоению. Более того, оно наводит на них откровенную тоску, обуславливающуюся непониманием предназначения философии в деле приобретения выбранной специальности, будь то бухгалтерский учёт или глубинная разведка.

Данный вывод многократно подтверждался и подтверждается личной педагогической практикой автора настоящей монографии. Например, что важно как факт, как документ, продуктами деятельности обучающихся, а именно их небольшими сочинениями-размышлениями на заданную преподавателем тему философского, т. е. широкого и глубокого характера. В качестве иллюстрации-аргумента важно привести ещё несколько выдержек из такого рода работ, естественно, *incognito* и обезличено, ибо в них содержится искренность размышления и доверие преподавателю, поставившему такого рода интеллектуальную задачу, которые нельзя предать.

Давно же, честно говоря, никогда не было
поколено, что такое философии, как оно остав-
ляет следа в нашей жизни.

И, честно говоря, я никогда не понимал
молодёжь, которая ничего изучает философию. Не
хочется никого обижать, но я считаю таких людей
„не от мира сего“. Максим Сергеевич, от этого
сердца вам скоро — к вам это не относится.

Рис. 3. Студенческое сочинение: опыт построения мысли

Одной из причин этого, как представляется, и является инфантильность сознания молодого современника, которая не преодолевается достижением возраста 18–20 лет – времени обучения на первом или втором курсе, когда философия и появляется на образовательном и смысловом горизонте. Проявляется она в неналичии или недостаточном присутствии качеств, отмеченных А. Эйнштейном, которые были обозначены выше.

Речь не идёт о патологии, порождающей неспособность интеллектуально развиваться; не о деградации поколения/поколений, говорить о которой сегодня стало определённым трендом и «хорошим тоном» в духе известных реплик: «Вот было время...» или «В наше время такого не было!». Проблему следует воспринимать и понимать как результат стойкого присутствия в сознании и душе молодого человека в частности и человека-современника вообще недостаточности потенциала (духовного и интеллектуального) преодолеть неизбежно-объективно уходящий этап подросткового становления; недостаточности силы (души и ума) воспротивиться соблазну-искушению закрепиться и остаться навсегда в беззаботном «сейчас», действительно, бывшим таковым в теперь уже (т. е. на момент обучения в военном училище или гражданском вузе) прошедшем детстве.

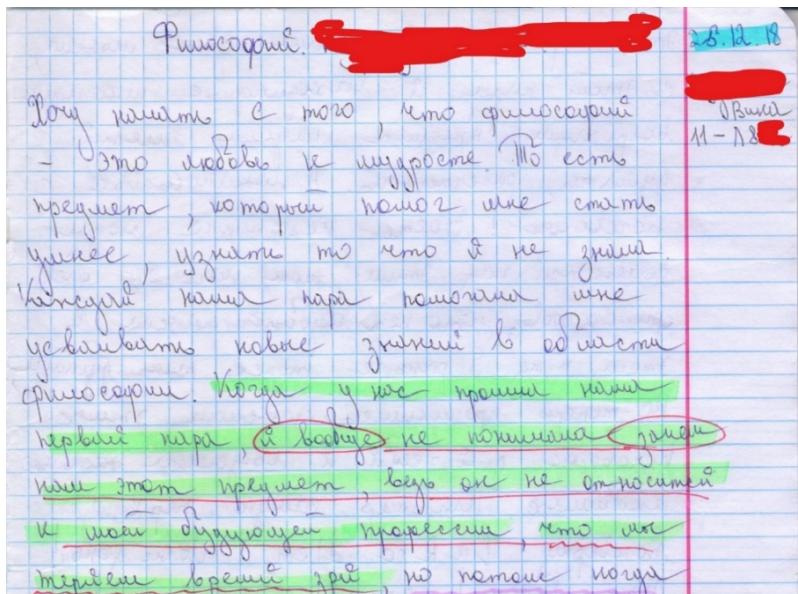

Рис. 4. Студенческое сочинение: опыт построения мысли

Имеется в виду состояние, ситуация которые наступили и теперь являются фактом, мириться с которым, однако, не хочется, несмотря на имеющееся видение и пришедшее понимание, о неизбежности наступления которых человек к тому же когда-то настоятельно, но элегантно предупреждался. Например, Е. Крылатовым и Ю. Этыным:

«Детство кончится когда-то,
Ведь оно не навсегда,
Станут взрослыми ребята,
Разлетятся кто куда».

Слыша известные с детства строчки песни «Крылатые качели», страдающее инфантильностью сознание, «приходит в себя», но при этом всё равно противится. Положение дополнительно накаляется тем обстоятельством, что предупреждение, фактически, годами находилось рядом, т. к. знаменитый фильм («Приключения Электроника» (1979 г.)) появлялся на смысловом горизонте человека в его бытность школьником 5–6 класса, однако, в полную силу оно неожиданно засияло, будучи упомянутым на занятии по философии в его же бытность, но уже студентом колледжа или вуза, что

как педагогическое решение, было намеренно реализовано преподавателем дисциплины.

Неадекватное и недолжное восприятие складывающихся обстоятельств появляется в следствие избегания внешних раздражителей и уклонения от внутренних и внешних сигналов, инициирующих и понуждающих сознание на серьёзное интеллектуальное действие – постановку и размыщение над фундаментальными вопросами собственной жизни и бытия в целом, такими как, например, смысл жизни, счастья, жизни и смерти, чести, совести, долга. Именно это является основным предназначением философии-предмета. Именно это делает философия-дисциплина. Именно это, как это видится автору-преподавателю, и предстаёт причиной её неприятия: озадачиваться и мучиться указанными проблемами трудно; это психически и морально энергоёмко; это занимает изрядное количество времени. В таком свете беззаботность и лёгкость – инфантильное отношение и действование – представляются наилучшей, альтернативой, которая, несмотря на её порочность и пагубность, видится вожделенной.

Выводы. Задачей субъекта образовательно-воспитательной деятельности, таким образом, становится преодоление – переформирование, пере-барыбование, пере-устанавливание – за установленный период погружения в философию, корневой причины, обуславливающей описанное выше стечние обстоятельств и логику их развития.

Очерченное положение дел не является открытием: идея-предупреждение о том пронизывает века, будучи настоятельно и по-разному подчёркиваемой мыслителями различных эпох, будь то собственно философы или литераторы, учёные или политики. Об этом, например, ориентируясь на детское сознание, писал И.А. Крылов в басне «Стрекоза и Муравей», которая, как известно, не успела оглянуться, как пропела красное лето [9, с. 33]. Об том же, но более чем строго и даже жёстко, говорил Б. Паскаль, утверждая, что развлечение – это, ни много на мало, а величайшее из наших несчастий, незаметно губящее нас: «Развлечение – величайшее из наших несчастий. Это оно больше всего мешает нам думать о самих себе и незаметно губи нас. Без него мы стали бы скучать, и скука заставила бы нас искать более надёжного средства от неё избавиться; но развлечение нас забавляет и позволяет приблизиться к смерти незаметно» [13, с. 169].

В этом плане задачей преподавателя философии-предмета оказывается именно подсвечивание проблематики, как отмечалось ранее, в самом начале пути, причём, не предосудительно, не надменно и не высокопарно, но тонко и добро – как пастырь, но при этом строго и решительно – как командир воинского подразделения.

Иными словами, именно как предупреждение, наставление о существовании и пагубной работе, действий, однако, пока ещё только (на момент начала пути погружения и постижении философии-disciplines обучающимся) открываемого многогранного коварного вызова – инфантильности сознания. Грамотно подобранные и искусно представленные аргументы, в т. ч. те, что использованы в данном тексте, позволяют наименее раздражительно, добро, но неумолимо обозначить лукавого противника и образования-системы в целом, и человека-современника в частности.

Использованная литература

1. Атеистический словарь. – Москва : Политиздат, 1986. – С. 173.
2. В США заявили об использовании «Википедии» для обоснования санкций против России. – URL: <https://lenta.ru/news/2023/09/21/wiki/?ysclid=ln59tra7ch127189899> (дата обращения: 26.12.2023).
3. Воскресенская, Н. О. Гуманитарное образование в современной России: проблемы и пути их преодоления / Н. О. Воскресенская, Е. М. Скворцова // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. – 2021. – Том 11. №5. – С. 57–63.
4. Гребенникова, В. М. Социальная инфантильность родителей как фактор формирования отклоняющихся моделей поведения детей / В. М. Гребенникова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2018. – №1-4. – С. 31–34.
5. Демиденко, А. С. Рискологическая концепция изучения социальной инфантильности российской молодёжи / А. С. Демиденко // Вестник ЮРГТУ (НПИ) Серия: Социально-экономические науки. – 2021. – Том 14. №6. – С. 64–70.
6. Исмаилова, Н. П. Преодоление нравственного кризиса посредством духовно-культурного воспитания молодого поколения / Н. П. Исмаилова, З. С. Курбанова // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – №2. – С. 186–189.
7. Киркинская, Т. И. О ментальной деградации и путях её преодоления в школьном образовании / Т. И. Киркинская, Т. Л. Истоцкая // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. – 2020. – №11. – С. 156–160.

Монография

---

8. Корнилова, Е. Н. Манипуляции сознанием в процессе реформирования образования и науки в России / Е. Н. Корнилова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2020. – Том 26. №4. – С. 48–75.
  9. Крылов, И. А. Басни / И. А. Крылов. – Москва : Детская литература, 1965. – С. 33.
  10. Лободин, В. Т. Современные вызовы и их преодоление в образовании / В. Т. Лободин // Образование: Ресурсы развития. Вестник ЛОИРО. – 2021. – №4. – С. 23–27.
  11. Назаренко, К. С. Кризис российского высшего образования как последствие преодоления кризиса информационной эпохи / К. С. Назаренко // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2022. – №2 (31). – С. 169–173.
  12. Неклюдова, В. В. Неустойчивость к манипуляции как признак инфантильности молодых людей / В. В. Неклюдова // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – №59-4. – С. 438–440.
  13. Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва : Асторель, 2011. – С. 169.
  14. Попов, Б. Н. Взаимосвязь категорий СЧАСТЬЯ и СМЫСЛА ЖИЗНИ / Б. Н. Попов. – Москва : Наука, 1986. – С. 10.
  15. Таныгина, Е. А. Образ университета, стоящий за словами образование, вуз, университет в сознании современных студентов / Е. А. Таныгина, Т. С. Никитенкова // Вестник ТвГУ. Серия Филология. – 2020. – №4. – С. 87–97.
  16. Тесла, Н. Куда идёт мир: у лучшему или худшему? / Н. Тесла, А. Эйнштейн. – Москва : Алгоритм, 2014. – С. 147.
  17. ЦРУ и ФБР используют «Википедию» в интересах разведки США – Yeni Safak. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/08/04/cru-i-fbr-ispolzuyut-vikipediyu-v-interesah-razvedki-ssha-yeni-safak> (дата обращения: 26.12.2023).
  18. Шатилова, А. Б. Инфантильность современного общества и проблема электорального возраста: рациональный взгляд / А. Б. Шатилова // Вестник финансового университета. Гуманитарные науки. – 2021. – №6. – С. 17–21.
-

1.1.1. Обучение основам философии как преодоление инфантильности сознания молодого современника

Научная статья с таким названием вышла в свет в 2017-м году на страницах журнала «Проблемы современного педагогического образования» (№ 55-4, с. 312–318).

1896–1900 гг. – обучение на отделении преподавателей дисциплин швейцарского политехникума. Вскоре я заметил, что довольствуюсь ролью посредственного студента.

Для того чтобы быть хорошим студентом, нужно обладать легкостью восприятия; готовностью сконцентрировать свои силы на всем том, что читается на лекции; любовью к порядку, чтобы записывать и затем добросовестно обрабатывать преподносимое на лекциях.

A. Эйнштейн

Работа преподавателей системы среднего профессионального образования, а речь в данном случае идёт именно о ней, равно как и в любой другой сфере, определяется официальными, утвержденными руководящими документами, регламентирующими направление и характер их деятельности. Преподаватели философии (предмет «Основы философии») не исключение.

Федеральный государственный образовательный стандарт устанавливает вполне понятные требования и ориентиры, дух и содержание которых разворачиваются и доводятся до сознания студентов, а, следовательно, воспринимаются и ощущаются ими в рамках плановых аудиторных занятий.

Как показывает практика, достаточно часто, первоначальное восприятие обучающимися данной дисциплины не вызывает у них особого оптимизма и не порождает воли к его освоению. Более того, обнаружение её в календаре занятий наводит откровенную тоску и непонимание предназначения философии в рамках процесса приобретения той или иной специальности.

Очевидно, что это обуславливает необходимость преодоления подобного *вызыва*, снижающего эффективность проводимой образовательной работы.

Одной из причин, о которой чрезвычайно важно сказать во избежание необоснованных обвинений в осуждении и предрасположенном отношении, как представляется, является инфантильность сознания молодого современника, которая не преодолевается достижением возраста 18–20 лет.

Речь не идёт о наличии патологии, порождающей неспособность развиваться, не о деградации, о которой сегодня (по поводу и без такого) говорят многие и многие, что уже стало своего рода трендом, идентификатором принадлежности и входным билетом к тем, кто обладает критерием «понимания» происходящих явлений и событий.

В данном случае обозначенную проблему следует рассматривать как следствие недостаточности у современника потенциала (духовного, интеллектуального) именно преодолеть объективно уходящий этап подросткового становления личности, недостаточности крепости воспротивиться искушению закрепиться, остаться навсегда в таком беззаботном «сейчас», крича, подобноFaусту: «Мгновение, повремени!» [2, с. 67], несмотря на звучащие возвзвания никуда не девающегося здравого смысла и всё наступающей взрослости.

Само по себе такое устремление закрепиться в состоянии беззаботного благоденствия понято и естественно для человека. В рассматриваемом же контексте обозначенная проблематика, намеренно раскрашиваемая словами Faуста, обретает тем самым дополнительный драматизм и остроту в силу того, что «Мгновение, повремени!» было произнесено не просто в порыве эмоции и страсти, но вполне осознанно, трезво – в сделке с Мефистофелем:

Фауст

«Пусть мига больше я не прятану,
В тот самый час, когда в успокоенье
Прислушаюсь я к лести восхвалений,
Или предамся лени или сну,
Или себя дурачить страсти дам, –
Пускай тогда в разгаре наслаждений
Мне смерть придёт!

Мефистофель

Запомним!

Фауст

По рукам!

Едва я миг отдельный возвеличу,

Вскричав: «Мгновение, повремени» –

Всё кончено, и я твоя добыча,

И мне спасенья нет из западни.

Тогда вступает в силу наша сделка,

Тогда ты волен, – я закабалён.

Тогда пусть станет часовая стрелка,

По мне раздастся похоронный звон» [2, с. 67–68].

Отходя от художественного языка образов и метафор, следует отметить, что неадекватное восприятие складывающихся обстоятельств, отсутствие или же та самая недостаточность внешних стимулов и раздражителей, способных генерировать, побудить сознание молодого человека на серьёзное интеллектуальное делание – постановку и размышление над фундаментальными вопросами собственной жизни и бытия в целом, – не позволяют блокировать, перебарывать естественную возрастную специфику и расположность: постоянно ширящийся и множащийся внешний шум, фон, суeta и соблазны повседневности, именно физически устраниют, глушат возможность взлёта мысли, замыкая её в быту и тривиальности.

К сожалению, сегодня это является не просто проблемой, но вызовом и относится не только к молодому поколению современников: в настоящее время в каждой и к каждой возрастной и социальной группе находятся соответствующие субSTITУты, симулякры и мефистофели.

Возвращаясь к основной мысли и задаче статьи, следует сказать, что в системах, будь то экономическая, политическая или образовательная, большое значение имеет форма, т. е. то, что задаётся буквой, прописывается в документах и, таким образом, приобретает обязательный характер для всех тех, кто оказывается вовлечённым и причастным к той или иной системе.

Это обстоятельство даёт основание смоделировать метод преодоления той или иной недостаточности, в том числе недостаточности, порождающей инфантильность сознания современного студента, о которой сказано выше.

Естественно, такой метод будет носить формальный характер, что, однако, не умаляет его действенность. Заключается приём в

прямом акцентировании внимания аудитории на том, что устанавливает базовый документ.

Понятно, что подобное решение способно лишь частично снять внутреннее противоречие: положено-предписано, значит, надо-должно. Однако это есть именно отправная точка, позволяющая инициировать дальнейшую сложную работу, ассоциировать молодого человека с системой образования.

Иными словами, это есть момент, дающий побуждение и по-нуждение к серьёзному деланию.

Исходя из того, что сфера образования есть система, то и деятельность в ней регламентируется и подчиняется требованиям руководящих документов, одним из наиболее важных среди которых, является федеральный государственный образовательный стандарт.

Следует напомнить, что в рассматриваемом случае речь идёт о стандартах для сферы среднего профессионального образования.

Утверждение стандарта (стандартов) приказом Министерства образования РФ и регистрация в Министерстве юстиции России показывает и доказывает его (их) формальную значимость и статус, что само по себе способствует нивелированию колебаний, дисциплинирует обе стороны учебного процесса.

В изложенном контексте возникает задача понять, что даёт и *каким* образом буква документа (стандарта) способствуют не только формальному, но концептуальному разрешению и преодолению наличествующих вызовов, в частности, такого, о котором было сказано выше.

Рассматривая в качестве примера стандарт для такой специальности, как «Банковское дело (38.02.07)» (что одинаково справедливо и для ряда других направлений – «Экономика и бухгалтерский учет (38.02.01)», «Финансы (38.02.06)», «Операционная деятельность в логистике (38.02.03)» или «Гостиничный сервис (43.02.11)»), следует отметить установку на то, что в результате изучения обязательной части учебного цикла (общий гуманитарный и социально-экономический учебный цикл), куда включён предмет «Основы философии», обучающийся должен уметь: «ориентироваться в наиболее общих философских проблемах бытия, познания, ценностей, свободы и смысла жизни как основах формирования культуры гражданина и будущего специалиста» [4].

Важно подчеркнуть, что указание обучающимся задач, стоящих перед ними, именно в тех словах, которые употреблены в руководящем документе, позволяет преподавателю продемонстрировать и доказать аудитории то, что прикосновение, осмысление и оперирование глубокими абстрактными понятиями не есть волонтаризм субъекта педагогической деятельности, но именно позиция и ориентир системы.

Причина в том, что именно так, зачастую, воспринимается дисциплина «Основы философии» студентами-неофитами, что и обуславливает необходимость обращения их сознания, прежде всего, к основам, сухо сформулированным официальным языком.

Следующий шаг в направлении *преодоления* инфантильности восприятия серьёзного мировоззренческого предмета студентом может и должен быть также основан на содержании базового документа.

Дальнейшее обращение к нему позволяет реализовать важный переход от формальности, буквы к собственно философскому – глубокому и широкому – восприятию и рассмотрению актуальной жизни конкретным студентом (будущим специалистом), что, собственно, требует стандарта.

Эффект тактического и стратегического воздействия на сознание обучаемых создаётся тем объективным обстоятельством, что на приобретение требуемого умения, руководящим документом отводится всего 48 часов обязательных учебных занятий.

Обозначение установленных временных рамок позволяет, если так можно выразиться, «привести в чувство» всех обучаемых: и тех, кто совершенно далёк от философского восприятия действительности, и тех, кто уже имеет некоторую степень расположенности, погружения и осознания сути и важности учебного предмета. Время – ускользающий ресурс для всех.

Очевидно, что реализация данной задачи очень во многом зависит от преподавателя, однако, и формальная сторона дела, воплощаемая им же, а именно доведение до сведения и сознания обучаемых четко установленного лимита учебных часов, позволяет произвести на них должное и необходимое воздействие, способное сдвинуть с места, придать импульс конструкции.

Проведя подобного рода подготовительную работу, преподаватель может и должен приступить к реализации основных задач, основывающихся на разработанной и утверждённой программе, которая также есть документ, т. е. он снова сталкивается с формой.

В этой связи возникает проблема, вопрос о том, как преодолеть ситуацию (1) и, соответственно добиться состояния (2), когда littera occidit (1), spiritus autem vivificat (2) (буква убивает (1), а дух животворит (2) (лат.)).

Вполне очевидно, что речь не должна сводиться к нахождению и применению преподавателем некоторого волшебного способа, способного единовременно и навсегда вывести аудиторию из анабиоза и указанной выше недостаточности.

Кроме того, не менее справедливо то, что и обучаемые не должны уповать на то, что им предложат чудесное решение, которое без особых личных усилий преобразит их и сделает мудрыми: транслирует (перекачает) мысли и увеличит потенциал резистентности вызовам и искушениям.

Указанные объективные данности позволяют задуматься, выработать и реализовать подход к работе, эффективно отражающийся и на тактических, и на стратегических задачах.

В первом случае задачей является передача и, соответственно, освоение конкретной дисциплины («Основы философии»), а во втором ею становится максимально адекватное и серьёзное моделирование и проживание данной (не в смысле «этой» (презрительно), но в смысле «дарованной» (патетично)) жизни. Очевидно, что в таком случае статусность (субъект/объект) уже не имеет особого значения: и преподаватели, и студенты есть люди, пребывающие во времени, неумолимо стремящиеся в вечность.

Таким образом, верно сформулированный, определенный подход позволяет рассчитывать на успех и позитивный исход проводимой работы.

В разработке такого концептуального ориентира может снова помочь буква руководящего документа.

Дело в том, что курс «Основы философии» – поднимаемые и рассматриваемые темы, проблемы, понятия, идеи и образы – обязывает и призван формировать в студентах т. н. «Общие компетенции», причём конкретное их количество.

Анализируя контент и дух определяемых Федеральным государственным образовательным стандартом ориентиров-требований, можно сделать важное для решения обозначенной задачи наблюдение, вывод: освоение основ философского делания (оперирование понятиями, прикосновение к идеям, смыслам и проблемам) должно ясно очертить взору, мысли и чувству каждого обучаемого то обстоятельство, что актуальная жизнь, в частности, кратковременное пребывание в статусе студента, т. е. период получения образования, не есть развлечение, не есть игра.

В качестве примера-доказательства следует указать некоторые Общие компетенции, прописанные в руководящем документе:

ОК 1. Понимать сущность и социальную значимость своей будущей профессии, проявлять к ней устойчивый интерес.

ОК 2. Организовывать собственную деятельность, выбирать типовые методы и способы выполнения профессиональных задач, оценивать их эффективность и качество.

ОК 3. Принимать решения в стандартных и нестандартных ситуациях и нести за них ответственность.

ОК 7. Брать на себя ответственность за работу членов команды (подчинённых), результат выполнения заданий.

ОК 8. Самостоятельно определять задачи профессионального и личностного развития, заниматься самообразованием, осознанно планировать повышение квалификации [4].

Очевидно, что обозначенное является следствием прикосновения к философии, обеспечивающего то, что в сознании обучаемого (в большей или меньшей степени – зависит от самого человека) свершается, т. е. не в смысле «заканчивается» (как некий процесс), но в смысле «сделается совершенным» (как качественное состояние) самоопределение в ценностях, формируется т.н. «ценостное сознание» – «форма отражения объективной действительности, позволяющая субъекту определить пространство своей жизнедеятельности как нравственно-духовное; единство психических процессов, активно участвующих в осмыслении человеком объективного мира и своего собственного бытия на основе отражения действительности как мира духовных ценностей» [3, с. 121].

Именно в таком состоянии, как представляется, обучающийся может проникнуться содержанием слов А. Эйнштейна, взятых эпи-

графом к настоящей статье: не только понять, но пережить, что значит настоящий, качественный студент, позднее вырастающий в специалиста.

Именно в таком состоянии формальная сторона образовательного процесса, представшая в данном частном случае отправной точкой размышления на заданную тему, перестаёт быть просто буквой, но оказывается инспирирующим средством и методом обретения, вхождения во взросłość, которой становится понятно, близко и трогательно значение слов В. Гейзенберга, лаконично передавшего суть образования, понимаемого не только как сумму важных, необходимых и неизбежных знаний об окружающем мире: «Образование – это то, что остаётся, когда забыли всё, чему учились. Образование, если угодно, – это яркое сияние, окутывающее в нашей памяти школьные годы и озаряющее всю нашу последующую жизнь. Это не только блеск юности, естественно присущий тем временам, но и свет, исходящий от занятия чем-то значительным» [1, с. 15].

Использованная литература

1. Гейзенберг, В. Избранные философские работы / В. Гейзенберг. – Санкт-Петербург : Наука, 2006.
  2. Гете, И. Ф. Фауст / И. Ф. Гете. – Москва : Э, 2016.
  3. Сластенин, В. А. Введение в педагогическую аксиологию / В. А. Сластенин. – Москва : Академия, 2006.
  4. Приказ Минобрнауки России «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 38.02.07 «Банковское дело» от 28.07.2014 №837 (Зарегистрировано в Минюсте России 18.08.2014 №33622). – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=168836#0>
-

1.2. ПРОФАНАЦИЯ И СИМПЛИФИКАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Заявленная названием параграфа проблема обуславливается по меньшей мере двумя крайне ёмкими обстоятельствами.

Во-первых, слабой развитостью у современника критического мышления, о чём, в частности, говорит факт попадания многими и многими россиянами, причём, вне зависимости от возраста и профессий, в цепкие лапы телефонных и интернетных мошенников, выкачивающих из каждого по отдельности и всех вместе/вообще действительно колоссальные суммы⁶ денег⁷. Сюда же можно и нужно отнести всевозможных гадалок, магов, тарологов и нумерологов, а также, что стало визитной карточкой современной эпохи, многочисленных организаторов т. н. «марафонов чего-то», т. е., опять же, так называемых «марафонов личностного роста», «марафонов богатства», «марафонов счастья» и прочих, и прочих громкоговорящих уловок.

Во-вторых, фактом чрезмерного упования на науку при одновременном непонимании её сущности, доводящими человека и общество до того, что за науку стало выдаваться, а главное приниматься современниками то и такое, что ею совсем не является. Иными словами, под удар и тлетворное воздействие порока попала специфическая, присущая только человеку сфера деятельности, которая именуется «наукой». Так, сегодня в некоторых случаях слово «наука» стало использоваться в качестве специфической приманки, средства уловления расслабившихся и дезориентированных умов многих и

---

⁶ «Российская газета». 11.01.2025 г.: «Кибермошенники похитили у россиян в прошлом году в 250-300 миллиардов рублей. В такую сумму ущерб оценил в интервью РИА Новости заместитель председателя правления Сбербанка Станислав Кузнецов». . – URL: <https://rg.ru/2025/01/11/sberbank-v-2024-godu-moshenniki-pohitili-u-rossiiian-250-300-milliardov-rublej.html?ysclid=m8b1pk2828370419783>.

⁷ «Вести.ру». 13.03.2025 г.: «Телефонные и интернет-мошенники ежедневно похищают у россиян порядка 1 млрд. рублей. Об этом заявил член Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, эксперт в сфере информационных технологий, искусственного интеллекта и программного обеспечения Игорь Ашманов. По его словам, в телефонном мошенничестве участвует по меньшей мере 50 тысяч злоумышленников». – URL: <https://www.vesti.ru/article/4401464?ysclid=m8b1u93exb871000261>.

многих граждан, причём, не только России, но и всего мира: стало достаточным только применить или ловко встроить в некоторый контекст слово «наука», чтобы сознание *специфически настроенного* современника утратило равновесие и критическое восприятие, а в силу этого слепо и спокойно не просто качнулось, но устремилось, ринулось в сторону того, что было *искусно приправлено* научностью/наукообразием или же вообще просто-напросто *объявлено* наукой. В настоящее время такой подход – *назначение наукой, приданье научности* – в определённой мере стало гарантировать коммерческий, но что гораздо более опасно общественный или политический успех какому-то продукту или проекту.

Сказанное выше имеет самое непосредственное к данному параграфу монографии в частности и всему её содержанию, и предназначению в целом. Это обуславливается следующим.

Неизбежным следствием опасной тлетворной тенденции, её распространения и поглощения собою пленённого (в данном случае им, т. е. пленённым, оказывается всё адекватное и здоровое), предстаёт аналогичный технически, но концептуально более опасный, ход-уловка, заключающийся в объявлении, наречении философией того и такого, что, как отмечалось ранее относительно науки, ею, т. е. философией, совсем не является. Лукавый посыл типа «Это (в т. ч. и то, что указано выше, т. е. «марафоны», тарология, магия, коуч-наставничество) – философия, а философия – это наука» делает своё дело: предлагаемое *нечто* как знание научное, порабощает ум и душу человека, делает их тем самым неспособными к прорыву к подлинной мудрости, к истинным основам бытия и закономерностям его функционирования, что непременно заканчивается неприятностями личностного уровня и общественного масштаба.

1.2.1. Деструктивная трансформация фундаментальных аспектов жизни современника модными трендами

Научная статья с таким названием вышла в свет в 2023-м году на страницах журнала «Социально-гуманитарные знания» (№1, с. 148–150).

Введение

В настоящее время англицизмы в русском языке стали весьма и весьма распространённым явлением. Иногда их использование оправдано и даже неизбежно, однако, зачастую их употребление является просто атрибутом тех или иных новомодных трендов, овладевающих сознанием граждан России, преимущественно молодой части общества. В таком случае они по-настоящему уродуют и речь современников, и ход их мысли, что является много большим злом, чем просто коверкание языка. Последнее опасно, в частности, тем, что способно весьма радикально трансформировать, а точнее – извратить – понимание и значение фундаментальных (т. е. решительно важных) для жизни явлений, отражаемых теми или иными понятиями. Одним из них, безусловно, является понятие «образование», не оказавшееся в стороне от тлетворных тенденций обесценивания смыслов. Сегодня это, в частности, осуществляется посредством русификации английских слов и выражений, а также через специфическую смысловую нагрузку значений получившихся новообразований. Это и рассматривается одним из деструктивных трендов современности, о котором предлагается подумать в настоящей статье.

В английском языке есть словосочетание *must have*, которое в чисто лингвистическом, свободном от культурных веяний и тенденций смысле, означает «должно/нужно иметь». Однако в силу крепнувшего и распространяющегося сегодня потребительского (консюмеризма) подхода к жизни, неизбежно отражающегося на всех её сферах и аспектах, в т. ч. и на лексике и грамматике русского языка, указанное выражение приобрело специфически окрашенный оттенок смысла, заключающийся в том, что им стало обозначаться *нечто*, которое современник-потребитель просто обязан (*must*) заполучить и владеть (*have*) им, без чего он оказывается не современным, не в тренде, не своим – выпадающим «из мира», что, естественно, взволновывает и обескураживает, расстраивает и разрушает его. Такое *нечто* и стало именоваться «*must have*» или «мастхэв» в русской транслитерации. Примечательно, что эта

калька и в языковом, и в содержательном плане перешла в отечественную реальность из Западного мира, до сих пор мнящего себя авангардом всего прогрессивного.

Психологическая сторона «мастхэва» может быть описана так: это приходящее (формируемое, приобретаемое) состояние острой потребности, нужды в чём-то, которое отвлекает на себя все психические, ментальные и физические силы человека, всецело охватывает-обволакивает его, лишая способности рационально извешенно оценивать происходящее, в т. ч. даже на фоне и в связи с приобретением вожделенного на данный момент «мастхэва», не говоря о ситуации его отсутствия, ввергающей его в сильнейшую фрустрацию. Как показывает практика, действительно суровая проза жизни его достижение реализуется далеко не всегда. Собственно, по этой причине, оставаясь острым раздражителем и возбудителем, на горизонте начинают появляться уже их субSTITУты, т. е., фактически, подделки подделок, производные от фэйка, если воспользоваться вошедшим в оборот иностранным словом. Кроме того, накал страсти в подлинном, а не метафорическом смысле слова, обусловливается и напрямую зависит от величины, масштаба «мастхэва»: чем он больше, тем более трудно достижимым он оказывается, при этом, единожды закравшись в ум, он только разрастается, прогрессирует, в силу чего увеличивается и расстояние до него, а потому и симулякризация (фэйковизация) реальности. Порочный круг, таким образом, замыкается, порабощая человека.

Трендовая сторона явление заключается в следующем. Потребительско-мещанский дух нынешней эпохи, обуславливает основные свойства всякого «мастхэва», а именно его тенденциозность и однодневность. Именно поэтому в данном периоде/сезоне/неделе первостепенно и значимо одно, а в следующем уже совсем другое увлечение. Критичность ситуации придаёт то обстоятельство, что указанные сущностные характеристики всякого «мастхэва» способны деформировать, обесценивать и профанировать фундаментальные явления и жизненные процессы, отражаемые теми или иными понятиями и терминами. Возможно, это происходит в виду того, что все основательное и долговечное рассматривается и понимается своего рода угрозой: их наличие и преобладание делают не необходимыми и не важными калейдоскоп преходящих тенденций и трендов. Возвращаясь к размышлению, следует отметить, что

одним из таких концептуальных понятий, попавшим под давление, является «образование». Сегодня оно оказывается под воздействием обеих, описанных выше, сторон обозначенного явления. Результатом его постепенного подтачивания извне, а также в силу развития патологических процессов внутри него самого, стал факт его обращения в тот самый «мастхэв». Это, к сожалению, подтверждается многолетней педагогической практикой. Очевидно, что пока это не носит тотального характера, т. е. так его видят и рассматривают не все современники, однако, в той или иной мере такой новомодный тренд уже коснулся довольно многих и при этом он продолжает набирать силу и распространение.

Примером этого может быть, скажем, не один раз наблюдавшаяся ситуация, когда молодой человек учится на специальности «Финансы», но при этом в будущем видит себя каким-то блогером или фрилансером, что не имеет никакого отношения к осваиваемой сфере деятельности, но при этом он же заявляет о потребности и нужности ему именно диплома об образовании, пусть и по специальности «Финансы», который в его представлении есть просто «корочка». Действительно: «мастхэв» порождает «корочки» и «корочковость» образования. В этом и заключается его профанация и деградация, а в не далёкой перспективе в таком ключе и его разрушение.

Понятно, что такого рода позиция и поведение во многом обусловливаются возрастом и причастностью-погруженностью в некие движения, течения и тренды, представляющиеся современными и прогрессивными, которые весьма вероятно уже через некоторое время перестанут быть таковыми для неизбежно взрослеющего, а потому меняющегося человека, которые тем самым освободят его от своих требований и притязаний (тех самых *must have*'ов периода/сезона/недели). Зачатую это так и происходит. Однако после освобождения от плена таких субститутов (заменителей) реальности, человек оказывается опустошённым, подобно суду (бак, баллон) из которого выпустили/вытек весь имевшийся там объём вещества (газа): субстанция вытекла – её не стало, но сам сосуд физически остался сосудом первоначального объёма, который оказался незаполненным, т. е. пустым, который теперь надо снова чем-то заполнять.

Параллель с осмысливаемой здесь темой образования прямая. Развлечение с образованием, а «мастхэв» есть именно развлечение

и потеха, средством и поводом которых предстает глыба образования (явление, процесс, институт), обращает его, отождествляет с детской игрой в понарошку. В таком случае в нем все делается понарошкой или в понарошку: учебный процесс, т. е. лекции, семинары, курсовые работы; экзамены, как итоговые испытания, позволяющие оценить меру успешности прохождения дистанции; сам документ, т. е. диплом/свидетельство/сертификат, как доказательство образованности. Собственно, поэтому сегодня сосуд, т. е. человек, его сознание, заполняется одним *must have'ом*, а завтра он же вместил в себя другой и т. д. Большой разницы нет, ведь все «по приколу», просто так.

В целях сохранения объективности осмысления проблематики важно отметить следующее. И в случае подлинного образования, и в случае его повреждения коверканием имеет место, происходит, как отмечалось ранее, процесс заполнения, т. е. помещение внутрь вместелища чего-то, почитаемого важным, ценным,енным. Отличие является то, что в первом случае, т. е. образовываясь, человек обретает *знания, умения и навыки*, а во втором, забавляясь с «мастхэвами», он получает лишь подделку или, как принято говорить сегодня, фэйк. Примечательно и важно то, что в обоих случаях расходуется ресурс, который *невозможно восстановить – время*.

Развлекательный модус, доминирующий и властвующий в новомодном случае, опасен и коварен тем, что когда-то роза ветров меняется и всё мало-мальски, худо-бедно собранное-скопленное, обесценивается и выбрасывается, ведь приходит нечто новое. Это, однако, оставляет его неготовым и уязвимым перед лицом «внезапно» и «неожиданно» для него самого появившихся реальных вызовов и угроз, обусловленных открывшейся и засиявшей личной не-образованностью и без-образностью, в полной мере предстающих взору в момент избавления от выходящего из оборота тренда – актуального сегодня «мастхэва». В этом и состоит злая шутка развлечения: оно, как некогда выразился физик и философ Блез Паскаль, нас забавляет, но тем и позволяет приблизиться к смерти не заметно, которую следует понимать и в прямом, и образном смысле. «Мастхэв»-тренд делает образование развлечением, которое *надо всего лишь иметь, причем, не по существу, но только по форме (диплом, ставший «корочкой») или по факту (есть у всех)*. Очевидно, что это не оказывается положительно на личностных и

профессиональных качествах человека, но обращает его в пешку, а не фигуру на шахматной доске собственной жизни. Делает его только подвластным и манипулируемым объектом, но не самостоятельно действующим лицом. И все это на том фоне, что сам он этого *не видит и не осознает*, что вполне понятно и объяснимо. Он занят. Он увлечен очередным MUST HAVE'ом.

В силу причин, сформулированных выше, т. е. под воздействием новомодной, но однодневной идеологии, многие и многие юноши и девушки, ставшие студентами колледжей/вузов, сегодня, так сказать, «спят и видят» себя кем-то из приводимого далее списка. Или блогерами на различных интернет-площадках, зарабатывающим совсем не 30к в месяц как какие-то там на заводах (пояснение: сленговое выражение «30к/10к/100к» вошло в оборот и закрепилось в употреблении в среде молодых людей, живущих в сети Интернет, где «к» – это редуцированное начертание префикса, обозначающего «1000», используемого в Международной системе единиц). В интернетной, но уже и не только, жизни такой эвфемизм, используется в отношении получаемых человеком денежных средств – заработной платы. Так стали говорить и люди, живущие обычной жизнью, и граждане, решившие быть вне закона, например, зарабатывающие распространением наркотиков. Или «красавчиками, поднимающими денег» там же, но на различных ставках в спорте. Или, что крайне активно продвигается сегодня, геймерами, черпающими доход компьютерной лудоманией, эффектно именуемой «кибер-спортом». Или, что преимущественно характерно для девушек, уходом за заработком в т. н. «бьюти-индустрию», т. е., если говорить по-русски, в обеспечение себя подстриганием ногтевых пластинок на фалангах пальцев рук и ног граждан, а также удалением лишнего волосяного покрова на различных частях их тел и/или приведением его в некоторую, мыслимую клиентом красивой (в угоду актуальной тенденции), форму. Или, что удивительно, но факт – фрилансерами, вкалывающими доставкой еды заказчикам, т. е. обыкновенным, примитивным курьерством, не требующим специального, а тем более высшего образования, правда, романтизованным и приукрашенным созданным ему ныне имиджем прогрессивности, а также использованием продвинутых гаджетов – смартфонов, через которые получаются заказы, а также электросамокатов,

позволяющих стремительно рассекать пространства городов (однако в основном всё осуществляется пешком).

Ознакомившись с логикой и формулировками приведённых примеров, в сознании прочитавшего может возникнуть укор так мыслящему автору за кажущуюся очевидной недооценку и уничижение им молодых современников. Однако этого нет, т. к. вполне принимается и разделяется разумный довод о недопустимости осуждения, ибо указанное есть удел всякого молодого человека, начинающего трудовой путь с целью обеспечения себя в условиях отсутствия трудового опыта и высокой профессиональной квалификации: с одной стороны, каждый хочет участия-работы полегче, с другой – каждый должен пройти специфическое искушение-закалку тем, что интеллектуально и эмоционально полагается и рассматривается не очень приятным вариантом обеспечения-содержания себя в тактическом плане и уж тем более не самым вожделенным способом существования в стратегическом измерении.

В этом смысле и контексте принципиальной противоположностью и одновременно мощным искушением простотой-лёгкостью предстаёт возможность написания комментариев происходящего, каких-то текстов или же видеороликов для собственной странички, открытой на платформе той или иной социальной сети, что само по себе резко отличается от труда сталевара, шахтёра, нейрохирурга или, скажем, механизатора – работающего в поле тракториста, управляющего пусть и самым современным комбайном (с анатомическим креслом, гидроусилителем руля, кондиционером, сложное цифровое и технологическое оборудование, лишь дополнительно осложняющие и утяжеляющий базовый, традиционно понимаемый труд комбайнёра), но всё-таки трудящегося в поле, что никак не сравнимо с деятельностью в Интернете из кресла/дивана в квартире. Речь здесь, опять же, не идёт о возвеличивании первых и принижении вторых: не менее очевидно, что написание серьёзного текста статьи или аналитического комментария, а тем более съёмка качественного видеопродукта, требует и большого профессионализма, и специфических знаний, и высоких морально-деловых качеств, и сил, т. е. всего того, что вкладывается в понятие «образование», но никак не «корочки», которые суть просто must have.

Выводы

Авторский акцент в данном случае делается именно на том, что многие и молодые современники, а речь идёт о студентах младших курсов колледжей и вузов России, в силу и под воздействием названного выше тренда, соблазняются и ориентируются, причём, априорно, на то, что именно полегче, требует меньших затрат и усилий, что может быть и эффективно (финансово) сейчас, но однодневно, а, более того, бесплодно в стратегическом отношении, т. к. не выводит человека/общество в прорыв, а потому обрекает их лишь на проедание доставшегося либо даром (созданная некогда инфраструктура городов, например), либо почти даром, т. е. с частичным несением расходов (для ведения блога, например, приходится приобретать компьютер, т. е. претерпевать стартовые издержки).

Все это становится реальностью в силу того, что образование становится понарошкой. Но в след за понарошкой, обусловливающей очередным «мастхэвом», таковой становится и вся жизнь современника, желающего легчайшего пути, и находящего его именно в нем, т. к. подлинное образование – это трудный и тяжкий путь. Он ошибается, но ошибается *не* в понарошку.

Использованная литература

1. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург : Лениздат, 1999.
  2. Оруэлл, Дж. 1984 / Дж. Оруэлл. – Москва : Астрель, 2012.
  3. Осипов, А. И. Путь разума в поисках истины / А. И. Осипов. – Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2004.
  4. Панарин, А. С. Правда железного занавеса / А. С. Панарин. – Москва : Алгоритм, 2006.
  5. Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва : Астрель, 2011.
  6. Проблемное преподавание философии в вузе: сборник научных трудов. – Свердловск : УрГУ, 1988.
  7. Франкл, В. Воля к смыслу / В. Франкл. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2018.
  8. Франкл, В. Доктор и душа. Логотерапия и экзистенциальный анализ / В. Франкл. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2018.
-

1.3. КОГНИТИВНЫЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ДИССОНАНС

Выявленная и неоднократно наблюдавшаяся в личной педагогической практике проблемная ситуация, о которой идёт речь, исчерпывающе иллюстрируется приводимым далее фрагментом реального студенческого сочинения, полученного (учебный год 2022/2023) автором монографии в процессе погружения, обучения своих студентов «Философии»:

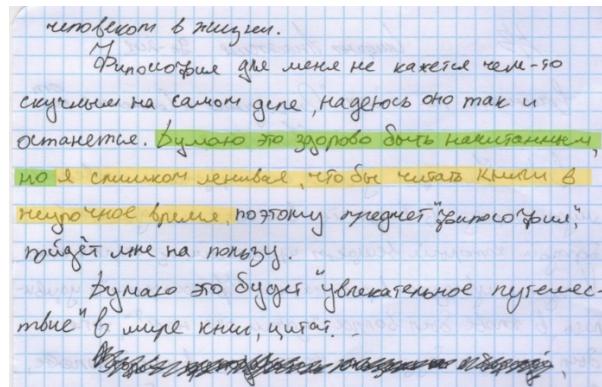

Рис. 1. Студенческое сочинение: опыт построения мысли

Собственноручно написанное признание как раз и говорит о внутреннем разладе и диссонансе: с одной стороны, философия, как кладезь мудрости, которой пока у данного человека объективно мало или же не достаёт, манит и влечёт к себе. С другой стороны, реализация и удовлетворение такого позитивного влечения, всегда сопрягаемые с концентрацией воли и совершением усилий, результатом которых, собственно, и становится обретение некоторого объёма мудрости и жизненной опытности, оказываются не столь уж и вожделенными в силу большей крепости развитости лени в данном человеке (авторе фрагмента указанного сочинения).

Дополнительным отягощением ситуации предстаёт искреннее, но от этого не менее опасное непонимание, т. е. тот самый когнитивный диссонанс, возникающее по факту пересечения с философией как учебным предметом, который преподаватель дисциплины «Философия» должен искусно преодолеть.

Как показывает многолетний опыт преподавательской работы, подавляющее большинство студентов младших курсов (речь идёт о первом и втором годах обучения, на которых, что зависит от образо-

Начальная философская подготовка: инициация неофита учебной дисциплиной

вательной организации и учебной программы специальности, на горизонте и появляется рассматриваемый предмет) слышали и знает о существовании философии вообще (явление) и философии в частности (учебная дисциплина). Однако в случае непосредственной встречи те же самые студенты начинают недоумевать по поводу необходимости и целесообразности её в их частном случае. Так или иначе, всё сводится к оправданному и закономерному вопросу: «Зачем мне (будущему экономисту, строителю, военному) эта философия?», которым подчёркивается очевидная для вопрошающего дистанция-пропасть между избранной и постигаемой специальностью (экономика, медицина, военное дело и пр.) и представшей на пути препятствием к этой цели – философией. Препятством она мыслится уже хотя бы потому, что согласно учебному плану, как отмечалось выше, по данной дисциплине придётся (в настояще время это так) сдавать экзамен или дифференцированный зачёт.

Когда я в первый раз пришел на философские лекции писать, я знал мне вообще нужна философия? Я более чем уверен что там коротко было написано таким образом. Но если посмотреть на этот предмет с другой стороны, он интересен в другом свете.

Курс философии помог мне шире взглянуть на многие вещи, научил меня прислушиваться к взглядум других людей. И как я скажу, самое главное то что я для себя определил что ценность времени Это всегда мало и нет совсем не ценить его. Никто спрашивает что это на все хватит, но в итоге выясняется, что его крайне мало. Оно проходит изумительно и мы начинаем ценить время, когда оно уже закончится. Казалось бы первые лекции поступать в ВУЗ, а учености прочел первые семестр. Три месяца прошли изумительно и мысли закончились. Некогда сказать, что я когда

Рис. 2. Студенческое сочинение: опыт построения мысли

Когда я поступала на кафедру СПО, я не знала, что у нас будет такой дисциплина как философия. Раньше я не слышала про неё че-то ванильное, понятное, но какое я слышала. Она слушалась очень интересной, понятной, легкой наслушаю пару я имела с мыслями увидеть что-то новое. Время проведенное за партой в кабинетах, где наши расшатывались этот предмет, точно не было потрачено впустую.

Прямо скажу, когда начали темы, нам такие расшатывавшиеся мысли, вспомнили неувиданные, которые

Рис. 3. Студенческое сочинение: опыт построения мысли

В таких непростых условиях приходится выполнять образовательную и воспитательную функции преподавателю философии-предмета, которая, как показала и показывает практика, далеко не всегда безнадежна.

1.3.1. Классическая литература как средство научить и научиться читать текст

Научная статья с таким названием вышла в свет в 2017-м году на страницах журнала «Проблемы современного педагогического образования» (№56-1, с. 268–277).

Вопрос о необходимости и важности для современника чтения серьёзной литературы, которую принято называть «классикой», всегда был актуальным. Не менее остро он стоит и в настоящее время.

Говоря так, важно отметить два важных обстоятельства.

Во-первых, то, что речь в данном случае не идёт о профессиональной и специальной литературе, которая по прошествии времени, а также исходя из степени глубины сделанных открытий и плодотворности предложенных и апробированных идей, также становится классической. Или оказывается в забвении в противоположном случае.

Необходимость обращения к таким источникам обязывается потребностью в заработке средства к существованию – денег, которая (потребность) выступает мощным катализатором активности человека. Это означает, что соответствующее чтение было и есть абсолютный факт.

В контексте формулируемой проблемы речь идёт именно о той классической литературе, которая заставляет человека серьёзно задумываться, призывает его и позволяет ему остаться человеком в сегодняшнем крайне агрессивном и нестабильном мире, в котором именно деньги всё больше и больше занимают центральное место.

Последнее не означает презрительного отношения к ним, подобного тому, которое генерируется в сектантских кругах касательно того или иного аспекта жизни человека и общества, которое всецело зависит и обусловливается предпочтениями и сумасшествиями конкретного лидера.

Речь идёт о такой классике, которая ингибирует указанный катализированный процесс, которая отводит часть энергии и ресурсов в иное направление, что не позволяет человеку израсходоваться и растратиться.

Во-вторых, то, что подобная постановка вопроса не есть занятие собственно рассуждением, *обязательно* переходящим в осуждение, о том, что некогда, в прошлом, граждане СССР читали гораздо больше, чем граждане Российской Федерации читают сегодня.

Это представляется неконструктивным, излишним и даже вредным, т. к. это есть ничто иное, как сформировавшийся штамп, который сегодня следует изначально исключить.

Это важно сделать в силу следующих причин:

1) для того чтобы не впасть в прелесть относительно прошлого, дискредитирующую настоящее;

2) для того чтобы не заблудиться в переживании-сравнении выражаемого в стилистике «как всё некогда было хорошо тогда, и как всё нехорошо теперь»;

3) для того чтобы не потерять ориентир во времени, проявляющийся в невольном забывании современником того обстоятельства, что со времени гибели СССР, прошло уже 25 лет или, используясь для большей наглядности и проникновения в суть образностью, – четверть века.

В этом смысле генетически близким является *внешне* иной, но идентичный *по сути* перегиб, глубоко вросший (а некогда – намеренно высаженный, а сегодня небескорыстно – поддерживаемый) в сознание современников и также проявляющийся в духе сформулированного выше переживания-сравнения советского прошлого, причём, в данном случае всего периода, с российским имперским прошлым, причём, почему-то только и именно эпохи царствования императора Николая II.

И в первом случае, и во втором ломается множество копий, кипят баталии абсолютно на всех уровнях жизни человека и общества.

Важно понимать, что имеющийся в обеих ситуациях фанатизм, а его при такой поляризации, однозначно, не избежать, негативно и тлетворно отражается на современниках, вводимых таким образом в состояние всё той же разобщенности, отчуждения, которое не позволяет, затрудняет созидать текущую жизнь.

Об этом в последнее время настойчиво предупреждает и упреждает Президент России В.В. Путин (важно понимать, что слова Президента – это, однозначно, мэссэдж, который должно уловить и понять):

➤ 04.05.2017 г., портал Lenta.ru. «Путин попросил беречь единство российского народа»: ««Крест служит напоминанием о цене, которую пришлось заплатить за взаимную ненависть, разобщенность и вражду; о том, что мы должны сделать все, чтобы сохра-

нить единство и согласие нашего народа», – пояснил глава государства. Президент заявил, что необходимо ставить во главу угла будущее народа, его счастье, счастье детей и внуков. «Россия у нас одна. И все мы, каких бы разных взглядов и позиций ни придерживались, должны беречь и защищать ее», – подчеркнул он» [5];

➤ 25.05.2017 г. Портал «РИА Новости». «Путин призвал сохранить единство российской нации»: ««Мы знаем, как хрупок гражданский мир, теперь мы это знаем, мы никогда не должны забывать об этом, не должны забывать о том, как тяжело затягиваются раны раскола, и именно поэтому наша общая обязанность – сделать всё от нас зависящее для сохранения единства российской нации», – заявил Путин. Он отметил, что нужно «через постоянный диалог поддерживать общественно-политическое согласие, и, опираясь на наши традиционные ценности, на ценности традиционных наших религий: и православия, ислама, иудаизма, буддизма, не допускать никакого ожесточения и никакого раскола». Президент добавил, что создание общности целей, главная из которых – благополучие каждого человека и родины в целом, – и есть тот ключ, который помогает преодолевать разногласия» [6];

➤ 14.07.2017 г. Портал «Российская Газета». «Путин: Россия не собирается воевать с кем-либо»: «Российский лидер напомнил, что Россия – самая большая в мире страна по территории, а также «весьма приличная» по населению. «У нас не может не быть своих интересов», – подчеркнул президент. По его словам, Россия намерена отстаивать эти интересы, но «законными, цивилизованными способами и методами». В этом, в частности, поможет объективная подача информации о стране и ее истории, считает Путин» [8].

Проведённая параллель не случайна. Более того, она намеренна и обязательно пригодится, став отправной точкой, поводом научного осмысления и разработки научно обоснованных путей борьбы с вызовами.

Возвращаясь к осмыслению проблемы, следует сказать следующее. Важно понимать, что простое сравнение и рядоположение фактов обращенности граждан страны к книге как таковой (источнику текста) тогда (СССР) и сейчас (Российская Федерация) недопустимо, т. к. это подразумевает тщательный анализ сравниваемых аспектов, т. е. проведение исследовательской работы определённой степени глубины.

Овладев грамотностью – благодаря Советской власти – люди действительно стали много читать и тогда и продолжают это делать сегодня.

Вопрос в том, что и сколько читалось тогда и что и сколько читается сегодня. Ответить на него – решить действительно большую, оказывающуюся обоюдоострым ножом проблему, которую нельзя одолеть на обыденном уровне.

Именно поэтому нужно предельно осторожно относиться к подобного рода инициативам и предложениям. Безусловно, нельзя, бездействовать. Но. Действие в данном случае есть, опять же, чтение текста. А это означает, что с ним – текстом – надо уметь обращаться, работать. Следовательно, должно обладить неким ключом, которому необходимо научить.

Именно поэтому на начальном этапе наиболее важным представляется разрешение вопроса о том, *почему следует, что есть и что даёт* обращение именно к классике, понимание которой сформулировано выше.

Постановка задачи в подобном ключе позволяет рассмотреть, очевидную проблему под непривычными углами обзора.

Так, говоря об этом, следует отметить следующий, казалось бы, понятный всем факт, имеющий, правда, одну специфическую особенность: он становится ясным и понятным собеседнику разговора на данную тему именно в момент непосредственной артикуляции, т. е. обозначения и проговаривания сути доводимой до собеседника идеи.

Речь идёт (и как показывает практика, в целях достижения наибольшей эффективности, начинать разговор по данному вопросу следует именно с этого пункта) о временном факторе.

Необходимость обращения к классике обусловлена тем, что в силу стремительности течения времени, *нечто* – текст, актуальное в данный момент, незаметно для современника, погруженного в суету и рутину данного момента, оказывается достоянием (не в смысле ценности и важности, но просто фактом обретения статуса принадлежности к былому) истории, о котором приходится говорить в прошедшем времени.

Достаточно часто оказывается так, что такое *нечто*, с которым человек был рядом во времени и месте, само становится классикой.

В таком случае наличие опыта приобщения и общения с тем, что снискало признание, а главное, прошло через времена и время,

предстаёт критерием оценки, осмысления актуального-доступного, что даёт возможность каждому современному обеспечить тому или иному тексту обретение статуса классики: включенность в поле зрения, а главное возможность анализа содержания в прицеле осмысления автором текста вызовов именно данного момента, личная поддержка предложенной концентрации/сжатия большой реальности в конкретный текст, обусловливает вероятность приобретения попавшего в поле зрения и интереса источника смысла статуса достояния, понимаемого уже в смысле ценности.

Следовательно, *что именно* окажется достоянием эпохи, зависит от тех, кто творит (прямо и опосредованно) актуальное бытие, уникальность и характеристика которого, естественно, возникают не на пустом месте.

Таким образом, наследие, *уже занявшее и имеющее своё место в истории*, позволяет современному не пропустить, не пройти мимо того, что вызревает сегодня, непосредственно рядом и в связи с ним. Однако для этого необходимо иметь отношения, где «*отношение*» есть «*момент взаимосвязи всех явлений*» [10, с. 348] с ним, т. е. наследием.

Продолжая размышление, следует подчеркнуть то, что признанная классика является таковой не потому что она есть некий единственно верный ключ к преодолению всех проблем человека и человечества, владея которым, счастье и благо сейчас, т. е. в текущий миг, гарантируется, причём гарантируется просто самим фактом инициации в классику, т. е. никогда бывшей, случившейся или только свершающейся обращенности к тому или иному тексту, самим фактом ознакомительного прочтения его человеком.

Очевидно, что «*механика*» в данном случае носит принципиально иной характер: прочтение-экскурсия, подобное отметке, которую турист ставит (мысленно или же в натуральном смысле) в своём маршрутном листе о факте визита-осмотра достопримечательности, приращивая, а главное стремясь ещё больше увеличить общее количество увиденного, в рассматриваемом случае, однозначно, не годится.

Для того чтобы реализовалась описанная выше модель, чтобы она созидательно заработала на благо человека и общества, необ-

ходимо сформировать такой характер отношений в системе «сегодня»-«сегодня», системе «сегодня»-«вчера», системе «сегодня»-«завтра», который можно сравнить с цепью.

Очевидно, что мотив связанности в данном образе первостепенен и понятен многим. Это не является открытием.

Однако такое видение приходит только после намеренной расстановки акцентов и подчёркивания смыслов, что исключительно важно в настоящее время, когда относительно редко целенаправленное обращение современников к концептам.

С одной стороны, целенаправленно философствовать и, как говорят, «грузиться» о высоком и тяжелом сегодня мало кому хочется, да и мало у кого на то остаётся времени. Это доказывает практика, в т. ч. личная.

С другой стороны, в случае обращения к серьёзному, реализуется оно, зачастую, суетно и поверхностно. В череде повседневности, мимолётом пролистывая – веб-серфинг – странички и новости в социальных сетях и лентах избранных порталов, как-то автоматически нажимается «лайк» / «поделиться» тому/тем, что в этом потоке выбивается однозначным наличием определённого смысла, который ощущается интуитивно, и инстинктивно цепляет сознание. Специфический голод даёт о себе знать, однако, поверхность не позволяет увидеть главное, фундаментальное.

В реальности, особенно в настоящее время, обращение с текстами вообще и с классикой в частности, носит именно фрагментарный, эпизодический характер, т. е. цепи как таковой не наблюдается, а точнее – не выстраивается. По этой причине цепь перестаёт быть цепью: выпадение, а в рассматриваемом случае точнее сказать – растворение в толще лет и событий – звенёв разрывает связи, делает уцелевшие фрагменты несостыковыми друг с другом, вследствие чего нарушаются логические связи и смысловые линии. Иными словами, начинает шириться и углубляться пропасть между современниками – одни перестают понимать других, растёт отчуждение.

Вызов заключается в том, что понимание того, что человеку/обществу пришлось столкнуться не с рядовым явлением, но именно вызовом, приходит тогда, когда отчуждение не только зародилось, но уже вызрело, принесло плоды – расчеловечивание, а иное слово в такой ситуации действительно невозможно подобрать, свершилось.

Судить об этом можно по заголовкам новостных сообщений – всё тех же текстов – доступность, объём и скорость обращения которых стали сверхдоступными современникам благодаря развитию технологий.

В качестве примера можно привести сообщение со следующим заголовком: «Проще родить, чем 20 лет платить ипотеку», которое было опубликовано на популярном в городе Новосибирске (т. е. это вполне локальный Интернет, далеко не федеральный уровень) интернет-портале НГС (www.ngs.ru), в котором до общественности доводилась (а, возможно, и продвигалась) новость о том, что некто «Ольга Патрина зарабатывает на рождении детей – она профессиональная суррогатная мать. У 33-летней сибирячки трое своих детей: 16-летняя дочь, 10-летний и 4-летний сыновья, а ещё четверых детей она выносила и отдала биологическим родителям. Сейчас Ольга курирует других девушек, пожелавших стать суррогатными матерями, и консультирует отчаявшиеся пары, которые не могут сами родить ребёнка, – пару лет назад с юристом Юнной Зверевой она основала Центр суррогатного материнства и донорства. В интервью НГС.НОВОСТИ Ольга открыто рассказала о заработанных на суррогатном материнстве миллионах, нежных чувствах к детям и самых странных запретах во время беременности» [2].

Сообщений подобного характера, всё меньше и меньше шокирующих сознание и души современников, сегодня возникает огромное количество:

➤ настоятельные призывы дальнейшей, т.е. повсеместной легализации так называемых «лёгких» наркотиков, практика которой сегодня есть реальность во многих странах мира, список которых только расширяется:

21.04.2016 г., портал Lenta.ru. «В Канаде задумались о свободной продаже марихуаны»: «Канадское правительство в 2017 году планирует внести на рассмотрение парламента законопроект, разрешающий свободную продажу марихуаны, заявила министр здравоохранения страны Джейн Филпотт, передает BBC News. В случае принятия данного документа Канада станет крупнейшим государством, где марихуана будет полностью легализована.

Заявление главы минздрава совпало по времени с неофициальным праздником сторонников свободного обращения марихуаны,

сотни которых вышли в среду на демонстрацию перед зданием парламента в Оттаве. Филпотт пообещала, что легкий наркотик не попадет в руки детей и не станет приносить прибыль преступникам.

Использование марихуаны в медицинских целях в Канаде уже узаконено. Сторонники ее полной легализации утверждают, что это позволит снизить нагрузку на систему уголовного правосудия. Однако против законной продажи «травы» выступает оппозиционная Консервативная партия.

Ранее, 7 января 2016 года, канадский активист Дана Ларсен, выступающий за легализацию в стране марихуаны, разослал всем 184 депутатам правящей Либеральной партии по грамму этого наркотического средства и экземпляру написанной им книги об истории каннабиса.

Ларсен заявил, что знает о незаконности подобной акции, но не боится судебного преследования. На его взгляд, депутаты не станут обращаться в полицию. «Если и напишут заявление, то вряд ли полиция начнет гоняться за мной из-за грамма марихуаны», – заявил он.

В октябре 2015 года либералы победили на парламентских выборах в Канаде, сместив правившую Консервативную партию. Правительство возглавил 43-летний Джастин Трюдо. Тема легализации марихуаны была одним из главных программных пунктов его предвыборной программы» [1];

➤ узаконивание, т. е. признание бизнесом такой специфической деятельности как проституция, сегодня также являющейся нормой во многих государствах цивилизованного мира, распространяющего свою цивилизованность на пространство вышедшего СССР:

28.04.2017 г., портал Риа Новости. «На Украине предложили легализовать проституцию и наркотики ради пенсионеров»: «Генеральный директор Украинской федерации страхования Галина Третьякова предложила легализовать проституцию, наркоторговлю и игорный бизнес, чтобы пополнить пенсионный фонд страны, сообщает издание lb.ua. По словам Третьяковой, если власти Украины захотят, они найдут деньги, чтобы запустить и солидарный, и накопительный элемент пенсионной системы.

«Очень часто я слышала, что у нас нет на это средств в государственном бюджете... Можно найти компенсаторы в легализации тех видов деятельности, которые не легализованы и не дают до-

хода в бюджет. Я имею в виду, может и провокационно, и прости-
туток, и оружие, и игорный бизнес, и выращивание и продажу ма-
рихуаны», – заявила глава Украинской федерации страхования.

Она подчеркнула, что все эти «отрасли» полностью работают
в тени, а значит, не облагаются налогом.

«Люди, которые там работают, не платят взносов в Пенсионный
фонд», – отметила Третьякова. Ранее директор европейского де-
partамента МВФ Пол Томсен заявил, что у Украины есть серьёз-
ные проблемы с пенсионной системой. Он назвал пенсии в стране
«очень-очень низкими» и отметил, что в фонде считают повыше-
ние пенсионного возраста критически важным условием продол-
жения сотрудничества с Киевом» [3];

➤ непрекращающаяся настойчивая и даже агрессивная транс-
формация института брака и вопросов половой ориентации:

17.07.2017 г., портал Вести.ru. «Трансгендер-отчим Ким Кар-
дашьян будет баллотироваться в сенат»: «67-летний отчим Ким
Кардашьян Кейтлин Дженнер, сменивший пол в 2015 году, решил
баллотироваться на выборах в американский сенат в 2018-м. Быв-
ший легкоатлет заявил, что собирается отстаивать права предста-
вителей ЛГБТ*. Сам Дженнер является республиканцем, сообщает
News Observer (*Организация ЛГБТ признана экстремистской и за-
прещена на территории РФ).

Дженнер живет в Калифорнии и хочет для начала попробовать
свои силы на региональном уровне, а затем, возможно, на феде-
ральном.

«Я тесно сотрудничаю с несколькими правозащитными органи-
зациями, и я понимаю, насколько сейчас непростое время для та-
ких, как я», – заявил отчим Ким Кардашьян.

«Пока не знаю, в какой именно сфере я лучше пригожусь. Но я
совершенно точно хочу это выяснить», – отметил Дженнер. Быв-
ший спортсмен не во всем поддерживает республиканца-Трампа.
Ранее сообщалось, что отчим Кардашьян опубликовал видео, в ко-
тором раскритиковал политику нынешнего президента США по от-
мене «гендерно-нейтральных» туалетов в школах» [9];

➤ ширящиеся и развивающиеся, т. е. делающиеся всё более и
более изощрёнными и циничными ювенальные технологии, прямо
угрожающие традиционным семьям в мире, а теперь и в России:

16.07.2017 г., портал Lenta.ru. «Омбудсмен проверит изъятие дочери у россиян в Эстонии из-за отсутствия ремонта»: «Уполномоченный при президенте России по правам ребенка Анна Кузнецова проверяет информацию об изъятии ребёнка из семьи россиян в Эстонии. Об этом говорится в субботу, 15 июля, на сайте омбудсмена.

«На данный момент мы на связи с посольством, проведены переговоры по этому случаю с уполномоченными структурами, в ближайшее время будут направлены необходимые запросы», – отмечается в сообщении. Подчеркивается, что все дальнейшие шаги должны предприниматься в интересах семьи.

Об изъятии восьмилетней Изабеллы сообщила адвокат Виолетта Волкова. По ее словам, родителям – гражданам России Анатолию Газаряну и Анне Михайловой – разрешены 15-минутные встречи с ней через день, пишет Sputnik. Юрист рассказала, что формальной причиной стало то, что в квартире давно не было ремонта. Кроме того, представители органов опеки обратили внимание на запах сигаретного дыма в помещении и заявили, что находящиеся в шкафах книги – это хлам, который нужно убрать. Волкова добавила, что семья собиралась в Москву, но девочку забрали за три дня до отъезда. Отец сообщил, что социальные работники изначально обещали не беспокоить семью до 1 августа, чтобы он с женой смог привести квартиру в порядок, однако 11 июля в сопровождении полицейских пришли за его дочерью. Кроме того, через три дня после этого без ведома родителей состоялся суд, принявший решение об изъятии Изабеллы из семьи до 29 октября. Газарян рассказал, что он и его жена – инвалиды, живут в стесненных финансовых обстоятельствах и не могут позволить полный ремонт квартиры. Он также отметил, что курят они редко, только на кухне и в отсутствие дочери. При этом у соцработников никогда не было нареканий к семье, однако служащие сменились и стали высказывать претензии. В частности, они посетили семью в неудачный момент – в доме проводится ремонт и представители квартирного творищества в отсутствие хозяев поменяли окна. Старые рамы все еще оставались в помещении, поскольку Газарян физически не в состоянии самостоятельно их вынести.

Соцслужбы отбирают детей у родителей из России за границей не в первый раз. В частности, несколько таких случаев произошли в Финляндии» [4].

Информационные заметки, обозначенные выше, намеренно приведены в полном объёме, чтобы показать и доказать направление развития современных трендов, их бесчеловечность, а точнее, расчеловеченность, выдаваемую за величайшее достижение свободомыслия и свободореализации, а также указать точки нанесения всё более и более тяжелых ударов (болевые точки) по телу человека и общества в целом.

В этом смысле показательной и шокирующей оказывается публикация на портале Lenta.ru под названием «Порок на продажу. Как инвесторы вкладывают деньги в проституцию, наркотики и воздух» [7], объединяющей и раскрывающей всё сказанное выше как единое, закономерное целое.

Не секрет, что публикации подобного содержания и направленности сегодня появляются с заметной регулярностью и в заметном разнообразии.

Продолжая размышление на поставленную тему, важно отметить, что такого рода специфическое отражение реальности делает свое тактическое и стратегическое дело – ставит, погружает современника в состояние фрустрации, непонимания-невидения ситуации, дезориентирует его, оставляя его один на один с необходимостью формулировки оценок и выводов.

Поток новостей, мнений, убеждений и императивов, в прямом смысле льющийся на человека со всех сторон (выше намеренно делалась ссылка на официальные, уважаемые, известные интернет-источники, принципиально отличающиеся от многочисленных лубочных, полу-спам ресурсов, публикующих у себя всё, что угодно – что приносит трафик, т. е. деньги), отражает и создаёт определённую картину. Однако сам по себе не порождает возможность разобраться в ней, взять правильный курс, чтобы не сесть на мель или не попасть на рифы.

Такая способность, навык должны и могут быть только выработаны: и посредством воздействия извне (обучение, образование), и посредством приложения собственных усилий (воля, дисциплина).

Таким образом, актуализируется большая и сложная тема, которой можно дать условное рабочее название «Научить работать с текстом: читать (книга), смотреть (фильм), слушать (музыка)».

Затронутая здесь классика как явление может стать отправной точкой в данном деле, а сформулированную задачу перевести на

принципиально иной уровень теоретического рассмотрения и практической реализации.

Использованная литература

1. В Канаде задумались о свободной продаже марихуаны. – URL: <https://lenta.ru/news/2016/04/21/canada>
  2. Морсина, М. Проще родить, чем 20 лет платить ипотеку / М. Морсина. – 2017. – URL: <http://news.ngs.ru/articles/50611041>
  3. На Украине предложили легализовать проституцию и наркотики ради пенсионеров. – 2017. – URL: <https://ria.ru/world/20170428/1493363481.html>
  4. Омбудсмен проверит изъятие дочери у россиян в Эстонии из-за отсутствия ремонта. – 2017. – URL: https://lenta.ru/news/2017/07/15/remont_nuzhen
  5. Путин попросил беречь единство российского народа. – 2017. – URL: https://lenta.ru/news/2017/05/04/putin_unite
  6. Путин призвал сохранить единство российской нации. – 2017. – URL: <https://ria.ru/politics/20170525/1495065643.html>
  7. Селезnev, М. Порок на продажу Как инвесторы вкладывают деньги в проституцию, наркотики и воздух / М. Селезнев. – 2017. – URL: <https://lenta.ru/articles/2017/07/17/icowhores>
  8. Замахина, Т. Путин: Россия не собирается воевать с кем-либо / Т. Замахина. – 2017. – URL: <https://rg.ru/2017/07/14/putin-rossiya-ne-sobiraetsia-voevat-s-kem-libo.html>
  9. Трансгендер-отчим Ким Кардашьян будет баллотироваться в сенат. – 2017. – URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2910707&browser=ff>
  10. Философский словарь. – Москва : Издательство Политической литературы, 1987.
-

1.3.2. Внутренний разлад человека как пример реального обретения книжными образами и идеями статуса современника

Научная статья с таким названием вышла в свет в 2017-м году на страницах журнала «Проблемы современного педагогического образования» (№ 56-7, с. 220–227).

Мысль о том, что идеи и смыслы классических произведений имеют самую тесную связь с актуальной, нехудожественной действительностью, известна и очевидна.

Задачей настоящей статьи является дальнейшая разработка обозначенной проблематики и выведение теоретических представлений в практическую плоскость: демонстрация того, что сказанное ранее не есть просто философское, отвлечённое мудрование, но достойное внимания вождение, учёт которого позволяет конструктивно подойти к решению актуальных вызовов сегодняшнего дня. В частности, для этого предлагается в очередной раз переосмыслить взгляды известной антиутопии «1984».

В случае пристального рассмотрения сформулированное Дж. Оруэллом понятие глубоко затрагивает и проникновенно характеризует, прежде всего, внутреннее состояние человека, повстречавшегося на своем пути, а позднее обнаружившего и в себе самом, то самое двоемыслие, в частности, «способность одновременно держаться двух противоречащих друг другу убеждений» [2, с. 198].

Очевидно, что это становится возможным не на пустом месте, само по себе, но является, во-первых, следствием прошедшего взаимодействия, а, во-вторых, результатом напряженной работы, заключающейся и связанной с признанием данного факта самому себе, т. е. с рассмотрением себя.

Необходимость последних пояснений объясняется тем, что далеко не все люди оказываются вышедшими на такой уровень восприятия и осмысления собственного бытия. Это не делает их менее значимыми и ценными, невыгодно не отделяет их. Однако важно понимать, что достижение такого уровня существенно раскрывает (но одновременно и утяжеляет) перед ними горизонт морального и нравственного делания – преобразования себя и окружающего мира, почему с философской и с педагогической точек зрения он (уровень) предстаёт желаемым, востребованным, необходимым, целью.

Возвращаясь непосредственно к рассуждениям, следует сказать, что некнижная действительность и смысловая насыщенность двоемыслия, раскрытая придумавшим его писателем, проявляется в том и тогда, когда оно обнаруживается человеком в себе самом и становится причиной внутреннего разлада личности, порождённого общением человека с ним на том или ином уровне, о чём говорилось в предыдущем параграфе настоящей работы, итоги и последствия которого, более чем осозаемы и ощутимы в жизни.

Что понимается под понятием «внутренний разлад»?

Раскрывая значение указанного явления, важно подчеркнуть, то, что речь не идёт о психических отклонениях, безнравственности, низменности интересов или общей недальновидности представителей сегодняшнего общества, российского, в частности.

Обозначенные выше фактические проявления есть как раз следствие разлада в ценностно-идеальной системе координат человека (медицинские случаи здесь в расчёт не принимаются). Иными словами, они вторичны, что означает, что проблема скрыта глубже и это необходимо осмыслить.

Разлад, о котором идёт речь, представляет собой специфическое состояние ума и души человека, в котором и при котором в них перманентно протекает процесс верификации генерирующихся смыслов и вариантов практического воплощения идей. При этом важно, что такая верификация возможностей осуществляется и относительно друг друга, и относительно (в меру интеллектуальных возможностей и физиологических особенностей конкретного человека) определенно их совокупности. Однако, и это принципиально важно, происходит она ещё и относительно неких абсолютных критериев, аксиом, императивов, оказывающихся в прямом доступе человека, т. е. знакомых и понятных ему.

Специфика обозначенного разлада заключается в том, что в результате на смысловом горизонте всегда оказывается явственно стоящей перспектива *иначе*-возможного относительно уже выбранного и уже принятого к реализации варианта дальнейшего развития событий, которая не менее реальна в воплощении, чем уже исполняемый путь следования.

Важно отметить, что понятие «разлад» не следует понимать только в негативном ключе: для той или иной мировоззренческой

системы вообще это есть данность, временное или продолжительное не-наличие, отсутствие уравновешенности, которое, и это важно, продолжает ощущаться даже в процессе исполнения задуманного, разработанного.

В объективном смысле отмеченная двойственность и нестабильность суть явления естественные, закономерные и должные, т. к., во-первых, дают системе возможность сиюминутной корректировки в случае получения ею тревожных сигналов или выявления противоречий, а, во-вторых, свидетельствуют факт её жизни, т. е. бытия.

Собственно разлад как *не-ладность* возникает, а точнее, – *так воспринимается и так осознается* – тогда, когда в процессе верификации сканируются некие онтологические доминанты, на фоне и смысловом контексте которых принятый к реализации вариант или предстаёт чем-то кризисным, вступающим в противоречие с одним или несколькими ключевыми параметрами/установками системы, чем-то деструктивным, или, что не исключено, оказывается даже фатальным.

Следует отметить, что в равной степени возможно и справедливо и положительное понимание сказанного, когда в результате приобретается определённая польза, благо для человека/общества.

Важно то, что в обоих случаях сущность происходящего осознается лицом, принимающим и исполняющим решения; что в обоих случаях всё сводится к выбору чего-то одного, сопряженного, свершающегося в состоянии, атмосфере, обстановке нестабильности, взаимной противоположности, преодолеть которые оказывается чрезвычайно нелегко, а порой даже мучительно нелегко, но необходимо-неизбежно.

Не случайно, и это глубоко и тонко подмечено Оруэллом, что двоемыслие, т. е. разлад, есть сознательный процесс, «иначе его не осуществишь аккуратно, но должен быть и бессознательным, иначе возникнет ощущение лжи, а значит, и вины».

Описанная ситуация осложняется и раскрывает свою драматичность по факту обнаружения и столкновения сознания современника с концептуальными доминантами, определятелями, о чём говорилось ранее.

Как показывает практика, обычно внешне, формально это отмечается, идентифицируется употреблением таких определений как

«духовный», «моральный», «нравственный», которые сами по себе указывают и отсылают к принципиально иному измерению, которые на интуитивном, подсознательном уровне предвосхищают некую таинственность, которая и жизненно необходима для разрешения возникших проблем, и ужасающая одновременно.

Этот момент переводит рассмотренное понятие «разлад» на принципиально иной уровень, придаёт ему особый статус: здесь, именно в зависимости от содержания, вложенного в определители, их сущности обретается его – разлада – конкретный знак, т. е. то, что принято передавать смысловыми, оценочными парами «плюс»/«минус», «хорошо»/«плохо», «добро»/«зло».

Иными словами, вычерчивается определённая система координат, задающая сущностную характеристику и вектор направленности воплощения плана, свидетельствующая, являющая тем самым или актуальное, или потенциальное бытие системы, или же её такое же движение в небытие.

В стремлении к одному из полюсов обретается лад, слаживание состояния человека или общества, причём, именно в содержательно-смысловом свете полюса, принятого в качестве главного, определяющего.

Осмыслия оруэлловское двоемыслие в предложенном ключе, становится очевидным, что в его понимании оно есть, однозначно, отрицательно-деструктивное явление, соответствующим образом влияющее на персонажей романа: «Даже пользуясь словом «двоемыслие», необходимо прибегать к двоемыслию. Ибо, пользуясь этим словом, ты признаешь, что мошенничаешь с действительностью; ещё один акт двоемыслия – и ты стёр это в памяти; и так до бесконечности, причём, ложь всё время на шаг впереди истины» [2, с. 198].

В этом его можно понять, т. к. он намеренно моделировал негативную реальность, в которой оказалось вымышленное им общество. Однако, и это не менее очевидно, делалось это из расчёта предупредить реальных современников своего времени, а также будущего, исходя из открывшихся его взору психологических, духовных особенностей человека.

Необходимо отметить, что политический подтекст намеренно выносится в данном случае за скобки, т. к. он способен перевести мысль в другую, хотя и связанную, но всё же иную, плоскость.

Подводя некоторое резюме, следует сказать следующее.

Современником двоемыслие становится тогда и потому что подобного рода духовные особенности и склонности каждый человек начинает замечать в самом себе, не говоря уже об окружающих, что всегда несколько проще.

Они (духовные особенности и склонности) могут быть врождёнными, т. е. присущими человеку по его природе, сущности, а могут быть и приобретёнными, т. е. быть результатом взаимодействия с внешним миром.

Яркой иллюстрацией сказанного, максимально нагруженной смыслом, представляются следующие слова Ф.М. Достоевского: «...Никаким развратом, никаким давлением и никаким унижением не истребишь, не замертвишь и не искоренишь в сердце народа нашего жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего. Он может страшно упасть; но в моменты самого полного своего безобразия о всегда будет помнить, что он всего только безобразник и более ничего; но что есть где-то высшая правда и что это правд выше всего» [1, с. 52].

Очевидно, что сформулированные выше взгляды автора данного исследования не является открытием, однако, факт известности какого-либо обстоятельства – это одно, а его раскрытие и реализация в жизни – совершенно иное. Кроме того, повторение в некоторой степени в целях переосмысления и прорыва оправдано: «Пусть не говорят, что я ничего не скал нового, само расположение материала ново. Когда играют в мяч, оба игрока бросают один и тот же мячик, но один бросает его точнее. Равно как и пусть мне скажут, что я пользуюсь старыми словами. И как одни и те же мысли образуют другое рассуждение, если их расположить иначе, так одни и те же слова при ином расположении образуют другие мысли» [3, с. 264].

Возвращаясь к осмыслению обозначенной проблематики, должно сказать, что ситуация, когда человеку нечто уже известно, причём, известно ясно и чётко, однако, при этом наличествует некоторое внутреннее сомнение, а ещё больше и чаще – желание обратного, даже вопреки ясности, которое в определенной степени изменяет и общее видение, и начатое делание, также есть проявление двоемыслия, причём, в полной мере.

Здесь и заключается принципиальный вызов: не просто увидеть и признать тот или иной факт, но сладить с ним, преодолеть его.

В этом смысле текст есть вспомогательное средство, а авторские изобретения – образы, слова, сюжеты – суть удачные способы обличения идей в форму, которая может быть реально почувствована и осмыслена.

Это явление, процесс и есть обращение в современника, который, естественно, не вещественен в осязательном смысле слова (объект, вещь, которая рядом со мной во времени моей жизни), но реален и деятельностен в духовном смысле (идея, которая взаимодействует со мной во времени моей жизни, где взаимодействие – это «необходимый компонент любого процесса движения и один из его источников, основа причинно-следственных связей явлений мира и всех процессов отражения состояний одних явлений в состояниях других» [4, с. 10].

Степень отчётливости осознания и нахождения рядом такого специфического современника, естественно, зависит от опытности и мудрости человека, т. е. приходит со временем и в процессе созидания себя.

Принимая во внимание то, что такое соседство может приводить к положительным и отрицательным последствиям, возникает необходимость приращения первых и борьбы со вторыми, что, опять же, на первый взгляд очевидно и понятно, однако, по факту, оказывается весьма трудной задачей.

В этом смысле отправной точкой творческого процесса, понимаемого как активность, в результате которой создаётся то, чего ещё не было прежде, которое может быть как положительным, так и отрицательным, оказывается способность примечать явления и тренды актуальной действительности, например, рассматриваемое специфическое соседство – двоемыслие.

Развитию этого, в частности, в полной мере способствует текст, понимаемый в широком философском смысле, каковым, например, наиболее понятным и простым в восприятии, может выступать произведение автора, ставшего классикой. Одно из таких рассматривается в данном случае.

Сосредоточивая внимание на введённом в оборот термине «разлад», необходимо дополнить ранее сказанное следующим.

Как представляется, понятие «разлад» есть явление динамическое и способное разворачиваться как в полезном, так и губительном смысле и направлении, что всецело определяется модусом

определителей, которые, в свою очередь, зависят от свободы, воли и интеллекта человека.

Указанные определители оказываются явлениями созидаemyimi, т. е. формулируемыми, описываемыми для конкретного человека, что собственно и вводит их в его реальность, т. к. сами по себе они – определители – оказываются объективной реальностью вне него: приобщаясь к добру, можно стать добрым, ко злу – злым; к знанию – профессионалом, а к праздности – обывателем-потребителем; к Творцу – богоподобным, а к Диаволу – осатаневшим. Важно понимать, отдавать себе отчёт в том, что всё это не просто образные, книжно-философские выражения, но именно то, что претворяется в реальность, становится и является окружением, современником человека и общества, в чём им приходится пребывать определённое отведенное время.

Сказанное выше, и это вполне очевидно, выводит проблему в плоскость воспитания, образования и самообразования, причём, не в пределах отдельного отрезка времени (школа, институт, а сегодня – специализированный тренинг), но горизонте всей жизни.

Собственно, философия и педагогика, как представляется, рожнятся тем, что каждая из них по-своему стремится и своим предназначением видит как раз предоставление человеку способов преодоления встречающихся вызовов, которые, хотя и оказываются причиной движения-изменения, однако, в случае выхода из-под контроля, приводят к плачевным последствиям.

Двоемыслие как удачно придуманный термин, очерчивающий большое и серьёзное явление, есть прекрасный пример-иллюстрация этого. В этом смысле именование его современником в полной мере оправданно и уместно.

Продолжая рассуждения, необходимо сказать следующее. Любой текст – художественное произведение, музыкальная композиция, философское сочинение или телерепортаж – предстают и ценным педагогическим инструментом, и источником, сформулированных в готовом (в плане структурно-содержательного и смыслового оформления) виде ответов на вопросы, находящихся в активном разрешении думающим субъектом.

Речь не идет о слепом принятии и усвоении тех или иных готовых рецептов или клише. Речь не идет, таким образом, о манипуляции, скрытой манипуляции сознанием человека. Речь идет о том, и

это надо именно видеть, ощущать и понимать, что в ситуации активного, горячего, исступленного поиска ответа – когда он жизненно нужен, а его-таки все нет, – текст как таковой оказывается якорем, позволяющим зафиксироваться в потоке перманентной верификации тем лишь обстоятельством, что при обнаружении онтологического определителя человек сможет на секунду приостановится, взять небольшую паузу в вихре смыслов и времени. Цена этой паузы огромна: лишь только увидев готовую структуру – образ, идею, предложение – он может заметить, что когда-то, а может именно сейчас, он думал/думает именно так же. А это может космосально пригодиться.

В этом смысле готовая форма предстает не штампом, но укрепляющим фактором. Импульсом для дальнейшего развертывания и понимания глубины и онтологической сути ранее мелькнувшего и артикулированного (сорвавшегося в потоке мыслей с языка) определителя, причем, в одном из тех модусов, которые передаются парой противопоставленных категорий.

Главное в данном случае то, что для практической реализации сказанного достаточно обратиться к тексту, который в таком случае точно становится современником и в прямом, и переносном смысле слова.

Очевидно, что итог может оказаться как полезным, так и губительным.

Очевидно, что все зависит от самого человека. Его выбора. Его воли.

Использованная литература

1. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург : Лениздат, 1999.
  2. Оруэлл, Дж. 1984 / Дж. Оруэлл. – Москва : Астрель, 2012.
  3. Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва : АСТ, 2011.
  4. Чусовитин, А. Г. Диалектика взаимодействия и отражения / А. Г. Чусовитин. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1985.
-

1.3.3. Что даёт умение читать и понимать текст или как книжный образ / идея становится настоящим современником

Научная статья с таким названием опубликована в 2017-м году на страницах журнала «Проблемы современного педагогического образования» (№ 56-6, с. 275–285).

Двоемыслие означает способность одновременно держаться двух противоречащих друг другу убеждений.

Этот процесс должен быть сознательным, иначе его не осуществишь аккуратно, но должен быть и бессознательным, иначе возникнет ощущение лжи, а значит, и вины.

Говорить заведомую ложь и одновременно в неё верить, забыть любой факт, ставший неудобным, и извлечь его из забвения, едва он опять понадобился, отрицать существование объективной действительности и учитывать действительность, которую отрицаешь, – всё это абсолютно необходимо.

Даже пользуясь словом «двоемыслие», необходимо прибегать к двоемыслию. Ибо, пользуясь этим словом, ты признаешь, что мошенничашь с действительностью; ещё один акт двоемыслия – и ты стёр это в памяти; и так до бесконечности, причём, ложь вся время на шаг впереди истины.

Дж. Оруэлл, «1984»

Необходимость и польза обращения к классике являются не просто необходимым и уместным оборотом речи.

Подходя к данному явлению и достижению человечества с философской и педагогической точек зрения, которые позволяют перевести затронутую проблематику в концептуальную плоскость, принципиально углубить и нагрузить её, необходимо задуматься над следующей, как представляется, интересной идеей.

Художественные образы – герои, идеи и сюжеты – оказываются не просто достоянием литературы, но предстают самыми настоящими современниками тем, кто по воле случая или необходимости

сталкивается с ними в своей жизни, читая и осмысливая встретившийся текст.

Отличительной чертой и спецификой таковых современников можно считать следующее:

➤ безусловная объективность – они существуют и не зависят от чьей-либо воли и мнения, по самому факту их создания некогда определённым автором;

➤ константность – их невозможно трансформировать во времени, нельзя прибавить или убавить смысловые линии, черты и свойства;

➤ вневременная динамичность – они следуют параллельно актуальному моменту сквозь их набравшуюся и всё набирающуюся толщу.

Наконец, самое главное это то, что современниками их можно назвать ещё и потому что с ними можно «поговорить» и воспользоваться их «опытом», а в конечном итоге, посредством этого смоделировать перспективы собственной реальной жизни, т. к. речь идёт о реальном человеке, обращающемуся к классическому тексту, считающемуся таковым по указанным несколько выше причинам.

Именно возможность, пусть и специфического, но разговора имеет большое значение в настоящее время, когда, как отмечалось ранее, зачастую, человек (и молодой, и взрослый) оказывается в ситуации, когда ему не с кем поговорить о том, что его тревожит и, более того, разрывает душу в данный момент его жизни.

Безусловно, оно не заменяет реального общения с живым человеком, однако, сегодня, и это характеристика настоящего времени, разговоры вживую становятся редкостью: всё больше и чаще мы – современники – используем для общения социальные сети, мессенджеры, электронную почту, не говоря уже о мобильных телефонах, отсутствие и неумение пользоваться которыми, сегодня просто нонсенс.

Важно отметить, что в рассматриваемом случае речь идёт не о простой болтовне в беседе, чате или на форуме, естественно, в сети Интернет. Это воспринимается данностью и необходимостью, без которой современник уже ощущает некоторую недостаточность, а порой, и сильный дискомфорт.

Здесь имеется в виду именно серьёзное собеседование, поводом для которого становятся животрепещущие, терзающие душу вопросы, обращающиеся в вызовы, т. е. *то и такое*, что требует ответа в данный момент времени по причине того, что немножко позже будет уже поздно.

Современность классики проявляется в том, что, наблюдая и становясь участником происходящих в России (а шире – мире) событий, невольно возникает желание «поговорить за жизнь», скажем, с Уинстоном Дж. Оруэллом, князем Мышкиным Ф.М. Достоевского или товарищем Давыдовым М. Шолохова: спросить их о том, что и почему что-то происходит так, как оно происходит, и что в связи с этим можно, нужно и должно сделать.

Очевидно, что речь не идёт обобретении готового, универсального ответа, но о получении мнения-совета, способного помочь человеку в самоопределении личного уровня, тактического и стратегического масштаба.

Не менее очевидно, что в прямом смысле это также нонсенс, однако, в силу и посредством интеллектуальной работы, на совершение которой человека подвигает созданный автором классического текста сюжет, его драматургия и образы, читатель, становящийся со-участником и со-мыслителем, оказывается способным выйти на уровень прозрения и понимания смыслов и причинно-следственных связей актуальных, реальных событий и процессов своей жизни и жизни того общества, в котором он оказался и должен действовать и творить.

Это становится возможным благодаря тому, что за глубиной высказанных устами персонажей классических произведений идей и рассуждений, ощущаемых и понимаемых только при обращении к тексту, остается таинственная недосказанность относительно того, что необходимо сделать для того, чтобы-таки *наконец-то* разрешить фундаментальные проблемы бытия; благодаря тому, что совокупность ответов на предельные вопросы оказывается сокрытой – искусно и пророчески оставленной авторами без прямых ответов и решений.

Это, с одной стороны, мудро и искусительно, но с другой – естественно и закономерно, т. к. сами авторы текстов пребывали в подобного рода состоянии поиска и ощущении таинственной неизвестности, будучи такими же людьми, как их современники и их нынешние читатели-собеседники.

Обдумывая реально происходящие в России и мире события, невольно вычерчиваются реалии классических текстов, отразивших прошедшее, с которыми актуальная действительность, оказывается, не только имеет параллели, но и прямо пересекается.

Парадокс состоит в том, что придуманные, а точнее – продуманные и снятые с реальности образы, типажи и сюжеты книг, обретают сегодня вполне реальные воплощения и практики, причём как положительные, так и отрицательные, что вполне естественно и по-

нятно. В этом, безусловно, нет никакой мистики или конспирологии, но гений тех, кто напряженно силился и мучился разрешением действительно важных вопросов и проблем.

Так они и становятся нашими современниками.

Сегодня, читая и перечитывая классические сюжеты, всё явственнее и отчетливее, причём, в реальном бытии и в современных декорациях просматриваются и обломовы, и то, что получило название «обломовщина» («Обломов» И.А. Гончарова); в людях своего непосредственного окружения случается наблюдать проявление страстности характера Рогожина, приводящей, как кажется, к иррациональным поступкам («Идиот» Ф.М. Достоевского); порой, в глазах окружающих замечается и ощущается озабоченность о происходящем и ужас от беспомощности, которые переживал Уинстон («1984» Дж. Оруэлла).

На последнем из указанных произведений необходимо сосредоточить внимание, т.к. в данном случае именно оно позволяет выйти на специфические проблемы сегодняшнего реального времени, тем более, и это важно отметить, что роман «1984», помимо всего прочего, есть утопия.

Воспоминая и обдумывая упомянутый роман, в сознании возникает, по мнению автора данного исследователя, один из наиболее мощных оруэлловских образов, оказывающийся более чем современным и актуальным в наши дни.

Речь идёт о таком понятии как «двоемыслие», с которым главный герой столкнулся в собственном сознании, начав писать тайный дневник.

Интересно то, что уже в самом начале реализации своей опасной задумки, композиционно совпадающей с началом романа, он озадачился этой проблемой: «А для кого, вдруг озадачился он, пишется этот дневник? Для будущего, для тех, кто еще не родился. Мысль его покружила над сомнительной датой, записанной на листе, и вдруг наткнулась на новоязовское слово *двоемыслие*. И впервые ему стал виден весь масштаб его затеи. С будущим как общаться? Это по самой сути невозможно. Либо завтра будет похоже на сегодня и тогда не станет его слушать, либо оно будет другим, и невзгоды Уинстона ничего ему не скажут» [4, с. 8–9].

По мере развития сюжетной линии романа данное понятие прямо и косвенно проходит через всё его содержание, раскрываясь и разворачиваясь во всех своих гранях, которые и представляют интерес.

Ключевым аспектом, который автор романа вложил в указанное понятие, можно считать «способность одновременно держаться двух противоречащих друг другу убеждений» [4, с. 198].

Именно в этом значении двоемыслie и становится реальным, а не утопическим современником, а «разговор» с Уинстоном оказывается необходимым и подвигающим на глубокие размышления, в связи с чем возникает необходимость разобраться с его содержанием и спецификой.

Приступая к обозначенной задаче, важно отметить то, что представляемые далее взорения, представляют собой именно личное прочтение исходного текста, однако, прочтение не фривольное, но, как представляется, аргументированное, обозначающее точки со-прикосновения с реальной, а не утопической реальностью.

Рассматривая двоемыслie в указанном только что ключе, следует указать на то, что оно способно и предстаёт не просто некоторой данностью, фактом, на фоне которого можно рассмотреть, оценить собственную жизнь – события, случающиеся в тот или иной момент времени. В таком случае его можно воспринимать в качестве некоего мирила, критерия оценки наличия/отсутствия элементов, степени присутствия двоемыслия в том или ином человеке или явлении в данном конкретном случае.

В некотором смысле это есть медицинский диагноз, позволяющий верно избрать последующий курс соответствующей терапии, т. к. «способность одновременно держаться двух противоречащих друг другу убеждений» [4, с. 198] есть, однозначно, не самая положительная способность с точки зрения традиционной нравственности.

Помимо указанного факта, который при необходимости и определённом навыке можно (и нужно) обнаружить каждому современному, двоемыслie способно предстать субъектом – самостоятельной сущностью – способным при определённых условиях высоко интегрироваться в существо личности (душу) современника, причём, на столько, что может стать не просто оттенком характера, но её (души) *alter ego* (другое Я – лат.), существующим осознанно и одновременно, обладающим властью.

Иными словами, речь идёт о возможности возникновения глубинной смычки различных сущностей внутри одного и того же человека – собственно человеческой и той, о которой говорит Евангельское повествование об искушениях в пустыне (Мф. 4, 1–3), которые глубоко и тонко осмыслил и представил Ф.М. Достоевский в «Легенде о великом инквизиторе» [2, с. 266–281], той, с которой однажды повстречался доктор Фауст.

Здесь важно подчеркнуть, что ситуация не имеет ничего общего с медицинским диагнозом «шизофрения», которым легко, но поверхностно (непрофессионально) снимаются и исключаются из поля зрения серёзнейшие, собственно духовные реалии; диагнозом, порой,

оказывающимся прямым следствием вольного или невольного соприкосновения человека с реалиями и сущностями иного порядка, мысленный взор на которые, попытка понимания которых доступны религиозно и философски настроенному сознанию, интеллекту человека, причём, сознанию и интеллекту соответствующих общепринятым медицинским критериям психического здоровья.

Здесь речь как раз и идёт о собственно человеческой сущности и свойствах, которые научно описаны и проанализированы.

Таким образом, получается, что во втором случае вполне возможен полновесный диалог и даже конфликт уже двух субъектов, что, в частности, прекрасно продемонстрировано в бессмертном «Фаусте» И.В. Гёте.

Не менее показательной в обозначенном смысле является и отечественная литература. Например, образ раскола в душе главного героя романа «Преступление и наказание», имеющего характерную, показательную фамилию Раскольников или, например, раздвоенность души, характера другого персонажа, также наделённого автором говорящей фамилией, а именно Сергея Паратова из «Беспряданницы» А.Н. Островского.

Важно отметить, что во всех указанных примерах это надо уметь видеть, т. е. уметь читать текст, чему, следовательно, надо научиться или научить.

Продолжая размыщление о двоемыслии как субъекте, сущности, следует отметить его нематериальность, а, значит, его неподвластность привычному, обычному взору. Это означает, что и возможный диалог-взаимодействие также незрим, происходит внутри и не подчиняется наблюдению извне.

Отправной момент, инициация подобного разговора могут и должны быть почувствованы, замечены самим человеком: он должен увидеть, что двоемыслие приблизилось к нему. Это гораздо более серьёзно, чем просто констатировать наличие в себе двоемыслия как черты характера, личной способности и даже склонности.

Глубина и понимание ситуации станут более ясными в том случае, если во внимание принять Евангельское повествование о встрече и столкновении двух Сил, одна из которых приступает, обволакивает подобно туману⁸, разум и волю, а другая, ясно осозна-

---

⁸ Примечательно, что, например, Мефистофель впервые является доктору Фаусту из рассеявшегося дыма: «выходит, когда дым рассеивается, из-за печи в одежде странствующего студента» (это авторское пояснение к действию трагедии) [I, с. 53].

вая и понимая происходящее, сilitся воспротивиться ей. Принципиально важно в такой ситуации то, что здесь требуется и возможен только один единственный твёрдый ответ-выбор.

В рассматриваемом случае речь идёт о том, *что и как* сказано в четвертой главе Евангелия от Матфея: «Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола, и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему искуситель и сказал...» (Мф. 4, 1-3). Главными здесь, как представляется, являются слова о том, что искуситель *приступил и сказал* (*предложил*) что-то.

Важно подчеркнуть, что драматичность, вызов ситуации заключается и проявляется в том, что, невзирая на степень и глубину взаимодействия уже двух субъектов, – человека и его специфического современника – двоемыслия – они сущностно остаются уникальными, всецело не растворяются и не поглощаются друг другом, так, что одно полностью утрачивает самостоятельное бытие.

В этом смысле и в общем контексте сказанного показательными и разъясняющими оказываются слова богослова IV века преподобного Антония Великого, который, в частности, говорил следующее: «Бог благ, и бесстрастен, и неизменен. Если кто, признавая благословенным и истинным то, что Бог не изменяется, недоумевает, однако же, как Он (будучи таковым) о добрых радуется, злых отвращается, на грешников гневается, а когда они каются, является милостив к ним; то на это надобно сказать, что Бог не радуется и не гневается, ибо радость и гнев суть страсти. Нелепо думать, чтобы Божеству было хорошо или худо из-за дел человеческих. Бог благ и только благое творит, вредить же никому не вредит, пребывая всегда одинаковым; а мы, когда бываем добры, то вступаем в общение с Богом – по сходству с Ним, а когда становимся злыми, то отделяемся от Бога – по несходству с Ним. Живя добродетельно – мы бываем Божиими, а делаясь злыми – становимся отверженными от Него; а сие не то значит, чтобы Он гнев имел на нас, но то, что грехи наши не попускают Богу воссиять в нас, с демонами же мучителями соединяют. Если потом молитвами и благотворениями снискиваем мы разрешение во грехах, то это не значит, что Бога мы ублажили и Его переменили, но что посредством таких действий и обращения нашего к Богу, уврачевав сущее в нас зло, опять сodelываем мы способными вкушать Божию благость; так что сказать: Бог отвращается от злых, – есть то же, что сказать: солнце скрывается от лишенных зрения» [5, с. 128–129].

Следуя логике и аргументации преподобного Антония, разумно сделать вывод о том, что и человек, будучи созданием Творца, есть

существо, которому по *сущи* претит всё, что не сочетается с качественным замыслом о нём, того Кто явился причиной его бытия. Однако в этой связи важно сделать оговорку. Сказанное о неприязни *по сути* должно быть в *идеале, по задумке* Творца. В *реальности* же получается так, что прельщает человека, а, значит, изменяет идеал, его первозданность, как раз то, о чём говорил преподобный Антоний как о несвойственном Богу⁹.

Изменяет нечто, пребывающее рядом в пространстве и времени, поэтому и называемое современником. Что касается степени близости, плотности взаиморасположении и взаимосвязи, то нужно отметить, что она вариативна, т. е. зависит от свободного произволения человека, что ещё раз подчеркивает самостоятельность, суверенность взаимодействующих субъектов.

Вполне очевидно, что такого рода со-бытие, со-действие, соседство во времени, неизбежно отражаются на свойствах и чертах личности и её жизни в целом, либо закаляя её, либо ввергая в погибель.

Важность текста, ставшего классическим произведением или даже достоянием, состоит в том, что благодаря выработанному умению понимать текст и работать с ним у читателя-современника появляется возможность внимательно познакомиться с тем, что оказывается реальным, некнижным современником ему. Вычерченные в тексте произведения события и обстоятельства (картина), а также герои и персонажи (субъекты) благодаря этому проявляются, т. е. обнаруживаются в собственной повседневной жизни.

В рассматриваемом романе Дж. Оруэлла такой современник представлен весьма убедительно и ясно, со множеством деталей и тонкостей: двоемыслие действительно, по обоим обозначенным выше критериям предстаёт современником мира романа.

Оно и внешняя, неотъемлемая декорация и фон всей жизни там вообще, и действительный субъект, который не только взаимодействует с человеком, т. е. героями и персонажами, но и в результате этого становится их неотъемлемой частью, тем самым *alter ego*.

---

⁹ «Я дух, всегда привыкший отрицать.
И с основанием: ничего не надо.
Нет в мире вещи, стоящей пощады,
Творенье не годится никуда.
Итак, я то, что ваша мысль связала
С понятием разрушенья, зла, вреда.
Вот прирождённое мое начало,
Моя среда» [I, с. 54].

Безусловно, сформулированные выше идеи есть, и это уже отмечалось, личное понимание встретившегося текста, однако, выявленные точки пересечения таких взглядов с другими авторитетными взглядами, даёт уверенность в том, что и сказанное автором исследования, также заслуживает внимания.

Непосредственно обращаясь к оруэлловскому произведению, можно увидеть и понять причину того, почему двоемыслие рассматривается в предложенном ключе, а главное то, чем это может быть полезно в настоящей, реальной жизни современного человека и общества.

Формулируя суть явления, Дж. Оруэлл писал: «Двоемыслие означает способность одновременно держаться двух противоречащих друг другу убеждений. Партийный интеллигент знает, в какую сторону менять свои воспоминания; следовательно, сознаёт, что мошенничает с действительностью; однако при помощи двоемыслия он уверяет себя, что действительность осталась неприкоснувшаяся».

Этот процесс должен быть сознательным, иначе его не осуществишь аккуратно, но должен быть и бессознательным, иначе возникнет ощущение лжи, а значит, и вины. Говорить заведомую ложь и одновременно в неё верить, забыть любой факт, ставший неудобным, и извлечь его из забвения, едва он опять понадобился, отрицать существование объективной действительности и учитьывать действительность, которую отрицаешь, – всё это абсолютно необходимо. Даже пользуясь словом «двоемыслие», необходимо прибегать к двоемыслию. Ибо, пользуясь этим словом, ты признаешь, что мошенничашь с действительностью; ещё один акт двоемыслия – и ты стёр это в памяти; и так до бесконечности, причём, ложь всегда на шаг впереди истины» [4, с. 198–199].

Будучи порождением интеллекта автора, описанные черты и свойства двоемыслия как вымыщенного смоделированного явления, есть достаточно интересное видение утопической реальности, видение, привлекающее внимание именно своей нестандартностью. В таком случае это вызывает желание ознакомиться с придуманной автором фабулой.

Ситуация принципиально осложняется тогда, когда познавательный интерес, будучи удовлетворённым, преодолевается, переходит в собственное размыщение о сути сказанного и привязку его к реальной реальности.

Так книжный современник – в рассматриваемом случае это двоемыслие – начинает переходить, взаимодействовать с настоящей жизнью: читатель, уловив основное содержание, стара-

ется отыскать нечто подобное в том, что его окружает. Производится своего рода верификация придуманного и облечённого в текст реальным положением дел, в процессе которой выясняется, что сформулированные взгляды автора не есть полная фикция, а тем более утопия, если говорить непосредственно о романе «1984», являющегося таковой.

На вопрос о том, почему в таком случае двоемыслие можно рассматривать современником, необходимо сказать следующее.

Считать его таковым можно считать в силу того, что описанная ситуация стала повторяться со времени выхода в свет данного романа, момента, исторически зафиксированного конкретной датой, всё больше и больше укореняющейся в прошлом, при том, однако, что сама фабула, в частности, двоемыслие оказывается вне времени: люди прошлых времён искали и усматривали его в своем времени, которое некогда стало прошлым, т. е. прошло. При этом обнаруженное явление вместе с пришедшими на смену современниками, которым, правда, довелось/посчастливилось повстречаться с соответствующим текстом, последовало дальше. Это означает, что и новые думающие люди станут силиться узреть двоемыслие в своём времени, которое будет проявляться в новых уникальных декорациях и вариациях.

В этом состоит ценность текста: он заставляет задумываться, а в этом процессе реализуется связь времён и отдельных людей в них. И дело не просто в механике связи, когда один оказывается знакомым, знающим то, чем владеет рядом стоящий.

Значение не в самом факте, но в том, что задумывающиеся принимают вызов времени, предпринимая попытки противостоять ему, поводом для которого явились вскрытое писателем, философом или учёным явление, осмысление которого облечено в текст.

Следующим этапом обретения реальности книжной идеей, превращения её в современника можно считать ситуацию, когда человек, проникнувшись сущностью проблемы или явления, начинает примечать и замечать определенные её специфические черты в самом себе, черты, которые реально отражаются, воздействуют на его повседневную жизнь и жизнь окружающих.

Статус современника в таком случае оказывается более чем реальностью: явление, в частности, рассматриваемое двоемыслие, в той или иной степени наличествуя, обнаруживаясь в каждом, проявляется в столкновении целей и интересов живых людей, что и порождает серьёзные коллизии между ними: «Говорить заведомую ложь и одновременно в неё верить, забыть любой факт, ставший

неудобным, и извлечь его из забвения, едва он опять понадобился» [4, с. 198–199].

Наконец, как представляется, вершиной претворения в современность книжного образа или героя будет то, когда человек, заместив в себе специфические свойства и склонности, станет либо бороться с ними, либо же развивать их. Положительность или отрицательность в данном случае не имеют принципиального значения. Важен сам факт перехода во внутреннюю, духовную плоскость, инициирующий диалог и с собой и тем, что предлагается «современником»: «Этот процесс должен быть сознательным, иначе его не осуществишь аккуратно, но должен быть и бессознательным, иначе возникнет ощущение лжи, а значит, и вины. «...» Даже пользуясь словом «двоемыслие», необходимо прибегать к двоемыслию. Ибо, пользуясь этим словом, ты признаешь, что мошенничаешь с действительностью; ещё один акт двоемыслия – и ты стёр это в памяти; и так до бесконечности, причём, ложь всё время на шаг впереди истины» [4, с. 198–199].

Сознательность и активная позиция, таким образом, приобретают решающее значение. При этом важно, что их причиной стала глубокая проработка текста, прошедшая путь от этапа первоначального удивления до состояния глубокой рефлексии и чёткого осознания того, что всё происходящее есть результат деятельности не кого-то вообще («общечеловек» Ф.М. Достоевского [3, с. 31]), но самого человека, которая всегда и во многом определяется, настраивается некоторыми обстоятельствами и явлениями, иногда так сильно и глубоко искушающими его, что становятся *alter ego*, порождая внутренний разлад, что представляется самым тяжелым и напряженным для человека, т. к. он есть, фактически, разрыв его сознания, интеллекта, души, по меньшей мере, на двое (неслучайно и «двоемыслие»).

Внутренний диалог, инициированный качественным, глубоким текстом вообще, всегда вычерчивает перспективу совершения промаха, т. е. греха, если перевести это привычное понятие на греческий язык, о котором ясно и чётко высказался святитель Феофан Затворник: «грех собственно в развращении воли, по коему и знаем, что должно делать, но не делаем, потому что не хотим» [6, с. 146]. Наконец, «грех есть преступление заповеди, повелевающей или запрещающей что-либо делать, преступление произвольное, непринужденное. «...» Посему, когда делаем что не должно, творим грех и, когда не делаем, что должно, тоже творим грех» [6, с. 150], попадание или

избежание которого обуславливается духовной слабостью или немощью современника соответственно, обретение, выработка которых также всецело зависит от современника.

На фоне сказанное определение двоемыслии Дж. Оруэлла обретает принципиально новый уровень понимания: «Двоемыслие означает способность одновременно держаться двух противоречащих друг другу убеждений. Партийный интеллигент знает, в какую сторону менять свои воспоминания; следовательно, сознаёт, что мешает с действительностью; однако при помощи двоемыслия он уверяет себя, что действительность осталась неприкосновенна.

Этот процесс должен быть сознательным, иначе его не осуществишь аккуратно, но должен быть и бессознательным, иначе возникнет ощущение лжи, а значит, и вины. Говорить заведомую ложь и одновременно в неё верить, забыть любой факт, ставший неудобным, и извлечь его из забвения, едва он опять понадобился, отрицать существование объективной действительности и учитьывать действительность, которую отрицаешь, – всё это абсолютно необходимо. Даже пользуясь словом «двоемыслие», необходимо прибегать к двоемыслию. Ибо, пользуясь этим словом, ты признаешь, что мешаешь с действительностью; ещё один акт двоемыслия – и ты стёр это в памяти; и так до бесконечности, причём, ложь всегда на шаг впереди истины» [4, с. 198-199].

Использованная литература

1. Гёте, И. В. Фауст: трагедия / И. В. Гёте. – Москва : Э, 2016.
  2. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы (часть первая и вторая) / Ф. М. Достоевский. – Новосибирск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1984.
  3. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург : Лениздат, 1999.
  4. Оруэлл, Дж. 1984 / Дж. Оруэлл. – Москва : Астрель, 2012.
  5. Осипов, А. И. Путь разума в поисках истины / А. И. Осипов. – Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2004.
  6. Феофан Затворник Начертание христианского нравоучения. – Москва : Правило веры, 1998.
-

ГЛАВА 2. НАЧАЛЬНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ПОДГОТОВКА КАК РЕШЕНИЕ И ОТВЕТ НА АКУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Содержание данной главы монографии представляет собой систематизированную подборку авторских статей, в которых отражён личный педагогический опыт непосредственной работы с обучающимися различных вузов, с которыми довелось потрудиться, будучи преподавателем философии-дисциплины. При этом следует подчеркнуть, что речь идёт о публикациях в научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата или доктора наук, т. е. ВАК-изданиях, что только подчёркивает серьёзность и ответственность подхода к решению подлинно концептуальных проблем и вызовов современности, ряд из которых был обозначен и рассмотрен в предыдущей части монографии.

Взаимодействие с студентами и курсантами разных годов и поколений, несмотря на общую, генеральную, формально установленную и закреплённую руководящими документами (ФГОС, Рабочая программа дисциплины, Учебный план) линию работы с ними в рамках и процессе обучения философии-предмету, естественно, порождало необходимость реагирования на специфические особенности, присущие каждому временному отрезку. Это обстоятельство предоставляло специфический же педагогический опыт, аккумулировавшийся в одной кладези – сознании и душе автора-преподавателя. Разработка и написание научных работ, собственно, и стало осмыслением и упорядочиванием накопленного: в них осуществлено 1) теоретическое рассмотрение представшего педагогическому взору, а также 2) описание некоторых идей и решений, реально воплощённых в действительность, призванных оптимизировать усвоение и освоение философии, как учебного предмета, а в результате этого обеспечить присутствие философии в жизни человека уже за пределами курса дисциплины.

2.1. Цели времени: к вопросу об интенсификации и оптимизации процесса усвоения мировоззренческих (философия) дисциплин

Данная статья была опубликована в 2016-м году в журнале «Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета (№ 4 (40), с. 93–100).

Настоящая публикация имеет своей целью не просто создание и представление заинтересованным специалистам научной статьи, посвященной рассмотрению заданной проблематики. Дополнительной задачей является наделение её дидактическими чертами: необходимо так проработать и продемонстрировать замысел, логику и последовательность размышлений, чтобы они могли быть использованы коллегами-преподавателями для моделирования и проведения собственных занятий по предмету «Философия» / «Основы философии». В данном случае речь пойдет о вводно-обзорном занятии, имеющем важное стратегическое значение для всей последующей учебной работы.

Как показывает практический опыт, в настоящее время у современных студентов сформировано устойчивое представление, а точнее – априорный настрой – о том, что философия как учебный предмет есть совершенно ненужная, малопонятная и даже странная дисциплина в сетке расписания, которую необходимо как-то преодолеть – пережить. Эта позиция облекается ими в разные, эмоционально окрашенные выражения, порой даже весьма резкие. Это, безусловно, удручающее и расстраивающее преподавателей обстоятельство, однако, оно же есть и симптоматика болезни, указывающая ее наличие, а, значит, методику оздоровления и профилактики специфического недуга. И именно поэтому задачей субъектов педагогической деятельности является эффективное преодоление данного стереотипа, причем, в самом же начале учебного пути – с момента знакомства со студентами. О том, что это реально достижимо, наглядно свидетельствуют студенческие же мысли-отзывы, появляющиеся у них в процессе освоения курса («Основы философии»), а также по окончании его. Далее в качестве доказательства и иллюстрации справедливости сказанного приводится несколько студенческих работ (сочинения на тему: «Философия. Курс закончился. И что???»).

Курс занимался Чем?

Вот и занялся курс философии. Оставил всего один шаг: что мне хотелось бы сказать в этом, последнем, сочинении с самого начала мне показалось, что совсем не нужно изучать философию, это просто пропаганда времени.

Я думала, что человеку, с такой профессией, как бухгалтер - не нужны такие дисциплины. Но, нам показалось - философия и все ее понятия очень тесно связана с любой профессией, включая мою. Зная и понимая философию, человек правильнее мышлит, знает лучше откуда и существует. Его мировоззрение, существующее ввиду его окружающей среды более серьезное. Когда человек понимает важность философических понятий, тогда он мышлит и говорит правильно, обдумывая все с особой тщательностью. Из всего курса философии я училае многое. Мне очень

Григорьев Р. Г.
2022/23

Рис. 1. Философия: взгляд-отношение современного студента до и после

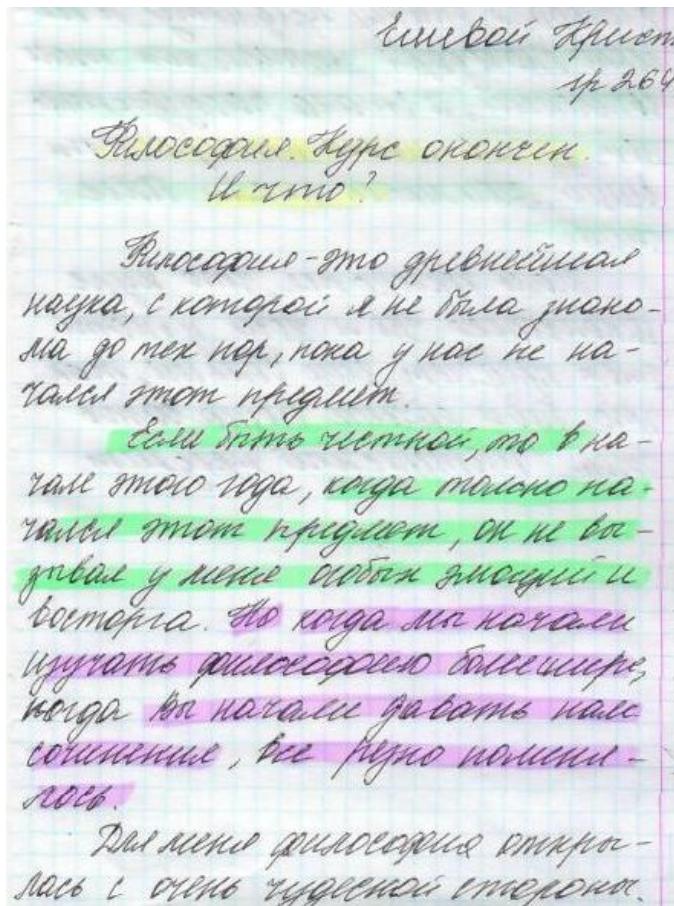

Рис. 2. Философия: взгляд-отношение современного студента до и после

Киселево Анастасия 26/1
Философия. Курсы закончены.
И что...

Хочу начать с того, что **тогда я**
увидел в расписанном предмете
"Философию" и ее **изучение**
захотел начать заниматься им.

Тогда я **стал** **заниматься** **им** **и** **захотел**
ее **изучения** **заниматься**.

Я **с** **каждого** **урока** **захотел** **заняться**
все **изучением**.

Поговорил **меня** **до** **себя** **пер** **пугают:**
"Быть **личностью,** **как** **то** **что** **все**
будет **учить!"**

На **вашем** **пару** **всегда** **было** **интерес-**
но.

Больше **всего** **я** **захотел** **заняться** **вашим**
внедорожением **и** **скажу**. **В** **них** **есть**
что **то** **такое,** **что** **пробудит**

Рис. 3. Философия: взгляд-отношение
современного студента до и после

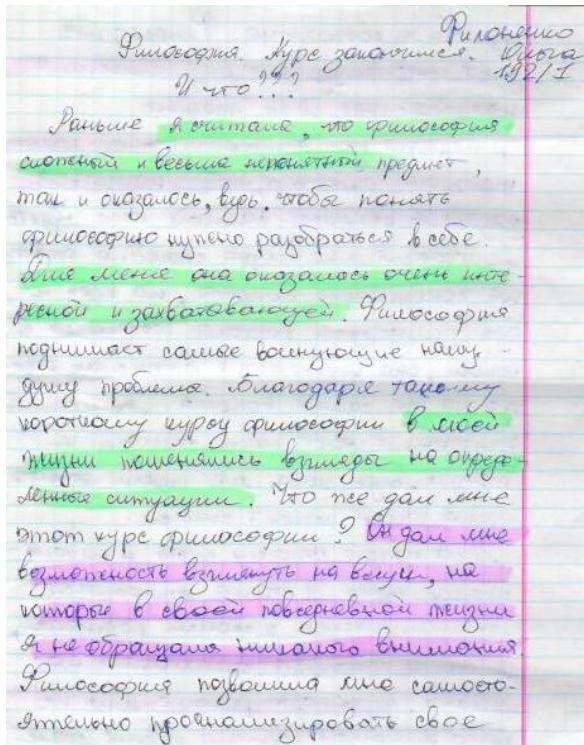

Рис. 4. Философия: взгляд-отношение
современного студента до и после

Представляется, что эффективным приемом достижения обозначенной тактической важной цели – первого погружения в предмет и снятия стереотипа его восприятия – является прямое акцентирование внимания аудитории на самом обстоятельстве. Преподавателю следует показать, прямо сформулировать словами, что эта коллизия в полной мере известна и понятна ему, что именно поэтому его задачей является такая выдача и разъяснение необходимого, предусмотренного программой материала, чтобы первоначальные ощущения не только исчезли, но и обратились в свою полную противоположность.

Успешная ломка шаблона оказывается успешной в том случае, если раскрытие преподавателем карты осведомленности и понимания ситуации, усиливается и осложнится постановкой проблемы быстротечности времени: в широком/узком смысле, тактическом/стратегическом измерении.

Говоря о первом аспекте, следует сказать, что, приступая к работе, преподавателю следует довести до сведения обучаемых нормативные данные по данному предмету («Основы философии»), устанавливаемые руководящими документами, в частности, о часовой нагрузке, отводимой и допускаемой на освоение дисциплины.

Это действительно важно, т.к. позволяет не только составить представление о количестве учебных часов, но и на этом фоне ощутить ограниченность и скротечность времени.

Современными государственными образовательными стандартами среднего профессионального образования, а речь в настоящей статье идет о данной сфере и уровне образования, устанавливается необходимость обучения студентов предметам общего гуманитарного цикла, в частности, основам философии.

Речь идет о таких специальностях как, например, «Экономика и бухгалтерский учет (38.02.01)», «Банковское дело (38.02.07)», «Финансы (38.02.06)», «Операционная деятельность в логистике (38.02.03)» или «Гостиничный сервис (43.02.11)».

Сегодня количество времени, отводимого на данное направление, определяется из расчета 48 часов аудиторных занятий, что составляет всего 24 пары на учебный семестр. Это обеспечивает непосредственное и обязательное (на фоне общей предметной картины и картины личных интересов студента) попадание философии в поле зрения обучаемых на протяжении всего 3–4 месяцев. Это зависит от интенсивности расписания, ряда возникающих в учебном процессе объективных обстоятельств.

Подобного рода раскладка на часы и пары позволяет студентам увидеть и почувствовать то, что лимит не так уж и велик. Более того, на фоне и контексте «скандала в философии», о котором им целесообразно и необходимо рассказать, она может заставить их положительно заволноваться и занервничать, внутренне задать самому себе вопрос о том, как понять суть и предназначение философии (предмета «Основы философии») за 48 часов, если она «несмотря на свои тысячи-челетние усилия, не открыла еще, кроме нескольких логических аксиом, никаких положений, признаваемых всеми философами в качестве очевидных» [5, с. 416].

Как показывает практический опыт, подобного рода «накал страсти» необходимо реализовать для того, чтобы показать и доказать современным студентам два исключительно важных обстоятельства.

Во-первых, несоизмеримость времени жизни человека с тем объемом и богатством мысли, которые накоплены веками и поколениями,

в которой 48 часов аудиторной нагрузки, предоставляемые сегодня системой образования на стяжание мудрости, на то, чтобы узнать хоть что-нибудь, есть действительно песчинка в огромном бархане.

Во-вторых, что гораздо более важно, такой подход и прием позволяет обучаемым ощутить, а как следствие, что называется, «выразить благодарность судьбе» за то, что представилась возможность, пусть и в таком небольшом объеме, прикоснуться к сфере серьезного, формирующего личность и мировоззрение.

Здесь как раз и происходит переход во второй – стратегический аспект. Реализуемая на этапе погружения сознания обучаемых в философскую реальность работа со временем, позволяет продемонстрировать им современное тренды, их развитие, корреляцию с недавно актуальным, а как следствие – прочертить контуры обозримого будущего, т. е. того времени, в котором им предстоит жить и работать в новых социальных статусах и ролях, т. к., очевидно, что время студенчества весьма очень быстро заканчивается.

Отличительной чертой современности является то обстоятельство, что сегодня в сфере образования выражение «выразить благодарность судьбе», не только перестает быть образным, но и дополнительно приобретает прискорбные и ужасающие оттенки, становящиеся реальностью.

В контексте реализации задачи актуализации и ощущения студентами темы времени в целях стимулирования, настройки и вдохновения их на освоение данного предмета («Основы философии») стратегический аспект обретает действительно важное значение.

Проблема, как представляется, состоит в следующем.

В настоящее время концептуальные источники знания и мудрости, в т. ч. образовательные предметы, все больше и больше становятся недоступными большинству подрастающих, входящих в возраст современников.

Это достигается, например, посредством сокращения количества часов предметов или же прямым ограничением доступа к информации (в широком смысле этого слова), реализуемого посредством исключения или невключения в программы и нормативы тех или иных первоисточников, информации, сведений.

Доказательством этого, кричащим доказательством является недавнее заявление президента Российской академии образования Л. Вербицкой о том, что Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского следует убрать из школьной программы: «Я, например, абсолютно убеждена,

что из школьной программы «Войну и мир» Л. Толстого, а также некоторые романы Федора Достоевского нужно убрать. Это глубокие философские произведения, с серьезными рассуждениями на разные темы. Не может ребенок понять всей их глубины» [6].

Реальный ужас в данном случае состоит и проявляется в том, что, во-первых, заявление сделано не рядовым, мало в чем разбирающимся, недалеким человеком, но президентом Российской академии образования, а, во-вторых, что еще более ужасающее, в том, что ответственные руководители высоких инстанций (РАО (!)) отказывают, априорно отказывают своими такими заявлениями многим и многим современникам в способности воспринимать и нуждаться в духовных продуктах высокого качества, оставляя их удивлением потребление генномодифицированной, суррогатной продукции сомнительного происхождения.

Более того, хотя это пока и не произносится прямо и во всеуслышание, но, из внутренней логики, в частности, указанного мнения президента РАО отчетливо прослеживается и вытекает, что Л. Вербицкая воспримет всех юношей и девушек 10-х и 11-х классов как детей, причем, детей малоспособных, которые не могут понять всей философской глубины классических произведений, признанных во всем мире.

В этой связи возникает подозрение в вольной или невольной интеллектуальной и образовательной сегрегации, незаметно пробирающейся в фундаментальные плоскости личной и общественной жизни.

Как ни печально, но в 2016 году, исходя из мэсседжа заявлений, одним из ряда которых является артикулированное президентом РАО мнение, удручающей, но суровой реальностью становятся опасения профессора А.С. Панарина, о которых он предупреждал еще в 2003-м году.

Насколько дальновидными тогда и «раскрывающими глаза» сегодня оказываются его мысли, например, относительно становления т. н. «советского человека». В частности, А.С. Панарин писал: «Как уже отмечалось, реальные исторические типы не строятся на основе примитивного формационного детерминизма – как порождение одномерной классовой, идеологической и иной «сущности». Советского человека от подобной одномерности спасало его классическое культурное наследие, в первую очередь – литературно-художественное. Сплошная грамотность – не загадка, ее можно внедрить, затратив соответствующие силы и средства. Загадка состоит в том, как она была использована «советским человеком» на

глубоком личностном уровне. Научившиеся читать могут поглощать бесчисленные комиксы, детективы и «супердетективы», «маленькие тексты с большими картинками» (особенно порнографического содержания). Все это мы видим на примере американской массовой культуры, сегодня заполнившей мир. Труднее объяснить тот факт, что юноши и девушки, усвоившие грамотность в первом поколении, стали читать Пушкина, Толстого, Достоевского – уровень, на Западе относимый к элитарному. «...» Кто знает, каким бы оказался типичный советский человек, не случись его не совсем идеологически запланированной встречи с высочайшими образцами родной национальной классики» [2, с. 85–86].

Все сказанное выше имеет самое прямое отношение к рассматриваемой в настоящей статье проблематике во всех ранее обозначенных аспектах.

Если, как говорил А.С. Панарин, в недалеком прошлом – в советское время – чтение, а значит, понимание Толстого и Достоевского считалось на Западе элитным уровнем, доступным, однако, в СССР абсолютно всем без разделения всех на уровня и степени элитности, то в современной России – актуальное либеральное время – обращение и прочтение указанных грандов отечественной литературы и философии, сущностно неотделимой от нее, оказывается, как раз провозглашается и выводится на элитарный уровень, доступ к которому всех тем самым или ограничивается, или закрывается вовсе.

Таким образом, наблюдается диаметрально противоположная ситуация, развившаяся и получившая официальную артикуляцию в течение очень короткого периода времени: с того момента, когда А.С. Панариным было озвучено стратегическое опасение, до момента интервью президента РАО Л. Вербицкой, прошло всего 13 лет.

Как показывает практика, вход на подобного уровня проблематику на занятиях по философии («Основы философии») с современными студентами, а особенно в самом начале учебного пути, весьма продуктивно отражается на реализации задачи по пробуждению и генерации интереса к данному предмету.

Этому, прежде всего, способствует подход и отношение субъекта образовательной деятельности к своим обучаемым, которые оказались в сфере его ответственности.

В данном случае весьма показателен и уместен красивый и глубокий образ Иоанна Лествичника (579–649 гг.): «Если ты получил от Бога дар предвидеть бури, то явно предвозвещай о них находящимся

с тобою в корабле. Если не так, то будешь виновен в крушении корабля, потому что все с полной доверенностью возложили на тебя управление оного» [4, с. 432–433].

В том случае, если он не занимается интеллектуальным мудрованием и введением аудитории в идеальный книжный мир мудрости, но использует это лишь как средство прорисовки контуров реальности и постижения ее причинно-следственных связей проблем, трендов и смыслов, аудитория проникается чаянием и начинает слышать и понимать мэсседж преподавателя, погружающего их сложную сферу мировоззренческий коллизий.

Более того, если преподаватель видит (а еще и прямо это свидетельствует) в своих обучаемых не маленьких детей, но взрослеющих современников, которым в скором времени предстоит вкладывать лепту в реальное созидание/деструкцию отечества, с которыми уже можно и должно говорить на сверх-серёзные темы, эффективность реализации задачи по погружению в философию возрастает на порядок и прямо на глазах.

Если с самого первого занятия преподавателю удастся задать серьезный смысловой контекст и атмосферу, подобно тому, что было смоделировано выше на примере темы времени, студенты смогут понять и ощутить, что они пришли колледж/вуз не за развлечениями и не праздным проведением времени.

Реальность, личная вовлеченность в философию, ее, как выясняется в процессе погружения-постижения (но не изучения (!)), всеобъемлющий и всепроникающий характер и свойство будут способствовать перемене в сознании обучаемых, причем, не только относительно конкретного предмета, которым в случае настоящей статьи является философия («Основы философии»), но и всего процесса получения современником образования.

В стратегическом измерении он должен увидеть и понять, и реально начинает видеть и понимать, сущность образования в гейзенберговском (В. Гейзенберг (1901–1976 гг.) ощущении: «Образование – это то, что остается, когда забыли все, чему учились. Образование, если угодно, – это яркое сияние, окутывающее в нашей памяти школьные годы и озаряющее всю нашу последующую жизнь. Это не только блеск юности, естественно присущий тем временам, но и свет, исходящий от занятия чем-то значительным» [1, с. 15].

Это в свою очередь просто не позволит (в самом лучшем случае) или же станет вспыхивающим в сознании напоминанием (реально достижимое положение дел) о недопустимости расточительного

распоряжения временем, данным ему на получение знаний и образования, возникающим вследствие отношения к нему как к разновидности развлечения.

Раскроется смысл идеи Б. Паскаля (1623–1662 гг.), о действительной опасности развлечения, к которому сегодня всячески склоняется и призывается современник: «Развлечение – величайшее из наших несчастий. Это оно больше всего мешает нам думать о самих себе и незаметно нас губит. Без него мы стали бы скучать, и скука заставила бы нас искать более надежного средства от нее избавиться; но развлечение нас забавляет и позволяет приблизиться к смерти незаметно» [3, с. 169].

Наконец важно подчеркнуть, что для реализации задач, рассмотренных в настоящей статье, целесообразным и очень эффективным оказывается встраивание в контекст обращения к аудитории (лекция) приведенных выше мыслей великих мыслителей: будучи уместно использованными и эмоционально подсвеченными, они производят действительно поражающий эффект, который необходим и важен на первом занятии, погружающем сознание в сферу философские – актуально-жизненных – вопросов, проблем, смыслов.

Использованная литература

1. Гейзенберг, В. Избранные философские работы / В. Гейзенберг. – Санкт-Петербург : Наука, 2006.
  2. Панарин, А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А. С. Панарин. – Москва : Алгоритм, 2003.
  3. Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва : Аст-рель, 2011.
  4. Преподобный Иоанн Лествичник Лествица, возводящая на небо. – Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2007.
  5. Философский энциклопедический словарь. – Москва : Инфра-М, 1997.
  6. Вербицкая Л. Эти произведения слишком сложны для изучения в школьном возрасте. / Л. Вербицкая. – URL: http://ruskline.ru/news_rl/2016/10/01/lyudmila_verbickaya_eti_proizvedeniya_slishkom_slozhny_dlya_izucheniya_v_shkolnom_vozraste
-

2.2. Формирование поля духовной защищённости личности посредством зрелищного общения

Данная статья была опубликована в 2016-м году в журнале «Балтийский гуманитарный журнал» (№4 (17), с. 334–336).

Поднимая вопрос о поле защищённости – *духовной защищённости* – личности, в целях создания необходимого образа, необходимо вспомнить такое популярное и сегодня явление, как компьютерные игры-«стрелялки», в которых управляемое игроком что-то (машина, фантастическое существо, человек), двигаясь к заданной цели определенным маршрутом, уничтожает на пути все угрожающие ему препятствия: конструкции, монстров, людей, пришельцев и т. д.

Разрушая и ликвидируя их, игроку начисляются очки, а также предоставляются определенные бонусы в виде дополнительных зарядов для оружия, up-grade'а техники и амуниции, здоровья, «дополнительных жизней» или же, что примечательно и важно для настоящей статьи, в виде некоторых, неприсущих обычному состоянию, сверх- свойств, получая которые, управляемое им что-то оказывается способным с невиданной мощью а, самое главное, без применения (расходования) боекомплекта, урона себе или же потери одной резервной «жизни», разрушать препятствия и уничтожать врагов.

На экране монитора это кратковременное состояние-способность визуализируется как раз в образе некоторого *поля*, замкнуто, т. е. блокируя всякое проникновение извне, окружающего и защищающего управляемый игроком объект.

Похожий образ можно встретить и в области художественной литературы, например в повести Н.В. Гоголя «Вий», экranизированной в одноименном советском кинофильме («Вий» 1967 г.).

Следует напомнить, что для защиты от напастей нечисти, Хома Брут очертил себя кругом, пересечь который, до поры, не мог ни один злой дух из многочисленной свары, нападавшей на него. Важно также отметить, что действие такого *поля* не закрывало и не устраивало всю ужасающую аудио-визуальную картину страшной ночи: реальность оставалась реальностью.

Приведенные образы позволяют зафиксировать главную для настоящей работы идею: в сознании человека, будь то программист, пишущий компьютерную игру, или же писатель, также пишущий текст своей повести или романа, имеется устойчивое представление о том, что для безопасности жизнедеятельности личности (общества), у

нее должно быть некое пространство, которое ограждает ее от воздействия и посягательств извне, или же, в случае подобного рода происшествий, незамедлительно нейтрализует негативное влияние, упреждает его губительное окончательное, смертельное уязвления тела и души / сердца – источника жизни вообще.

В этом смысле не случайно и не удивительно, что в современном понятийном аппарате различных областей функционирования человека и общества имеются такие образные, но емкие и понятные категории как «правовое поле», «экономическое сфера», «личное пространство», «патриотическое воспитание» и пр.

Очевидно, что речь идет не о физическом уровне (обыденной, привычной жизни) сущность и принцип действия которого имеет похожую конституцию и предназначение, но о более значимом – духовном – уровне: плоскости смыслов, императивов, ценностей, отношений-переживаний, страстей (не в вульгарном смысле этого понятия), веры, философии, религии.

Принципиальное отличие виртуального поля (в компьютерной игре, фильме) от реального (сама жизнь и ее содержание) заключается в том, что во втором случае эта защита предоставляется человеку / обществу не сама по себе, просто по факту находки / обретения чего-то этакого, но созидается с самого рождения: сначала таковым покровом предстает, прежде всего, Мама, семья в целом, а позднее сам человек, попадающий, пребывающий, творящий в различных институтах социализации.

Точно также обстоит дело и с нейтрализацией атакующего душу/сердце зла: обезвреживается оно не само по себе, только попаданием его в защитное поле, разлетаясь в пыль-небытие (как в компьютерной игре), но посредством личной самостоятельной внутренней интеллектуальной работы и духовной борьбы, оценки, моделирования и выбора вариантов развития потенциальных событий, претворяемых в реальность именно и только самим человеком.

Необходимыми инструментами и методами генерирования, поддержания и усиления (равное как справедливо и наличествует обратное) такового духовного поля обладают, прежде всего, предметы и дисциплины гуманитарного цикла, а также предание и откровения традиционных религий. В настоящее время это не вызывает ни малейшего сомнения.

Именно они, будучи персонифицированными в конкретных людях-специалистах, освоивших и оперирующих ими – педагогах, философах, культурологах, историках, литераторах и т.д., способны формировать поле духовной защищенности человека или, что представляется эквивалентным по смыслу и содержанию, но в несколько иных словах, информационную безопасность личности, а шире страны – «ощущение защищенности от применения целенаправленного информационного воздействия, как извне, так и изнутри страны, направленного на причинение ущерба стране».

Подобное информационное воздействие может быть направлено на любые информационные системы, функционирование которых зависит от поступающих входных данных, будь то люди (социальная сфера) или сложные технические, программируемые системы (техническая сфера)» [2, с. 28].

Важно отметить, что на формирование подобного рода поля в современном обществе есть большой спрос, что подтверждается статистическими данными, доказывающими, в частности, справедливость высказанной выше идеи о том, что у человека и общества имеется представление о поле духовной защищенности, которое они хотят иметь созданным на практике и, собственно, формируют в меру своих возможностей.

Так, в преддверии нового учебного года (26–29 августа 2016 г.) аналитическим центром Ю. Левады был проведен социологический опрос «Учебные предметы и функции школы» [6], результаты которого подтверждают справедливость сказанного: 89% респондентов высказались за то, что школа должна заниматься патриотическим воспитанием, 85% за то, что она должна проводить духовно-нравственное воспитание, т.е. закладывать основу, первичную настройку и подпитку поля духовной защищенности личности.

Таблица 1

Как вы считаете, должна ли школа заниматься...

	Определенно да	Скорее да	Скорее нет	Определенно нет	Затруднились ответить
Патриотическим воспитанием детей	52	37	7	3	2
Духовно-нравственным воспитанием детей	51	34	8	5	3
Начальной военной подготовкой	43	35	12	6	5

Приведенный пример есть только аспект рассматриваемой проблематики. Чтобы расширить горизонт, следует задуматься над словами профессора С.П. Растрогуева, который говорит о том, что «одна из главных задач системы обеспечения информационной безопасности в социальной сфере заключается в создании и поддержании максимально адекватного событийному миру общественного сознания и собственного знания о мире».

Под адекватностью сознания в данном случае понимается, что осознаваемая модель реального мира в наиболее значимых для безопасности государства и общества ситуациях позволяет не ошибиться в ожиданиях.

Важнейшая задача обеспечения информационной безопасности в технической сфере – защита технических средств как от скрытых включений, способных перехватить управление технической, а порой и человеко-машинной системой на себя, так и от ошибок и сбоев. [2, с. 28].

Ключевая мысль, проливающая свет, дающая понимание того, что такое есть то поле, о котором идет речь в настоящей статье, базируется, как представляется, на двух, употребленных ученым в общем смысловом контексте понятиях: «ошибка» и «сбой».

Явление, о котором идет речь, – совсем не образное, сказочное, а тем более вульгарно-мистическое (увлечения современников экстрапсихологией, астрологией, НЛО и прочими духовными объектами/символами, пеняющих при этом при каждом удобном случае традиционные религии клерикализацией, мракобесием и XIX-м веком) приложение к обычной деятельности обычного человека и общества. Это, прежде всего, реальность, не игра, не виртуальность.

Представляется, что это вполне конкретное (наблюдаемое и фиксируемое) состояние системы, информационной системы, будь то сознание человека или же работоспособность ЭВМ, например. Естественно, что для настоящего исследования интерес представляет человеческая сфера, что обуславливает специфику наблюдения и фиксации продуктов деятельности личности.

Следовательно, поле духовной защищенности личности – адекватное состояние сознания, души/сердца человека, в котором происходит перманентная верификация входящих данных на предмет возможности совершения ошибок и промахов, возникающих по причине принятия за основу и дальнейшей реализации той или иной информации.

Кроме того, на основании имеющихся сведений, накопленного опыта (что показывает и доказывает тот факт, что изучаемое явление формируемо), а также комплексного анализа им – сознанием, душой/сердцем (в зависимости от угла рассмотрения духовной реальности следует различать секулярную и религиозную духовность, а, значит, соответствующий «слой» поля духовной защищенности) – предпринимаются усилия по минимизации вероятного просчитываемого урона, негативных последствий.

Важным дополнением к вышесказанному является тот факт, что религиозный подход к осмыслинию и объяснению бытия, рассматриваемой проблематики в частности, зачастую, воспринимаемый в качестве резкого противовеса секулярной системе взглядов, оказывается, совсем не противоречит ее доводам, но именно дополняет, а правильное сказать – восполняет – ее.

Проявляется это, например, в том, что традиционные религии в своих богословских и миссионерских целях используют понятие «грех», которое переводится с греческого именно как «промах».

Вот, например, как разъяснял понятие «грех» Святитель Феофан Затворник: «Грех есть преступление, или нарушение закона. Но закон сам в себе остается неизменным. Он разоряется только и нарушается

в лице грешащего. Например, неверие есть нарушение закона веры в Бога; но и Бог, и вера сами по себе остаются неприкосновенными» [4, с. 146] и далее «грех собственно в развращении воли, по коему и знаем, что должно делать, но не делаем, потому что не хотим» [4, с. 146]. Наконец, «грех есть преступление заповеди, повелевающей или запрещающей что-либо делать, преступление произвольное, непринужденное. «...» Посему, когда делаем что не должно, творим грех и, когда не делаем, что должно, тоже творим грех» [4, с. 150].

Одновременный подход двух парадигм к сущности и оперированием схожими понятиями говорит о многом, что, в целом, важно для изучаемого вопроса.

В контексте сказанного возникает вопрос о том, как формируется такое важное свойство личности, атрибут ее жизни, показатель здоровья и устойчивости к многочисленным вызовам извне?

Очевидно, что данная задача весьма обширна и многоаспектна, в силу чего представляется целесообразным сконцентрировать внимание на одном из них, а именно формировании и настройки его посредством так называемого «зрелищного общения».

Для начала, в качестве яркой иллюстрации, следует указать следующее, имевшее место в нашей стране самом недалеком прошлом событие, освещавшееся центральными средствами массовой информации.

В начале 2016 г. в Третьяковской галерее прошла выставку картин В.А. Серова (1865–1911 гг.), об эффекте воздействия которой на современников, можно судить по заголовкам и содержанию статей в центральной прессе. 27.01.2016 г. «Российской газете» вышел материал с ярким названием: «Увидеть Серова и жить!», в обзорном комментарии к которому есть следующие показательные слова: «Сказать, что выставка Валентина Александровича Серова (1865–1911) стала событием, значит, ничего не сказать. Похоже, она стала даже чрезвычайным событием. Пятичасовые очереди на морозе, сломанная входная дверь, каша из походных кухонь и палатки для обогрева любителей прекрасного, развернутые МЧС у входа в Третьяковскую галерею на Крымском Валу в выходные, в которые должна была закончиться выставка, выглядели слегка гротескным аккомпанементом к тому «отрадному», о котором мечтал Серов» [5].

Это и есть наглядный пример *зрелищного общения*, под которым понимается «процесс взаимодействия и взаимовлияния людей, возникающий в результате определенного публичного действия, в котором особое – чаще всего главное – место занимают аудиовизуальные компоненты («совокупность видимого и слышимого»), организующие восприятие зрителей определенным образом, вызывающие сильное эмоциональное переживание, обостренное чувство коллективности, общности, причастности к целому» [3, с. 26].

Очевидно, что основываться оно может и будет на всей информации, воспринимаемой человеком (обществом) посредством своих глаз: картины, видеоролики, клипы, кинофильмы и так далее.

Памятование о том, что речь идет об информационной безопасности и защищенности исключает из плоскости исследования и из указанных средств зрелищной передачи данных компонент и свойство развлекать сознание: при всей важности развлечения, особое внимательное отношение к нему обуславливается тем, что сегодня оно обратилось в метод ведения информационных, мировоззренческих противостояний.

Причина данной позиции во многом раскрывается при вдумчивом рассмотрении следующей мысли Б. Паскаля (1623–1662 гг.): «Развлечение – величайшее из наших несчастий. Это оно больше всего мешает нам думать о самих себе и незаметно нас губит. Без него мы стали бы скучать, и скуча заставила бы нас искать более надежного средства от нее избавиться; но развлечение нас забавляет и позволяет приблизиться к смерти незаметно» [1, с. 169].

Данный афоризм ученого мирового уровня не случайно приведен в контексте разрабатываемой статьи.

Размышляя о предназначении, в частности, детского и подросткового кино А.В. Толстых писал, что оно должно быть «учителем юного зрителя как зрителя, готовить его к восприятию произведения искусства как такового независимо от жанра, стилистики, изобразительных средств, а значит, учить понимать и жанр, и стилистику, и изобразительные средства, и многое-многое другое. И учить воображать! Представлять себе, именно **представлять** (выделение и написание автора – М.Ф.), т. е. ставить перед собой (с помощью художника, конечно) некий объект (человеческий характер, отношения людей) и рассматривать через призму художественного постижения. Учить

умению смотреть фильм как художественное целое, умению, сохраняя эту целостность как данное, «домысливать», «довообразжать» до целостной картины мира» [3, с. 36].

Из этого следует вывод и подтверждение идеи о том, что в деле и процессе формирования духовной защищенности, информационной безопасности, любое послание (в частности, видеосообщение) есть совокупность определенных смыслов, призванных тем или иным образом повлиять на сознание адресата, изменить его согласно определенному замыслу, моделируемому и вкладываемому в мэссэдж режиссером.

Следовательно, посредством зрелищного общения, вне зависимости от возраста человека, может и должно происходить обучение его оперированию смыслами. В этом смысле имеющийся видеоряд фильма, ролика и т. д. существенно облегчает указанную задачу за счет наглядности, однако, именно и только в том случае, если воспринимается он не в качестве развлечения.

Логическим и суровым выводом из вышеприведенных слов Б. Паскаля является данность о том, что безопасность и развлечение несовместимы.

А.В. Толстых подчеркивал, что именно видеоматериал (детское и подростковое кино в его случае [3]) ставит зрителя в ситуацию активного делания: заставляет думать, анализировать, искать смысл, что есть адекватный, здорово настороженный подход и отношение ко всему входящему в сознание, душу/сердце человека, «потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7, 13–14); развлеченье же обращает его из актора в потребителя, живущего по принципу «Душа! Много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись» (Лк. 12–19), «Но Бог сказал ему: безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил? (Лк. 12–20).

Формирование поля защищенности, безопасности в рассматриваемом случае обусловливается тем, что попадающий в поле зрения человека видеоматериал позволяет ему попасть в т.н. «тепличные условия»: в режиме реального времени погрузиться в события и смыслы модели, максимально приближенной «к боевым действиям», что дает возможность оценить цену возможной ошибки, промаха, греха, без урона себе и потери не одной резервной «жизни», как это возможно в

компьютерное игре, но своей одной единственной жизни, что может случиться одномоментно, но чаще всего, как отметил Б. Паскаль «приблизиться к смерти незаметно» [1, с. 169].

При всей внешней схожести образа, поле безопасности в компьютерной «игре-стрелялке» и в реальной жизни существенно отличны, а во втором случае – и реально ощущимы, т.к. в случае не-благоприятного развития событий, возникающего по причине не-понимания и неумения разбираться в смыслах, из жизни выбывает конкретная жизнь человека, общества, цивилизации. Иными словами, ошибка/промах/грех из теоретических понятий переходят в разряд неутешительной, горькой реальности, упредить которую как раз и призвано зрелищное общение, базирующееся на доступных (готовых) и возможных (создаваемых) видеоматералах: фильмах и роликах на ТВ, полотнах в картинных галереях, картинках-мотиваторах/демотиваторах в Интернете.

Использованная литература

1. Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль – Москва : Аст-рель, 2011.
  2. Растворгувєв, С. П. Математические модели в информационном противоборстве. Экзистенциальная математика / С. П. Растворгувєв. – Москва : АНО ЦСОиП, 2014.
  3. Толстых, А. В. Психология юного зрителя / А. В. Толстых. – Москва : Знание, 1986.
  4. Феофан (Затворник) «Начертание христианского нравоучения». – Москва: Правило веры, 1998.
  5. Увидеть Серова и жить! // Российская газета. – URL: <http://www.rg.ru/2016/01/28/vistavka.html>
  6. Учебные предметы и функции школы. – URL: <http://www.levada.ru/2016/09/01/uchebnye-predmety-i-funktsii-shkoly>
-

2.3. Условие эффективности сочинения как средства оценки образовательно-воспитательной работы

Статья была опубликована в 2016-м году в журнале «Среднее профессиональное образование» (№7, с. 14–16).

Как показала педагогическая практика, постановка преподавателем такой вполне законной задачи, ибо занятие философией предусматривает, в том числе, подобного рода учебную работу, вызывала эмоциональную реакцию специфической окрашенности, которая с течением времени не только не снижается в смысле напряжённости, но всё прогрессирует в плане нигилистического отношения и резко негативного восприятия со стороны студентов, характерными проявлениями чего являются, к примеру, артикулируемые ими фразы типа: «А сколько должно быть слов?» / «А сколько надо строчек?» / «Ну, вот, опять, как в школе!!!» и прочие, гораздо более колоритные формулировки, исполненные явного недовольства и презрительного отношения к такого рода умственной работе.

Этиология этого интеллектуального недуга очевидна. Вопрос в том, что, как и всякая прочая патология, данное состояние есть явление приходящее, напускное, т. е. то, что собою опутывает и обволакивает некий субстрат / основу, оказывающийся принципиально иным по своей сущности, на котором только и может закрепиться, и далее паразитировать обозначенный недуг, которому можно дать условное название «Нежелание писать, подумав».

Одна из причин его распространения и качественного развития, заключается в утрате многими субъектами образовательно-воспитательной деятельности (т. е. преподавателями), а стало быть и потому их объектами (студентами и курсантами) понимания концептуальной сущности и роли письменной работы по *заданной* теме: это не просто представление одними другим дежурных идей и фраз по случаю, которые должны просто подойти-совпасть закреплённому формальному требованию, чем зачастую сегодня оборачивается и заканчивается работа по написанию сочинения, но прорыв, прорыв через тернии к смыслам, умение *сделать и делать* который, собственно, и характеризует, констатирует личностную зрелость.

Именно по этому *каждой из сторон* педагогического процесса должно осмыслить, а далее постоянно держать в поле зрения, концептуализирующие доводы о сущности и функции обозначенного типа интеллектуальной учебной деятельности, т. к. в таком случае

тлетьорная патология вполне изживаема и обратима в полную противоположность, т. е. исцелима.

Говоря о студенческом сочинении, равно как и о сочинении вообще, приходится констатировать тот факт, что в настоящее время его подлинная ценность в педагогическом процессе, осторожно выражаясь, нивелирована.

Проявляется это в том, что обе стороны педагогического процесса стали весьма формально относиться к нему как виду деятельности, дающему вполне конкретный продукт – текст, который, однако, следует понимать и рассматривать далеко не только как материальный объект, выполненный по конкретному заданию-алгоритму, из бумаги и чернил, оформленный в единое целое механическим способом – рукой человека или принтером.

Сочинение – это нечто большее, чем работа выпускника школы на баллы ЕГЭ, больше, чем просто выполнение (для отметки) обучающимся текущего задания преподавателя в колледже или университете.

Понятно, что оно есть нечто большее и для обучающего – учителя или преподавателя, – чем просто постановка, пусть и сопряженная детальным разъяснением и рекомендациями, но все же задачи, выполняемой для собственного отчета о реализации календарно-тематического плана.

Говоря так, подразумевается, что так должно быть; что в этом деле должно быть нечто возвышающее над суетой, которое, однако, остается на уровне ощущений и идеалов; что это что-то трудно реализуемо на практике.

Возникает естественный вопрос, о том, что же тогда есть, чем должно стать сочинение, что должно сделать, чтобы идеальное представление о нем максимально полно нашло отражение в практике повседневного педагогического процесса применительно к каждой из его сторон.

Отвечая на поставленный вопрос, необходимо сказать, что наиболее очевидным является ответ на первый его аспект, что при этом совсем не свидетельствует о его простоте и малозначности.

Залогом формирования или обретения вновь желаемой качественной и сущностной характеристики сочинения является постоянное памятование о том, что оно есть продукт, следствие синергийного действия обеих сторон образовательно-воспитательной работы в школе, колледже, университете.

Раскрыть философский контент такого сложного понятия, точнее сказать – описать – один из его наиболее значимых в данном случае ракурсов, можно посредством образного сравнения.

Представляется, что незримое-непроизносимое качество сочинения обретет осязаемые контуры в том случае, если его сначала образно сравнить, а после – вдуматься и самолично практически ощутить и убедиться, что сочинение есть место встречи учащего и обучаемого.

Действительно, сочинение есть то пространство, где обе стороны педагогического процесса встречаются лично и непосредственно обмениваются мыслями, причем, такими, какие они есть на самом деле: пишется текст о том, как, на чем основывалось, как строилось взаимоотношение и взаимодействие, ставшие прошлым, отголоском короткого и является прописываемое послание.

Важно понимать, что, кроме всего прочего это есть встреча один на один. Обучаемый, создавая текст на заданную тему, всегда будет вспоминать о том, с кем шла вся предварительная работа, кто обращался к нему, учил, кто, в конечном итоге, и будет читать и оценивать получившееся творение.

Обучающий, в свою очередь, получая готовый текст, читая его, как бы ему того ни хотелось, будет замечать свои собственные чаяния, достижения и ошибки. Он будет понимать, что, фактически, это и есть тот ответ, который при всем желании он не сможет получить публично – в пространстве урока или пары. Он будет понимать, что его качество всецело зависит от него самого: ответственности и серьезности к проводимой работе.

Сочинение – это именно точка, место встречи учителя и ученика в потоке беспрерывно создаваемого текста жизни, позволяющее на некоторое время замедлить ее стремительное движение, и таким образом дать им возможность сконцентрировать внимание и переосмыслить направление дальнейшего следования. Та точка, из которой может произойти корректировка дальнейшего целеполагания и целереализации.

Сказанное выше есть первое условие эффективности сочинения в образовательно-воспитательном процессе, делающее его именно живой реальностью, а не просто формальным выполнением задачи: переписыванием чего-то готового из Интернета или постановкой задачи согласно утвержденному плану.

Говоря о втором аспекте поставленной проблемы, а именно том, что должно сделать для повышения степени эффективности работы, следует сказать следующее.

В сознании каждой из сторон педагогического процесса должно произойти изменение характера отношения и к самому сочинению, и к собственной жизни: должно выработаться ценностное отношение, «выступающее источником активности личности в процессе деятельности» [2, с. 21]: серьёзное отношение к происходящему обязано стать именно потребностью, сопрягаться с ощущением скоротечности жизни, а, значит, императивом *carpe diem!* (Лови день – лат.).

Прежде всего, сказанное относится к субъектам образовательно-воспитательной деятельности – учителям и преподавателям. Поэтому дальнейшее размышление будет касаться именно их, т.к. именно на их плечах лежит большая часть груза ответственности за то, чем явится в конечном итоге сочинение: формальностью или же «концентрированной действительностью» [2, с. 118] и встречей.

В таком контексте становится понятным, что речь идет о «встрече духовно-душевных миров» [5] преподавателя и студента, при этом важно, «чтобы состоялась встреча в нужный миг, чтобы души соприкоснулись в сокровенном чувствовании и узнавании» [5].

Очевидно, что случиться это может только в контексте определенных – концептуальных – смыслов, которые став достоянием личности, инициируют трансформацию сознания, а, следовательно, и реального поведения.

Таковыми всегда были и остаются сакральные, т.е. священные тексты, глубокое осмысление которых, позволяет принципиально по-новому рассматривать привычные, банальные вещи и явления.

Для субъекта педагогической деятельности условием идейно-смысловой трансформации сознания являются (должны быть таковыми) слова Евангелия в притче о талантах (Мф. 25, 14–30): «Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! В малом ты был верен, над многими тебя поставлю» (Мф. 25, 21).

Действительно, в том случае, если каждый занимающийся педагогическим деланием, оказавшийся на этом поприще, будет реально осознавать, ощущать, что в сферу его влияния и воздействия попали, а точнее – *были вверены* – души людей, причем, души «малых сих», соблазнение которых не обещает ничего хорошего («истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство

Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает; а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф. 18, 6)), характер, отношение и содержание работы, в том числе, связанной с научением написанию текста, понимаемого в настоящей статье и в узком, а главное широком смысле, будет принципиально отличным от того, когда прибытие на работу, проведение занятий и постановка задач есть безответственное перед Вечностью «отбывание номина» и извлечение денежных средств в форме заработной платы.

Отличным оно будет в силу того, что в высшей степени актуализирует и раскрывает проблему ответственности: не только перед обучаемыми, не только перед своей совестью, но и перед высшей правдой, которая «есть выше всего» [3, с. 52] – перед Богом: «Добрый кормчий спасает корабль, и добрый пастырь оживотворит и исцелит недужных овец. Насколько овцы сии, преуспевая безостановочно, последуют своему пастырю, настолько и он должен отдать за них ответ Домовладыке» [6, с. 428].

Приведенные выше мысли-увещевания преподобного Иоанна Лествичника позволяют ясно увидеть и понять момент трансформации абстрактной категории «ответственность» в личную ценность, «которая предстает как бы своеобразным зеркалом, отражающим в данной вещи социальную природу человека» [2, с. 22]: как только на смысловом горизонте учителя или преподавателя появляется высший Критерий, недобросовестное делание – образование и воспитание молодых современников – оказывается недопустимым, т. к. он будет явственно ощущать, что его продукт (текст жизни) обязательно станет достоянием вечности, к которой он оказывается причастным фактом своего субъектного статуса. Педагогика есть синергия – «совместное действие; взаимодействие различных потенций или видов энергий в целостном действии» [7, с. 414], прекрасной иллюстрацией чего являются следующие слова преподобного Иоанна Лествичника: «Если ты получил от Бога дар предвидеть бури, то явно предвозвещай о них находящимся с тобою в корабле. Если не так, то будешь виновен в крушении корабля, потому что все с полной доверенностью возложили на тебя управление онного» [6, с. 432–433].

Действительно, как только учитель замечает отражения собственного делания в вечность, да еще перед лицом Высшей Правды сразу же меняется его социальная сущность: он перестает быть просто устройством, передающим знания, но начинает быть проповедником не только знания, но и мудрости, а работа его начинает быть проповедью, которая «обращена к сердцу каждого, в ком теплится искра боли, отзывчивости, любви к тому, что выходит за пределы эгоистического бытия» [5].

Совершенно понятно, что в том случае, если описанный выше подход и к работе, и к жизни в целом в результате образовательно-воспитательного воздействия на обучаемого реально станет его достоянием, сакральным императивом, то, в частности, и написанное им сочинение реально отразит «последствия предпринятых усилий, внесенных изменений, реальных сдвигов в жизненных позициях, системе отношений и ценностей человека» [4, с. 110], т. е. будет качественным «продуктом деятельности» [4, с. 110], а не формальной отпиской.

Использованная литература

1. Брудный, А. А. Психологическая герменевтика / А. А. Брудный. – Москва : Лабиринт, 2005.
  2. Бурбулис, Г. Э. Духовность и рациональность / Г. Э. Бурбулис. – Москва : Знание, 1986.
  3. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург : Лениздат, 1999.
  4. Загвязинский, В. И. Качественные и количественные методы психологических и педагогических исследований / В. И. Загвязинский. – Москва : Академия, 2013.
  5. Корольков, А. А. Философия как проповедь / А. А. Корольков // Духовные основания русской школы. – URL: <http://www.portal-slovo.ru/pedagogy/37874.php>
  6. Преподобный Иоанн Лествичник Лествица, возводящая на небо. – Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2007.
  7. Философский энциклопедический словарь. – Москва : Инфра-М, 1997.
-

2.4. Видеоматериал как средство активизации работы со смыслами

Статья с таким названием была опубликована в 2016-м году в журнале «Азимут научных исследований: Педагогика и психология» (№3 (16), с. 200–202).

Преподавание философии, а точнее и правильнее сказать – раскрытие и погружение сознания человека в мир её идей и краеугольных, неудобных (вводящих сознание в состояние когнитивного и смыслового диссонанса) вопросов, по факту, оказывается очень сложным делом: задачей является преодоление устойчивой и априорной позиции современника, студента в частности, в том, что философия – это многое и ни о чём, а, значит, она есть никчемная и неважная сфера знания и жизни, заставляющая, ещё испытывать и состояние духовного (как противоположность физического) дискомфорта.

Такого рода убеждение «исключительно положительно» сказывается и на желании приобщиться к действительной, а не «ширпотребной» мудрости, и, как следствие, на качестве современного общества – его мировоззренческих интересах, доминантах и предпочтениях, каковыми сегодня, к сожалению, оказываются сиюминутные личные потребительские настроения и устремления.

Действительная драматичность ситуации обусловливается тем, что они развиваются на фоне наличия у современника некоторых, но всё отдаляющихся, представлений о чём-то высоком-вечном, пребывающих в размытом, контурно-штриховом исполнении, что, однако, не мешает им быть неким оправдывающим алиби-фактором: неполное отсутствие не позволяет засвидетельствовать самому себе и окружающим свою опустошённость, что несколько успокаивает и позволяет двигаться дальше ... выбранным курсом.

Здесь исключительно важно подчеркнуть, что сказанное не является очередным уныло-печальным сетованием на неугодное настоящее, оборачивающееся, в, конечном итоге, тотальным пессимизмом, поиском и указанием, кроме себя, естественно, виноватых в таком положении дел.

Проблема, как представляется, состоит в вольном и невольном поступательном принятии современником некогда немыслимого, в вымывании таким образом из фундаментальных понятий их концепту-

альных вех, при одновременном и постепенном их разбавлении принципиально иным содержанием, что означает сущностную трансформацию и перверсию.

В конечном итоге все это приводит и оставляет только внешнюю форму без содержания: узнаваемая всеми оболочка перестаёт обладать значением общим для всех. Понятно, что в случае достижения максимального показателя, возникнет максимальное отчуждение и между людьми, и в обществе в целом, что не предвещает ничего хорошего.

Представляется, что философия как предмет образовательного цикла мировоззренческой направленности, во-первых, способна актуализировать данную проблематику, а, во-вторых, должна предстать источником «информации к размышлению», к которому сможет обращаться ищущий человек, нуждающийся в верификации вырабатываемых им вариантов реализации актуального настоящего.

Нужна она ещё потому, что человек всегда и постоянно оглядывается назад, припоминая уже свершившееся. И в этом видится ключ к двери из противоречивой ситуации, о которой говорилось выше, который, при этом, однако, может также провернуть ригель замка и в точку невозврата, но тогда без слесарной – хирургической – операции уже не обойтись.

В контексте сказанного примечательной и одновременно доказательной является следующая мысль А.С. Панарина. В своем труде «Православная цивилизация» он, в частности, писал: «Христианское сознание не оптимистично, в банальном смысле метафизики прогрессизма, а ностальгично – оно характеризуется страстным томлением по состоянию, предшествующему грехопадению. «...» Добро было вначале, и оно оказалось поруганным в истории мира; его права должны быть восстановлены, а мир возвращён к добру» [2, с. 463].

Ёмко и метко подобранные выражение «страстным томлением», отнесенное учёным к сознанию человека, однозначно снимает возможный укор современнику в пустом сетовании на реальность: во внешних действиях и словах, порой, действительно, явствует стон и нытьё, однако, внутренняя причина заключается именно в томлении, ведь томление наличествует тогда, когда путь, вожделенные ценности имеют (или по тем или иным причинам стали таковыми) контурно-

штриховое исполнение. Это ещё один аргумент в пользу необходимости философии: факт её присутствия в жизни человека не позволяет чаше весов склониться в сторону пустого нытья.

Представляется, что одним из направлений построения концептуальной работы по реализации образовательных и просветительских задач, которые ставятся перед философией как предметом, является сосредоточение внимания и профессионально-творческое оперирование субъектом педагогической деятельности способностью и склонностью человека к памятованию. Понятно, что речь идёт об обучаемых, в частности, студентах колледжей и вузов. Целью, а одновременно и проявлением мастерства преподавателя, является следующее:

во-первых, ненасильственное и опосредованное координирование потока припомнания, инициирующегося фактом приобщения человека к сфере философских идей, проблем и вопросов;

во-вторых – инициация (такого же рода и характера) процесса переосмысливания вновь представшего старого, уже знакомого смыслового массива идей, проблем и вопросов;

в-третьих, что является именно фигурой высшего пилотажа, – за кладка в сознание человека, оказавшегося в орбите влияния преподавателя-философа, таких воспламеняющих, напрягающих сознание картин, аллегорий, смыслов, которые, в свою очередь, могли бы реализовать первые две задачи.

Достижение обозначенных задач обеспечивается определенными дидактическими средствами, одним из которых является видеоматериал, значение и роль которого в процессе погружения в философскую бездну, необходимо рассмотреть далее.

Речь идёт о художественных и документальных фильмах, телепрограммах, новостных роликах и мультильмах, демонстрируемых аудитории как в целом, так и сокращенном (нарезка смысловых фрагментов) виде, способных влиять на сознание и мотивацию обучаемых.

Очевидно, что видеоматериал не должен быть средством «заполнить паузу» учебного занятия и способом «съедания» аудиторного времени. Это не обсуждается. Важно осмыслить причину концептуального влияния на сознание адресата философского месседжа, посыпаемого видеоматериалом.

Обстоятельством, проливающим свет на логику процесса, является то, что «инволюция (а не эволюция!) мира, наблюдаемая после грехопадения, – факт, существующий лишь для такого сознания,

которое помнит иное, лучшее состояние мира и может судить о существующем состоянии с известной памятной ему высоты. Православное сознание является именно памятующим сознанием. А памятующее сознание не может бездействовать: наблюдаемая инволюция мира воспринимается им как вызова, на который необходимо ответить» [2, с. 465].

Не этим ли объясняется успешное (судя по охвату и продолжительности темы) обращение и использование современным бизнесом, вызывающей у современников ностальгию, товаров-образов, символов советской эпохи, начиная школьной формой, заканчивая продажей разливного пива в стеклянные 2–3 литровые банки с пластмассовой крышкой?

Понятно, что это потребительский уровень. Однако, судя по количеству, а главное – стоимости – рекламы современных товаров, доля маркетинга в цене реализации, составляет изрядную часть, являющуюся, фактически, воздухом, т. е. имиджем, стилем, симулякром.

Он не менее важен уровня идей и смыслов, в толще которых также витают, ищут и ждут прикрепления к реальности и реализации, зачастую, глубоко непродуманные, но эмоциональные окрашенные, ностальгические мотивы и *томления*: от социальной справедливости в форме бесплатности образования и медицины, до сильной руки тов. Сталина, которой не хватает для наведения порядка.

На вопрос о связи сказанного с погружением в философию посредством видеоматериала следует сказать следующее.

Подбираемые и используемые субъектом педагогической деятельности ролики, способны облегчить и сделать его работу в целом более эффективной благодаря тому, что они могут возбудить в сознании адресата тот самый вызов, на который важно и нужно ответить, ответить лично.

Причина кроется в том, что одно дело – посмотреть фильм или отыскать тематический ролик в сети в качестве, если не развлечения, то отвлечения от каждойодневной суеты, что имеет место в большинстве случаев сегодня.

Важно подчеркнуть, что элемент и факт проблематизации присутствует и в данном случае: сознание, мысль хочет работать. И работает. Однако решающее значение в его деятельности будет иметь общий тренд, а значит и контент, вкладываемый в видео

(фильм, клип, шоу) текст (в философском понимании термина), который и будет вести сознание и мысли человека либо путём развлечения (*entertainment*), либо путём интенсивного напряжения.

Совершенно другое дело – столкнуться, не ожидая того, с известным или же неизвестным сюжетом в рамках целенаправленно посещаемых занятий в образовательной организации того или иного уровня (колледж, вуз), на которых волей-неволей придется *припомнить, задуматься и передумать* снова с позиции сегодняшнего дня то, что до данного момента пребывало в идейно-смысловом пассиве сознания.

Целью преподавателя является так встроить в содержание программы, плановых занятий наглядный видеоматериал, чтобы он оказался способным сгенерировать внутренний вызов, на который захочется ответить из-за рождающегося «страстного неприятия действительности от имени более высокого духовного идеала» [2, с. 467].

Первоначальная опора на эмоциональную по сути ностальгию по обрывочно воспоминаемому, исключительно положительному прошлому таким образом трансформируется в осмысленные действия уже сейчас.

Припоминание, как нечто непостоянное, несистемное активизируют память, как аналитическую, напряженную работу. Здесь важным оказывается то, что «память непременно связана со статусом наблюдателя, целиком не погруженного в определенный процесс, а воспринимающего его одновременно с двух позиций: прошлого и настоящего. «...» сравнивает прошлое и настоящее, т. е. реинтерпретирует оба эти состояния с позиций собственной противоположности (настоящее – с позиций прошлого, прошлое – с позиций настоящего)» [2, с. 466].

Именно это, как представляется, способен инициировать подобранный и уместно встроенный в общий процесс видеоматериал. Важно, что при таком подходе видеотекст перестает быть только развлечением: даже отрывок комедийного фильма, например, может быть воспринят вполне как драма, не говоря уже об изначально серьезных, напрягающих ум видеотекстах.

А.С. Панарин писал о том, с чем трудно не согласиться, что эмоционально переживаемый опыт прошлого, препятствует пассивному растворению в настоящем [2, с. 467].

Действительно, предлагаемая к ознакомлению и пониманию в образовательных организация философия – это, фактически, и есть опыт прошлого, воспринимаемый из настоящего для будущего.

Видеоматериалы, как было показано, воздействующие и задействующие памятование человека, способны слаживанию, т. е. оптимизации всего того, что известно и доступно современному.

Не случайно же еще Аристотель (384–322 гг. до н. э.) много веков назад отметил тот факт, что «чуть ли не все уже давным-давно придумано, но одно не сложено, другое, хотя и известно людям, не находит применения» [1, с. 256]: эффективность «зрелищного общения», как взаимодействия и взаимовлияния людей, при котором главное место занимают аудиовизуальные компоненты («совокупность видимого и слышимого»), организующие восприятие зрителей и вызывающие сильное эмоциональное переживание и чувство общности и причастности к целому, известна давно, однако, важно адекватно его реализовывать. В этом и будет состоять высший пилотаж субъекта педагогической деятельности.

Использованная литература

1. Мыслители Греции. От мифа к логике: сочинения. – Москва : Эксмо-пресс, 1998.
  2. Панарин, А. С. Православная цивилизация / А. С. Панарин. – Москва : Алгоритм, 2002.
-

2.5. Видеотекст как средство обеспечения информационной безопасности

Данная статья была опубликована в 2017-м году в журнале «Проблемы современного педагогического образования» (№ 56 (4), с. 256-266).

Стремительное течение времени и событий, которое, как данность сегодняшнего дня много, часто и намеренно подчеркивается всеми доступными средствами, и которое действительно ощущается многими и многими современниками, оборачивается тем, что в силу происходящих или уже свершившихся изменений, зарождающихся и уже обретших силу трендов, необходимо пересматриваются и изменяются те или иные установки. В частности, руководящие документы государственного уровня, которые призваны направлять и задавать тон дальнейшего развития страны, как адекватного ответа на возникшие и возникающие вызовы.

Очевидно, что это вполне закономерная и неизбежная данность, которая не вызывает сомнений и не является открытием мирового значения. Однако она требует к себе пристального внимания: для того чтобы оставаться адекватным и независимым, пребывать в тренде и, что важно, в состоянии защищённости современник должен проявлять усилия, направленные на своевременный сбор и анализ информации о текущей ситуации, что, к сожалению, сегодня происходит далеко не всегда.

Именно поэтому, в качестве примера, следует отметить и проанализировать тот факт, что 9 мая 2017 года, Президентом России был подписан Указ (№ 203) «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» (далее по тексту – Стратегия), которым была отменена (утратила силу) «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации», действовавшая с 7 февраля 2008 года.

Новая Стратегия примечательна тем, что она, «определяя цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направление на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов» [8], вводит в официальный оборот, причём, оборот и язык документов государственного уровня, такое понятие

как «клиповое мышление», которое, хотя и использовалось ранее, например, журналистами или преподавателями вузов, однако, не имело столь серьёзного подкрепления, а, значит, статуса.

С принятием документа указанный термин приобрёл официальный – научный, политический и экономический – ранг, так как, и это очевидно, подписание Президентом страны предполагает тщательную проработку проблематики на подготовительном этапе.

Наконец само по себе появление термина «клиповое мышление» есть ответная реакция на движение и вызовы времени, что, в том числе, просматривается через содержание Стратегии.

Так, в п. 16 раздела II («Россия в современном информационном обществе») термин «клиповое мышление» разъясняется и определяется следующим образом: «Темпы развития технологий, создания, обработки и распространения информации значительно превысили возможности большинства людей в освоении и применении знаний. Смещение акцентов в восприятии окружающего мира, особенно в сети Интернет, с научного, образовательного и культурного на развлекательно-справочный сформировала новую модель восприятия – так называемое клиповое мышление, характерной особенностью которого является массовое поверхностное восприятие информации. Такая форма освоения информации упрощает влияние на взгляды и предпочтения людей, способствует формированию навязанных моделей поведения, что дает преимущество в достижении экономических и политических целей тем государствам и организациям, которым принадлежат технологии распространения информации» [8].

О том, что это рассматривается именно как вызов современности, говорит и подтверждает п. 17 указанного раздела Стратегии: «Международно-правовые механизмы, позволяющие отстаивать суверенное право государств на регулирование информационного пространства, в т. ч. в национальном сегменте сети Интернет, не установлены. Большинство государств вынуждены «на ходу» адаптировать государственное регулирование сферы информации и информационных технологий к новым обстоятельствам» [8].

Важно отметить, что рассматриваемый государственный документ оперирует такими специфическими понятиями, как, например, «интернет вещей» (п. «б»), «информационное пространство» (п. «д»), «облачные вычисления» (п. «и») или «технологически независимые программное обеспечение и сервис» (п. «о»), которые в полной мере

носят профессиональный характер и значение, а при их помощи моделируется концепт документа, а посредством этого – подход к технологии его претворения в объективную реальность.

Анализируя текст Стратегии, становится очевидно, что она предназначена руководить собственно технической и технологической стороной современной жизни гражданина и социума, которые (стороны) должны внести свой вклад в общее благодеяние как таковое, вообще.

В реальной жизни технологичность и благо перестают быть абстрактными понятиями, т. к. в конечном итоге замыкаются не на «общечеловека», если говорить словами Ф.М. Достоевского («Любить общечеловека – значит наверно уж презирать, а подчас и ненавидеть стоящего подле себя настоящего человека» [2, с. 31]), а на конкретного пользователя – не абстректного, но живого гражданина, распоряжающегося информацией, т.е. потребляющего и генерирующего её: «пользователями российского сегмента сети Интернет в 2016 году стали более 80 миллионов человек» [8].

Конкретизация и ориентированность на человека чётко просматриваются и определяются Стратегией. Она устанавливает необходимость обеспечения, национальных интересов, а именно:

- а) развитие человеческого потенциала;
- б) обеспечение безопасности гражданина и государства;
- в) повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве» [8].

Вполне очевидно, что переход из общеплоскости к конкретному человеку происходит не сам по себе. Одним из способов проведения идей «с небес на землю» оказывается, например, осмысление некоторых положений государственного стратегического документа в рамках научной публикации.

Такой анализ важен, по меньшей мере, в силу двух важных причин.

Первая причина – это необходимость перевода малоизвестного документа, каковым оказывается Стратегия, предназначенного, преимущественно, для ответственных должностных лиц, из официальной, узкой плоскости, в сферу, доступную, а главное, понятную многим.

В данном случае подразумевается распространение сути документа – акцентирование внимания на нём – среди тех, кому он может точно пригодиться – среди представителей научного сообщества, например.

Вторая причина, как представляется, носит профессионально-прикладной характер. Речь идёт о том, что акцентирование Стратегии внимания на человеке, несмотря на её именно технико-технологическую сущность, позволяет и обязывает по-другому, однако, в её свете, подойти к гуманитарной сфере, а именно мировоззренческим дисциплинам, которые, собственно, и ответственны, естественно, через их субъектов, за реализацию стратегических национальных приоритетов России.

Вполне понятно, что образование всегда имело огромное значение. В этом смысле сказанное также не является новшеством.

Однако, акцентируя внимание на человеке, Стратегия, апеллирует и обозначает задачу тем, кто, в силу официальной должности и статуса, способен-призван моделировать и реально претворять в жизнь задаваемые ею концепты и императивы – субъектам образовательной и воспитательной деятельности, работающим в ощущении, пребывающим-осознающим-чувствующим ответственность перед будущим.

Ориентируясь на отдельного во множестве современника, который по вполне объективным причинам не является, не может и не должен быть непосредственно причастным к концептуальному деланию, Стратегия подчеркивает его зависимость от стратегических воззрений, формализованных в официально принятый документ.

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость личной просвещённости и осведомлённости о сути и содержании руководящего текста, что, в свою очередь, возможно только в случае доведения до современника его базовых задач и императивов, в частности, через систему образования и воспитания.

Последнее выводит в плоскость актуальной политики и практики профессиональную образовательную деятельность, ориентированную на граждан страны различных возрастов и статусов.

Приходится повториться, что так бывало и в прежние времена, однако, концептуальный и философский взгляд на систему образования – её теорию и практику – через призму подписанного Президентом России стратегического документа, вносит в рассмотрение обозначенного явления и системы принципиально новый, при этом чётко обозначенный ориентир.

Приведённые положения Стратегии позволяют сделать следующий вывод. Сегодня при реализации поставленных ею стратегиче-

ских задач государственного строительства сфера образования призвана сыграть важную роль, которая в её свете приобрела определённую специфику. Она, как представляется, состоит в следующем.

Очевидным выводом является то, что сегодня образование вместе со временем перешло на новый уровень понимания и реализации.

В настоящее время его развитие осуществляется в условиях нового – информационного – типа общества, под которым понимается «общество, в котором информация и уровень её применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан» [8].

Более того, Стратегия вводит в оборот такое понятие как «общество знаний – «общество, в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономии и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учётом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [8].

Раскрывая видение привязки концептов к конкретному человеку, в п. 26 Стратегии прямо дается установка на то, что необходимо делать для формирования общества знаний:

«а) проводить мероприятия в области духовно-нравственного воспитания граждан;

б) реализовывать просветительские проекты, направленные на обеспечение доступа к знаниям, достижениям современной науки и культуры;

в) проводить мероприятия по сохранению культуры и общероссийской идентичности народов Российской Федерации;

г) сформировать безопасную информационную среду на основе популяризации информационных ресурсов, способствующих распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

и) использовать и развивать различные образовательные технологии, в т. ч. дистанционные, электронное обучение, при реализации образовательных программ» [8].

Приведенные выше шаги-задачи могут и должны быть в полной мере реализованы системой образования, взявшей ориентир на содействие формированию информационного общества.

Таким образом, вызовом, передаваемым образованию Стратегией, является осмысление и выработка действенных мер, попытка взглянуть на которые будет предпринята далее в рамках настоящей статьи,

реализуемых на стыке двух проблем: построения общества знаний, как цели и «клипового мышления», как объективной сопутствующей реальности сегодняшнего дня.

Анализируя опыт работы с молодыми современниками, пребывающими в состоянии, процессе духовно-нравственного и мировоззренческого становления, накопленный в период прохождения службы в рядах Российской Армии (в/ч 10953, г. Санкт-Петербург), а также за время работы преподавателем системы среднего профессионального образования (Бизнес-колледж/Центр СПО Новосибирского Государственного Университета Экономики и Управления), можно утверждать, что эффективным средством формирующего воздействия является видеоматериал.

В данном случае имеются в виду художественные и документальные фильмы, телепрограммы, мультифильмы, ролики, демонстрируемые аудитории в рамках занятий в целом и усечённом (нарезка смысловых фрагментов) виде.

Само по себе данное практическое наблюдение и приём не является новостью. Новым может стать осмысление известного явления в неизвестных, а более того – вызывающих (от понятия «вызов») – реалиях: воплощения иначе-возможного, не-бывшего прежде, реализующегося и рассматривающегося в контексте концепта и практики нового явления, обозначенного термином «клиповое мышление».

В качестве отправной точки следует принять следующую позицию, характерную для такой сферы знания как герменевтика, а именно её предмет, каковым является текст, понимаемый в самом широком смысле.

По мнению специалистов, им может быть и «любая упорядоченная знаковая система, в которой знаками являются не только языковые знаки, но и другие образы и символы» [3, с. 17], и письменный/устный источник, и речь, и вообще всякие материальные или духовные знаковые системы.

Наконец, «если понимать текст широко – как всякий связанный знаковый комплекс, то и искусствоведение (музыковедение, теория и история изобразительных искусств) имеет дело с текстами (произведениями искусства)» [10, с. 337].

Последнее имеет большое значение для настоящего исследования ввиду того, что в свете мысли М.М. Бахтина, вполне оправдано предположить таковым и обозначенный видеоматериал. Его можно

назвать специфическим текстом – видеотекстом, подлежащим анализу, пониманию и толкованию, а затем уже и использованию в тех или иных целях, например, образовательно-воспитательных в рамках проводимых занятий в колледже или вузе по той или иной гуманитарной дисциплине (скажем, «Основы философии» в системе среднего профессионального образования).

Очевидно, что сначала это необходимо сделать субъекту педагогической деятельности, т. к. в результате понимания, т. е. «выявления и реконструкции смысла, а также смыслообразования» [3, с. 268]) видеотекст становится для него дидактическим материалом.

Не менее очевидно, что после этого, то же самое необходимо и придётся сделать и объекту педагогических усилий – обучаемому. Для него, в свою очередь, дидактический материал должен стать основой для формулировки собственных выводов и взглядов. Это будет свидетельством и проявлением успешности нравственного становления – формирования его духовности, под которой можно понимать высший «уровень развития и саморегуляции зрелой личности, когда основными ориентирами её жизнедеятельности становятся непреходящие человеческие ценности» [3, с. 264].

Практическая реализация национальных интересов, о которых заявлено в Стратегии, и которые были указаны выше, не должна отрываться от реальности, что весьма вероятно и достаточно часто происходит в так называемых «тепличных условиях», которыми, при всём уважении и ответственном отношении, нужно считать учебные занятия в школе, колледже, университете или тренинговой группе.

Безусловно, понимая, что любые занятия являются частью реальной жизни, самой жизнью в одном из её аспектов, необходимо принимать во внимание важную данность: различие цены возможной ошибки там и вовне.

Очевидно, что в учебной ситуации, пусть даже максимально приближенной к условиям боевых действий, всегда имеется, по меньшей мере, второй шанс, а последствия и тяжесть совершения промаха нивелируются и наличием фигуры субъекта (педагог/преподаватель), и заданностью (смоделированностью) ситуации. Собственно, для этого и существует образовательно-воспитательный процесс, деятельность, система.

В контексте подобной логики очевидным становится следующее: от степени глубины и максимизации приближения учебной ситуации к тому, что имеет место быть в пространстве внешней актуальной

жизни, будет зависеть степень готовности, а самое главное, – адекватность собственного творчества, делания человека вовне, которые предстанут результатом усвоения интенций и влияния проповеднического усилия педагога/преподавателя. Это и будет реальным выражением человека, о котором говорил М.М. Бахтин, подчёркивая, что «человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный)» [10, с. 337].

Здесь становится очевидной и понятной истинная роль и предназначение видеотекста в деле написания человеком текста собственной жизни: он как раз позволяет приблизить учебную ситуацию максимально близко к реальности, приобрести личный опыт без личного опыта.

В этом смысле обучаемому, а шире – вся кому берущемуся за просмотр видеотекста – предоставляется возможность пережить ситуацию, её смысл и содержание в готовом виде и со стороны: не требуется моделировать или попадать в ту или иную коллизию, т.к. сценаристом, режиссёром и актёрами фильма или ролика ситуация сотворена-сыграна; не требуется тратить время реальной жизни на узнавание того, «как бы оно было бы, если бы», на иначе-возможное, предположить которое в принципе невозможно, после чего снова возвращаться в свою реальную жизнь (фильм, ролик обязательно заканчивается), однако, с констатацией факта безвозвратного выбывания из неё частицы бесценного ресурса, которая была потрачена на симулякр.

Для понимания данного понятия следует задуматься, например, над определениями, данными некоторыми специалистами из разных сфер:

это «знаки, предельно обособленные от реалий и живущие отдельной, самостоятельной жизнью» [3, с. 127];

это «тонкие имитации реальности, конечное назначение которых – создать виртуальный мир, полностью подменяющий реальность и блокирующий всякие вторжения свидетельств этой реальности в наше сознание» [5, с. 42].

Предложив взгляды на понятие «симулякр», важно сразу же вспомнить термин, который ввела в официальный оборот «Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы», а именно «клиповое мышление»: «Смещение акцентов в восприятии окружающего мира, особенно в сети Интернет, с научного, образовательного и культурного на развлекательно-справочный сформировала новою модель восприятия – так называемое клиповое мышле-

ние, характерной особенностью которого является массовое поверхностное восприятие информации. Такая форма освоения информации упрощает влияние на взгляды и предпочтения людей, способствует формированию навязанных моделей поведения, что даёт преимущество в достижении экономических и политических целей тем государствам и организациям, которым принадлежат технологии распространения информации» [8].

Из общего контекста сказанного выше можно сделать следующие важные выводы.

Первое. Использование видеотекста в образовательных и воспитательных целях, что приоритетно для настоящего исследования, равно как шире – всякое обращение к нему современника с целью духовного возрождения, постановки перед собой категорических, сложных и даже предельных вопросов бытия, действительно может оказаться эффективным, а симулякр – единственным средством, если видеотекст будет текстом в видении и отношении к нему М.М. Бахтина, а именно «как субъективное отражение объективного мира, текст – выражение сознания, что-то отражающего. Когда текст становится объектом нашего познания, мы можем говорить об отражении отражения. Понимание текста есть правильное отражение отражения. Через чужое отражение к отраженному объекту» [10, с. 338].

Художественные фильмы, программы или их определённая нарезка будут способствовать достижению заданной генеральной цели, обозначенной выше, если они станут использоваться именно как средство организации т. н. «зрелищного общения», под которым А.В. Толстых понимал «процесс взаимодействия и взаимовлияния людей, возникающий в результате определенного публичного действия, в котором особое – чаще всего главное – место занимают аудиовизуальные компоненты («совокупность видимого и слышимого»), организующие восприятие зрителей определенным образом, вызывающие сильное эмоциональное переживание, обостренное чувство коллективности, общности, причастности к целому» [9, с. 26].

Второе. Все сказанное выше будет нивелировано в том случае, когда обострение чувства коллективности, общности и причастности будут подменяться смещением акцентов в пользу развлекательно-поверхностно-упрощённого восприятия информации – текста, что, к сожалению, наблюдается в настоящее время.

Сегодня клиповое мышление – это не просто термин. Это именно вызов, ответить на который простой констатацией, которая в таком случае сродни осуждению современника, явно недостаточно.

Объективный рост количества информации, а главное совершенствование технических средств обращения к ней и с ней, порождающих настоящую зависимость – физически несложное прокручивание пальцем на экране картинок-текстов, новостных лент-текстов, воящих смс-текстов и так далее волей-неволей уводит, а точнее – улавливает (неслучайна ассоциация с сетью – рыболовецкой снастью) и увлекает (неслучайна ассоциация с глаголом «увлечь» – «увести, унести с собой, захватив, подхватив» [4, с. 620] человека в симулякр в негативно-деструктивном понимании данного понятия, чему активно и эффективно способствует клиповое мышление как технология в деятельности, направленной на ослабление и разрушение информационной безопасности Российской Федерации (её граждан), под которой официально понимается «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства» [1].

Таким образом, система государственного образования, образовательная деятельность могут и должны рассматриваться в качестве активных сторон соответствующей деятельности, а точнее – контр деятельности.

Рассматривая в широком смысле всякое видео как текст, важно исходить из того, что сегодня обращению и пользованию тем или иным текстом современника необходимо учить, несмотря на его обученность скроллингу экранов, веб-серфингу и проставлению лайков / дизлайков новостям и комментариям в Интернете.

Понять суть введенного в оборот настоящей статьи термина «учить смотреть», можно оттолкнувшись от идеи, высказанной Б.Н. Соваковым [7], которую можно свести к тому, что в реальной жизни человека все имеет смысл, даже отсутствие смысла. Он высказал идею о том, что смысл есть некая сущность, которая либо положительно, либо отрицательно влияет на развитии и становлении человека. С этими взглядами можно согласиться, взять на вооружение.

Исходя из того, что видеоматериал есть информация, текст можно сделать выводы относительно того, что значит, как понимается предложенная автором настоящей статьи фраза «научить смотреть» его.

Во-первых, это есть формирование в зрителе свойства исходить из того, что в любом материале, с которым ему приходится сталкиваться в жизни, априорно заложен смысл, исходя из чего, самостоятельно акцентировать собственное внимание на дифференциации и верификации контента.

Во-вторых, что более важно, это есть формирование способности постоянно побуждать себя к пониманию того, с чем пришлось столкнуться.

Следует отметить, что речь идёт не об обыденном «понимании», под которым подразумевается «усвоение смысла чего-либо: слова, предложения, поступка, поведения, цели, мотивации. При таком подходе постигаемый смысл остается заданным и неизменным. Однако в герменевтике усвоение не сводится к овладению готовым заданным смыслом, напротив, понимание приводит к раскрытию новых аспектов смысла, его глубинного уровня. Понимание зависит не только от того смысла, который придал предмету понимания его автор. Интерпретатор не просто открывает готовый смысл, но привносит нечто от себя, т.к. подходит к предмету с определенных позиций личного опыта, своих идеалов и убеждений» [3, с. 45].

Представляется, что подобного рода научение работе со смыслами, достижимо только тогда, когда образовательно-воспитательный процесс по своей сути есть проповедь: не просто выдача материала (в профессиональной среде преподавателей – «начитка»), пусть даже структурированная и аргументированная, что, на самом деле, должно и просто не обсуждается, но именно воззвание и обращение к нему как к субъекту-обучаемому исторической эпохи, современному с которым субъекту-обучающему выпало созидать и преобразовывать актуальное бытие. Иными словами, если обращение есть проповедь.

Необходимо подчеркнуть, что учебный процесс как проповедь духовности – это не елейность с обучаемыми и не инфантилизм в трансляции реципиенту информации, мэсседжей и императивов.

Это всегда взвешенная взросло-мудрая *positio*, имеющая актуальную научную и юридическую основу, не отрицающую, но признающую и апеллирующую к предельным метафизическими константами.

В первом случае – научной ориентированности и закрепленности – научение пониманию (в указанном выше смысле) реализуется и представляет собой субъект-субъектную стратегию психологического воздействия на личность, ориентированную получение долгосрочного эффекта, состоящего в том, что личность обучаемого/воспитываемого изменяется постепенно и ненасильственно в процессе диалогового общения, которое и формирует личностные качества в контексте и соответствии с заданными нормами и ориентирами.

Во втором случае – метафизической инспирированности – научение пониманию (в указанном выше смысле), по мысли Святого Иоанна Кронштадтского, достигается и основывается на «взаимном чувстве или понимании наших душ друг друга» [6, с. 157], которое обусловливает «действие или бездействие проповеднических слов: если проповедник говорит не от сердца, лицемерно, слушатели внутренним чутьем понимают несоответствие слов проповедника с его сердцем, с его жизнью, и слово не имеет той силы, которую оно могло бы принести в том случае, когда проповедник произнес бы его сердечно, особенно когда сам исполнял бы слово свое на деле. Между душами человеческими находится слишком тесная внутренняя связь и сообщение. Потому-то добрые, благочестивые, сердечные расположения сообщительны душам других, особенно же добрые дела» [6, с. 157].

Изложенные аргументы необходимы потому, что только в таком содержательном контексте, видеоматериал/видеотекст предстает не фоном занятия или заполнением эфира занятия, но связующим звеном между двумя личностями, переводящим их на субъект-субъектный уровень взаимодействия, что дезактивирует и ослабляет эффект клиповового мышления как технологии борьбы за сознание, душу и сердце современника.

Наконец, под выражением «учить смотреть» понимается не механический процесс формирования определенных навыков, но ситуацию, когда сам материал самим своим фактом появления на смысловом горизонте находит зрителя. О том, что имеется в виду, лаконично и интересно высказался А.В. Толстых в своей работе «Психология юного зрителя».

Размышляя о предназначении, в частности, детского и подросткового кино он писал, что оно должно быть «учителем юного зрителя как зрителя, готовить его к восприятию произведения искус-

ства как такового независимо от жанра, стилистики, изобразительных средств, а значит, учить понимать и жанр, и стилистику, и изобразительные средства, и многое-многое другое. И учить воображать! Представлять себе, именно **представлять** (выделение и написание автора), т. е. ставить перед собой (с помощью художника, конечно) некий объект (человеческий характер, отношения людей) и рассматривать через призму художественного постижения. Учить умению смотреть фильм как художественное целое, умению, сохраняя эту целостность как данное, «домысливать», «довоображать» до целостной картины мира» [9, с. 37].

Использованная литература

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ №646 от 5 декабря 2016 г. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information>
  2. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург : Лениздат, 1999.
  3. Закирова, А. Ф. Основы педагогической герменевтики: авторский курс лекций: учебное пособие / А. Ф. Закирова. – Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2011.
  4. Малый толковый словарь русского языка. – Москва : Русский язык, 1990.
  5. Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – Москва : Алгоритм, 2002
  6. Святой Праведный Иоанн Кронштадтский Моя жизнь во Христе. – Москва : Центр Благо, 1999.
  7. Соваков, Б. Н. Философия понимания слов и текста / Б. Н. Соваков. – Калуга : Полиграф-Информ, 2010.
  8. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: утверждена Указом Президента РФ №203 от 9 мая 2017 года). – URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705100002.pdf>
  9. Толстых, А. В. Психология юного зрителя / А. В. Толстых. – Москва : Знание, 1986.
  10. Хрестоматия по философии: учебное пособие. – Москва : Проспект, 1997.
-

2.6. Формальная сторона образования как мягкая сила в обеспечении духовной безопасности обучающихся современников (теоретический взгляд)

Данная статья была опубликована в 2020-м году в журнале «Балтийский гуманитарный журнал» (№ 4 (33), с. 194-198).

Введение

В системе образования, будь то средний или высший уровень, перед всяkim преподавателем актуально стоит задача, одновременно являющаяся и проблемой, обеспечения эффективности проведения образовательно-воспитательной работы. В настоящее время весьма остро заявлен вопрос о генерировании и поддержании в постоянной боевой готовности состояния духовной защищённости личности. Это решительно важно именно сегодня в виду серьёзного обострения информационной войны – противостояния и противоборства с Россией на идеино-смысловом и политико-экономическом фронтах. В этой связи продолжают быть актуальными слова интервью пресс-секретаря Президента РФ Д. Пескова каналу «Россия 24» от 20.12.2018 г. Тогда он привёл пример и отметил следующее: «Возьмите США, там идёт война между президентом и средствами массовой информации. Возьмите страны, о которых мы говорили (Франция – ИФ), там президент воюет с RT. [...] Когда СМИ распространяют ложь и причём это не ложь случайная, это злонамеренная ложь. Особенно часто это встречается в отношении нашей страны. Когда СМИ используются для попыток демонизации нашей страны. Это разве не война? Это война» [1]. Игнорировать данное обстоятельство, а тем более относиться к нему с позиции легкомысленного дилетанта не просто опасно, но преступно. Что касается образовательной системы любого государства, в т. ч. и России, то следует исходить из того, что она и как таковая (в целом), и в лице её отдельных субъектов (учителя и преподаватели) всегда является важным действующим лицом в данной партии, что обязывает всех иметь серьёзное, ответственное отношение к пониманию происходящего и выполнению своих функций на местах.

Справедливость сказанного подтверждается свежими фактами. Так, 18.06.2020 г. в далеко не обычательском журнале «Foreign Affairs» (США) была опубликована статья с жёстким, даже императивным по духу названием «Прижать Путина к стенке» (Pinning Down

Putin. How a Confident America Should Deal With Russia). Примечательна она тем, что её автором является далеко нерядовая гражданка США – В. Нуланд, с 1984 г. по 2017 г., работавшая в Госдепартаменте США, а в 2013–2017 гг. занимавшая должность помощника госсекретаря по европейским и евразийским делам.

В данной, фактически программной публикации, среди многое прочего, было заявлено следующее: «Задача для США на 2021 год будет состоять в том, чтобы возглавить демократии во всём мире и совместно разработать более эффективный подход к России. В его основу нужно положить преимущества демократий, а при его реализации следует давить на те болевые точки Путина, где он наиболее уязвим. Среди прочего, это его собственные граждане. «...» Американское руководство должно заново научиться общению с народом России. Рейган и президент Билл Клинтон обращались к нему напрямую с речами и интервью, предлагая дружбу, общую безопасность и процветание в случае преодоления разногласий между двумя странами. Сегодняшние лидеры забыли, как это делать. Более того, они согласились с Путиным, который считает, что любая попытка сближения с простыми россиянами является вмешательством во внутренние дела страны, хотя сама Москва проводит масштабные кампании влияния в США и Европе. В советскую эпоху США преодолевали кремлевскую цензуру, распространяя свои послания через радиостанции «Голос Америки» и «Радио Свободная Европа», через журнал «Америка» и через регулярные контакты с диссидентами. Несмотря на все усилия Путина, сегодняшняя Россия более доступна, чем Советский Союз. Молодые россияне гораздо чаще получают информацию и знакомятся с новостями через интернет, чем через государственное телевидение и печатные СМИ. Вашингтон должен стараться контактировать с ним там, где они находятся: это социальные сети «Одноклассники» и «ВКонтакте», Фейсбук*, Телеграм и Ютуб, а также многочисленные новые цифровые платформы на русском языке. Не следует возлагать надежды на то, что эти группы уже в ближайшее время восстанут и потребуют перемен; но Соединенные Штаты не должны допускать, чтобы только Путин формировал представления молодых россиян о демократической политике и ценностях» [2] (Facebook, продукт компании Meta, которая признана экстремистской организацией в России).

Таким образом, однозначно обозначена точка приложения силы, целевая аудитория, на которую стратегическим противником, а это действительно объективная, имперсональная, лишенная эмоций данность, сделана ставка на ближайшее будущее, а именно – молодые, пребывающие в фазе становления системы мировоззренческих координат и ценностей современники, в число которых попадают, прежде всего, старшие школьники и студенты первого-второго курса колледжей и вузов.

В свете сказанного задачей настоящей статьи является представление опыта преподавательской работы со студентами-современниками, в разные годы (период: 2014–2020 гг.) обучавшихся в вузах г. Новосибирска, а именно: Новосибирском государственном университете экономики и управления (НГУЭУ) Новосибирском Государственном Медицинском Университете (НГМУ), Новосибирском Высшем Военном Командном Училище (НВВКУ), а именно осмысление одного из путей и средств повышения эффективности проведения образовательно-воспитательной работы, направленной на обеспечение духовной безопасности личности обучающегося.

Методология

Известно, что всякий труд, будь то коммерческая деятельность или государственный сектор, регламентируется руководящими документами, например, законами или стандартами. Образование не является исключением: указанной логике подчиняется выстраивание и учебного процесса, и собственно преподавание конкретных дисциплин в колледжах или вузах. Таковым документом здесь выступает Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС): он заывает требования к овладению обучающимися содержанием той или иной дисциплины, которое через преподавателя и за отводимое время должно сделаться достоянием обучающихся, т. е. «предметом обладания, собственностью» [3, с. 123].

Так в повестке дня оказывается формальная сторона учебного процесса, в связи с чем и в научном, и практическом смыслах перед субъектом образовательно-воспитательной деятельности возникает вопрос: «Как относиться к данному обстоятельству?».

Природа, а также специфика конвертации в практическую плоскость возможного ответа на обозначенный вопрос носит мировоззренческий характер, что делает обозначенную проблему в целом не просто актуальной, но ещё и инструментом т. н. «soft power», под которой

принято понимать «форму политической власти, способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от «жёсткой силы», которая подразумевает принуждение» [4]. Это означает то, что ею необходимо уметь грамотно и эффективно распоряжаться-пользоваться. В данном случае речь идёт о преподавателях колледжей и вузов, находящихся, равно как и их студенты, во власти руководящих документов.

Попадание в поле зрения обучающего и обучающегося формально-документальной стороны дела неизбежно. Однако в достижении образовательных задач, а особенно задач т. н. концептуального порядка, только её императивной составляющей оказывается недостаточно: в определённой мере и степени каждый соглашается с декларируемыми условиями организации и реализации данного аспекта собственного бытия, но точно также каждый ощущает необходимость присутствия чего-то большего, чего-то, что должно раскрыться и/или быть раскрыто работнику, служащему, студенту: «человек выходит за пределы себя к смыслам, которые представляют собой нечто иное, чем он сам, а не только выражение его «Я» или его проекцию. Смыслы открываются, а не изобретаются» [5, с. 76].

Эта идея проливает свет на то, *что* следует сделать, чтобы ответить на поставленный выше вопрос. Для этого следует концептуализировать проблему формальной стороны образования, что означает так представить и раскрыть суть и видение причинно-следственных связей, чтобы обучающийся, а прежде сам субъект образовательно-воспитательной деятельности, перестал видеть в образовании, а точнее в его формально-регламентирующем аспекте, ограничивающее его волю и свободу, а потому неприятное, обстоятельство. Для этого, как показал практический опыт, преподавателю следует занять просветительскую позицию дешифровщика и толкователя глубинных смыслов базисных категорий.

В данном конкретном случае, как пример, следует встроить в контекст занятия, на котором впервые затрагивается указанная проблематика (обычно это происходит в самом начале курса предмета, на первом-втором занятиях), следующие содержательные взгляды авторитетных мыслителей не столь далёкого, что важно, прошлого, которые позволяют увидеть именно мировоззренческий ранг рассматриваемых категорий, своим содержанием решительно влияющих на практическую повседневную жизнь обыкновенного человека.

Первый аргумент – слова австрийского психиатра В. Франкла: «Разумеется, человек свободен в своём ответе на вопросы, которые задаёт ему жизнь. Но свобода – не своеволие. Свободу надо понимать в терминах ответственности. Человек несёт ответственность за то, чтобы дать на вопрос правильный ответ, чтобы найти истинный смысл ситуации» [5, с. 78–79].

Второй довод – мысли русского философа И.А. Ильина: «Внутренняя свобода отнюдь не есть отрицание закона и авторитета, т.е. беззаконие и самомнение. Нет, внутренняя свобода есть способность духа самостоятельно увидеть верный закон, самостоятельно признать его авторитетную силу и самодеятельно осуществить его в жизни. Свобода не есть произвол, ибо произвол есть всегда потакание прихотям души и похотям тела. У свободного человека не произвол ведет душу, а свобода царит над произволом, ибо такой человек свободен и от произвола, он преобразил его в духовное, предметно обоснованное произволение. Вот что значит свобода, внутренняя свобода» [5, с. 131].

Представляется, что, прибегая к методу увещевания студентов, усилия преподавателя приведут к раскрытию глубинных значений привычных понятий, ибо они суть то, «что находят, а не то, что дают» [5, с. 78–79]. Следовательно, в таком случае и при таком подходе принципиально иначе предстанет и формальная сторона в образовании.

Продолжая основное размышление, важно отметить, что подлинно концептуальный уровень проблемы, обеспечивается выходом мысли преподавателя на проблематику духовной защищённости личности, которая может быть эффективно обеспечена и гарантирована, в частности, той самой формальной стороной всякой деятельности, однако, в случае *не* формального, т. е. *не* посредственного, претворения в реальность норм и регламентов. Ясно, что, в идеале, через образование, как явление и вид деятельности, такое мировоззрение должно распространиться и на все прочие аспекты жизни человека и занимаемые им статусы в ней. Реальностью это оказывается в случае, если на этапе формирования системы координат, с обучающимся, набирающим мудрость молодым человеком (студентом колледжа или вуза), будет проведена качественная смыслоткрывающая работа, итогом которой станет спокойное

(без надрыва и отвращения), и понимающее (ценностное) отношение к формальной стороне жизни вообще и получаемого им образования в частности.

Концептуальным результатом следует считать, если воспользоваться идеями В. Франкла, нивелирование (а в идеале – изживание самой возможности) вероятности соскальзывания студента (да и всякого человека вообще) в т. н. «экзистенциальный вакуум», характерными чертами которого являются внутренняя пустота, апатия и скука [5, с. 101–103]. Рассматриваемые как проблемы и вызовы они в полной мере принадлежат сфере и задаче обеспечения духовной безопасности личности и общества, причём, и это решительно важно подчеркнуть, такому её аспекту, который непосредственно коррелирует с педагогической наукой и во многом решается её средствами.

Поясняя суть сформулированной проблемы В. Франкл писал: «Главные проявления экзистенциальной фрустрации – апатия и скука – стали серьёзным вызовом не только для психиатров, но и для педагогов. В эпоху экзистенциального вакуума, как мы уже сказали, образование не может сосредотачиваться на самом себе и доводствоваться передачей традиций и знаний. Нет, оно обязано совершенствовать способность человека находить уникальные смыслы, которые не рушатся с падением универсальных ценностей. Человеческая способность находить смыслы, скрытые в уникальных ситуациях, именуется «совесть». Итак, образование должно снабдить человека средствами находить смыслы, а сейчас образование зачастую лишь усиливает экзистенциальный вакуум. Это ощущение пустоты и бессмыслицы у студентов усугубляется из-за того способа, каким преподносятся молодежи научные открытия, т. е. из-за редукционизма. Студенты подвергаются индоктринации на основе механистической теории человека в сочетании с релятивистской философией жизни. Редукционистский подход склонен объективировать человека, т. е. обращаться с человеческим существом как с объектом, вещью» [5, с. 103–104].

Задача преподавателей, а особенно преподавателей гуманитарных дисциплин, заключается в доведении и разъяснении своим студентам этой, при поверхностном, концептуально незаряженном взгляде, незаметной данности. В противном случае закономерным следствием становится распространение и укрепление в сознании молодых современников коварной позиции, сформулированной политологом

А.С. Панариным: «В сфере специализированного образования и повышения квалификации мы непрерывно слышим жалобы со стороны обучаемых, сетующих на то, что им дают «слишком много теории», слишком много непрофильных знаний, которые вряд ли им пригодятся на конкретном рабочем месте» [6, с. 30].

Видя в формальной – обязывающей – стороне образования только букву, в сознании всякого человека зарождается недовольство и раздражительность. Речь идёт о таком настроении людей и таком их отношении, которые взросли в умах, душах и сердцах россиян в результате событий и процессов активного реформирования страны, когда под вывеской термина «реформа» осуществлялись страшные эксперименты абсолютно во всех аспектах человеческого и социального бытия, инициированных в конце 80-х годов XX в., достигших своего апогея, по выражению супруги первого Президента РФ Н. Ельциной, в «святые 90-е» (06.06.2017 г., портал Regnum.ru: «Не «лихие», а «святые»: Наина Ельцина призвала переоценить 90-е годы»: «...«90-е годы надо называть не лихими, а святыми, и поклониться тем людям, которые жили в то сложное время, которые создавали и строили новую страну в тяжёлых условиях, не потеряв в ней веру» [7]. Примечательно, однако, то, что сам Б. Ельцин, покидая пост в самом конце 1999 г., просил прощение именно за резкие скачки реформирования: «Я хочу попросить у вас прощения. За то, что многие наши с вами мечты не сбылись. И то, что нам казалось просто, – оказалось мучительно тяжело. Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из сего, застойного тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее. Я сам в это верил: казалось, одним рывком – и все одолеем. Одним рывком не получилось. В чём-то я оказался слишком наивным» [8]). В результате само по себе слово, т. е. лексическая единица языка, стало вызывать острейшее неприятие, отвращение и злобу в виду персонального ощущения и осознания людьми последствий, проявившихся уже после инициации процессов, а также, что важно, продолжающих напоминать о себе и в настоящее время – 20-е годы уже XIX века. Следует также отметить, что ситуация примерно подобного порядка в силу подобных же причин наблюдается в современной России в связи и при упоминании понятия «либерализм», а также производными от него однокоренными словами.

Очевидно, что студент здесь не есть исключение, но наоборот, весьма плодородная почва: недовольство, раздражительность и нигилизм самопроизвольно и легко (объективно в силу возраста) укореняются сознании молодёжи, но, зачастую, они искусно насаждаются (а после – методично культивируются) на ещё не засеянную смыслами мировоззренческую ниву определёнными акторами.

И если первое становится реальностью само по себе, но чаще все-таки вследствие недогляда или просто низкой степени компетентности, а, порой, и безответственности субъектов образовательно-воспитательной деятельности к своей функции (от родителей до преподавателей колледжей и вузов), то второе, наоборот, намеренно эксплуатирует ситуацию, имея определённое целеполагание. Упомянутая выше программная статья В. Нуланд, ясно и чётко обозначившей направления нанесения ударов по болевым точкам граждан России, российского общества, а шире – цивилизации.

В этой связи чрезвычайно важна мысль, сформулированная Президентом России В.В. Путиным в интервью телеканалу «Россия-1» в сентябре 2019 года, а именно: «Россия – это не просто страна, это действительно отдельная цивилизация: это многонациональная страна с большим количеством традиций, культур, вероисповеданий» [9]. Под цивилизацией же, согласно воззрениям ещё одного видного американского деятеля идеологического и политического фронта С. Хантингтона ((1927–2008) Американский социолог и политолог, автор концепции этнокультурного разделения цивилизаций, обнародованной им в статье «Столкновение цивилизаций?» (*The Clash of Civilizations?*), опубликованной в 1993 году в журнале *«Foreign Affairs»*, а затем в 1996 году в книге «Столкновение цивилизаций». Основатель и главный редактор журнала *«Foreign Policy»*. В 1973 году работал заместителем директора Центра международных отношений; в 1977–1978 гг. – координатором отдела планирования в Совете национальной безопасности США. 1978–1989 гг. – директором Центра международных отношений. Показателем высокого авторитета Хантингтона среди американских политологов является избрание его в 1984–1985 гг. вице-президентом, а в 1986–1987 гг. – президентом Американской Ассоциации политических наук [10]) понимается «наивысшая культурная общность людей и самый широкий уровень культурной идентичности, отличающей человека от других биологи-

ческих видов. Она определяется как общими объективными элементами, такими как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей» [11, с. 48–49].

Здесь и возникает повод активизации мер по обеспечению духовной безопасности личности, общества, цивилизации, одним из направлений которой, как представляется, предстаёт трансформация отношения к формальной стороне образования.

Без этого, неизбежно возникающие у всех недовольство и раздражительность формальностью – в данном случае формальностью образования (обязательность подчинения программе и её содержанию, например) оборачиваются укоренением воззрения (мировоззрения) о том, что оно забито т.н. «лишними знаниями», о чём остро высказывался А.С. Панарин. При этом и в силу этого из поля зрения обучающегося выпадает концептуальная идея о том, что они – непрофильные предметы и теория вообще – являются «источником социально-экономической и промышленной динамики современных обществ. Благодаря этому излишку возникает «зазор» между личностью и производственной ситуацией, между культурой и промышленностью, между теорией и практикой. Этот зазор становится источником перманентного творческого беспокойства, резервом иначе-возможного. «...» Неизрасходованные на рабочем месте знания становятся источником научно-технических революций и общей социокультурной динамики модерна, ни в чём не находящего окончательного успокоения» [6, с. 30].

В случае нерешенности вопроса об изменении отношения к обязывающей стороне организации образования (программа и сам процесс) все непрофильные предметы начинают восприниматься и осваиваться студентами лишь только в силу необходимости – обязанности и принуждения. Однако в таком случае утраченным оказывается их собственно концептуальный смысл, о котором говорил А.С. Панарин. В результате этого молодые современники не только не приобретают, но и постепенно утрачивают сгенерированную на более ранней стадии, пусть и мизерную, субъектность, незаметно попадая в орбиту влияния манипуляций и откровенных перверсий, т. е. оказываются зависимыми, подчинёнными, а в конечном итоге – проигравшими в той или иной идеально-смысловой кампании, как фазе и этапе ведущегося большого проекта – информационной войны с Россией цивилизационного характера и масштаба.

Понимание этого концепта субъектами образовательно-воспитательной деятельности как раз и делает формальную сторону в образовании той самой «soft power», амбивалентной по своей сути: она может быть направлена как во благо, так и во вред тем, на кого эта сила нацелена. Всё оказывается в зависимости от мировоззрения конкретного актора и корпорации в целом, что доказывает концептуальную стратегическую природу и предназначение педагогики.

Формально обусловленные требованием руководящего документа (Федеральный государственный образовательный стандарт) необходимость и неизбежность изучения непрофильных (например, «Основы философии» в системе среднего профессионального образования, равно как «Педагогика» или «Психология» в непрофильных вузах) дисциплин, а не исключительно собственно профессиональных предметов, освоение которых превращает неофита в мастера, изначально порождают индифферентное, переходящее в нигилистическое, отношение к ним со стороны обучающихся, инициированное и удобренное ещё до непосредственной встречи с ним распространёнными стереотипами и предубеждениями. В одной из книг В. Франкл сформулировал такую мысль: «Нигилизм ныне проявляется себя не понятием *nihil* – «ничто», но маскируется за выраженным «всего лишь» [12, с. 36]. В контексте изложенного это «всего лишь» есть очень точное отражение изначального студенческого отношения ко всем тем дисциплинам, которые ими мыслятся ненужными, лишними, отнимающими силы и время.

С одной стороны, описанная ситуация и положение дел – это вызов, в смысле понятия «проблема». С другой – это тоже вызов, но в смысле термина «ключ»: помогает обернуть деструктивную данность в противоположность, причём, используя для этого её саму.

Вполне ясно, что сама по себе обозначенная проблема не нова. Так, ещё в далеком 1988 году советскими преподавателями философии обозначалось следующее: «Методика преподавания философии в вузе остаётся до сегодняшнего дня сухим и пресным занятием, протекающим в ложноакадемическом стиле» [13, с. 30]. Закономерным результатом становится (равно как это оказывалось и тогда) расхождение требуемых буквой руководящего документа показателей и фактических итогов: отведённое время занятий истекает, жизнь в целом проходит, однако, инициация и генерирование именно любви к мудрости

(здесь – в частном и в широком смысле понятия) в сознании современных обучающихся оказываются мизерными. Это означает, что предрассудки и опасения студентов, оборачиваются реальностью, крепнут и усиливаются, что, естественно, негативно отражается на боеготовности и безопасности в ведущейся информационной войне.

В такой обстановке, как ни странно, именно формальная сторона вопроса может способствовать перелому и развороту тренда, для чего, естественно, необходимо усилие субъекта: в результате его воздействия форма сама по себе может и должна стать для обучающегося/обучающихся ценностью.

Здесь должно исходить из того, что претендую на формирование в сознании студентов ценностного сознания, отношения и поведения, сам преподаватель должен пережить и выстрадать их в самом себе: «ценностям научить невозможно: ценности должны быть прожиты. Так же невозможно дать кому-либо смысл: учитель даёт ученикам не смысл, но пример, личный пример своей преданности делу исследования, поиска истины, науки» [5, с. 105].

Именно понимание и переживание преподавателем сущности чего-либо, а в рассматриваемом случае это дух, роль и место в образовательно-воспитательной работе буквы закона/регламентирующего документа, оказываются принципиальным условием их трансляции студентам, попавшим волею Судьбы в орбиту его влияния и подчинения.

В этом смысле действительно концептуализирующими предстают следующие слова, обладающие и красивой образностью, и суровой строгостью: «Если ты получил от Бога дар предвидеть бури, то явно предвозвещай о них находящимся с тобою в корабле. Если не так, то будешь виновен в крушении корабля, потому что все с полной доверенностью возложили на тебя управление оного» [14, с. 432–433].

Таким образом, в контексте и совокупности всего сказанного термин «soft power», применяемый в отношении формальной стороны определённого явления и вида деятельности (образование в данном случае), перестаёт быть просто эвфемизмом, но предстаёт понятием, раскрывающим их новую сущность, а также оказывающимся именно оружием в войне – войне нового, современного характера.

Использованная литература

1. Песков рассказал о состоянии информационной войны в мире. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/643190> (дата обращения: 25.06.2020).
  2. Прижать Путина к стенке» (Pinning Down Putin. How a Confidence America Should Deal With Russia). – URL: <https://inosmi.ru/politic/20200618/247625623.html> (дата обращения: 25.06.2020).
  3. Малый толковый словарь русского языка. – Москва : Русский язык, 1990.
  4. Мягкая сила. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1571557> (дата обращения: 25.06.2020).
  5. Франкл, В. Воля к смыслу / В. Франкл. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2018.
  6. Панарин, А. С. Правда железного занавеса / А. С. Панарин. – Москва : Алгоритм, 2006.
  7. Не «лихие», а «святые»: Наина Ельцина призвала переоценить 90-е годы. – URL: <https://regnum.ru/news/society/2284528.html> (дата обращения: 25.06.2020).
  8. Заявление Б. Ельцина. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24080> (дата обращения: 25.06.2020).
  9. Путин назвал Россию отдельной цивилизацией. – URL: <https://rg.ru/2020/05/17/putin-nazval-rossiiu-otdelnoj-civilizaciej.html> (дата обращения: 25.06.2020).
  10. Хантингтон, Сэмюэл Филлипс. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D1%82%D0%BE%D0%BD,_%D0%A1%D1%8D%D0%BC%D1%8E%D1%8D%D0%BB_%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%BF%D1%81 (дата обращения: 25.06.2020).
  11. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон – Москва : ACT, 2014.
  12. Франкл, В. Доктор и душа. Логотерапия и экзистенциальный анализ / В. Франкл. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2018.
  13. Проблемное преподавание философии в вузе: сборник научных трудов. – Свердловск : УрГУ, 1988.
  14. Преподобный Иоанн Лествичник Лествица, возводящая на небо. – Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2007.
-

2.7. Формальная сторона образования: конвертация мягкой силы в обеспечение духовной безопасности обучающихся (практический подход)

Статья была опубликована в 2021-м году в журнале «Азимут научных исследований: педагогика и психология» (№ 1 (34), с. 274–280).

Введение

Продолжая работу по осмыслению роли и места формальной стороны образования, что само по себе является реализацией ещё более сложной задачи, заключающейся в углублении и переоценке смысловых уровней, ставшего тривиальным, общедоступного знания, важно отметить следующее.

Основу формулируемым идеям и выводам даёт личный опыт преподавательской работы со студентами-современниками таких образовательных организаций г. Новосибирска как Новосибирский государственный университет экономики и управления (НГУЭУ) Новосибирский Государственный Медицинский Университет (НГМУ), Новосибирское Высшее Военное Командное Училище (НВВКУ).

Накоплению опыта, апробации теоретических идей и практических решений автора способствовало преподавание студентам указанных вузов дисциплин гуманитарного цикла, а именно: «Основы философии» (НГУЭУ), «Психология и педагогика» (НГМУ и НВВКУ).

Обучение студентов НГУЭУ предмету «Основы философии», а именно под таким названием философия-явление предстаёт взору обучающихся системы среднего профессионального образования (далее – СПО), рассматривается в качестве экспериментальной базы и примера авторских решений актуальных проблем и вызовов современности, педагогической сущности, прежде всего.

Методология

Сегодня многие современные студенты (естественно, не все) воспринимают образовательный процесс без особого оптимизма к освоению глубин предметов, предусмотренных программой, а особенно тех, которые ими мыслятся неосновными, а потому неважными. Большая или меньшая мера рвения зависит от совести самого обучающегося. Задачей «минимум» ставится освоение того, что положено изучить для получения соответствующего диплома, т. е. официального документа.

Здесь важно отметить диалектичность ситуации: с одной стороны целью и потребностью оказывается именно диплом-документ, но с другой стороны фиксируемое обстоятельство показывает и доказывает присутствие глубинного осознания людьми (в частности, студентами) именно важности и именно формальной стороны жизни, которое при этом очень часто решительно иначе позиционируется ими вовне, вплоть до нигилизма и презрения, которые, на самом деле суть лишь личина, скрывающая глубинное ощущение. Аргументом в пользу этого является многократно повторявшееся наблюдение факта вызревания в студентах и первого, и выпускных курсов именно ценностного отношения к образованию как таковому и его бюрократическому аспекту в частности: формальная включенность, через обладание документом в систему (высшее/среднее образование), а также принадлежность сообществу образованных (люди с дипломом в принципе) – это не только документальное подтверждение соответствия формальным требованиям профессии или должности, дающее право выполнять трудовую функцию, а потому так или иначе, но обеспечивать себя насущным хлебом. Они предстают фактором, изнутри согревающим и инспирирующим сознание и душу человека; оборачиваются тем *нечто*, которое обеспечивает обладателю диплома как такового ощущение полноты, совершенства и достаточности, а потому и внутреннего спокойствия, что решительно важно для каждого человека. Здесь нельзя не привести яркие и точные слова немецкого физика-теоретика, нобелевского лауреата В. Гейзенберга о том, что «образование, если угодно, – это яркое сияние, окутывающее в нашей памяти школьные годы и озаряющее всю нашу последующую жизнь. Это не только блеск юности, естественно присущий тем временам, но и свет, исходящий от занятия чем-то значительным» [1, с. 15].

Однако происходит это лишь в том случае, если субъектам образовательно-воспитательной работы удается переломить тренд профанного понимания и отношения к формальной стороне. А это доказывает амбивалентность мягкой силы, которой рассматривается бюрократическая сторона образования: либо она задаёт настрой, что всё это есть ненавистная, но требуемая повсеместно макулатура, либо обеспечивает видение, что всё есть необходимый, вдохновляющий и упорядочивающий фактор. В свою очередь, это всецело зави-

сит от мировоззренческих и целевых установок акторов, в частности, педагогической деятельности, сознание и сердце которых точно также не лишены, а зачатую многое наполнены диалектичностью сообразной специфики.

Обращаясь к существу проблемы, приходится констатировать, что первый, поверхностный взгляд не фиксирует странностей в таком положении дел, тем более что на идейно-смысловом уровне сегодня активно (явно и косвенно) продвигается и поощряется узко-профильность и знания, и образования как таковых. Это, однако, пусть и по объективным причинам, среди которых нужно отметить возрастание объёма данных, с которым приходится управляться современному; технологизацию жизни; радикальное усложнение создаваемых и используемых человеком машин, понимаемых в широком смысле этого слова; колоссальное ускорение течения времени и жизненных процессов личностного и социального уровня и пр., вызывает настороженность. Представляется, что утрата нацеленности на бездну знания, потеря образованием как таковым глубинного духа и сущности, девальвирует его, а человека редуцирует до функции. Принципиальная особенность и коварность этого вызова заключается в том, что, зачастую, он не только незамечен со стороны, но и неочевиден самим участникам процесса, пребывающим внутри цеха людям, кем в данном случае являются обучающие и обучающиеся. Тонкое искушение, о котором идёт речь, – это скользивание в добровольную коридоризацию не только приобретаемого знания, но жизни в целом.

Проблема не нова, но сегодня о ней говорят недостаточно, а более того, крайне неохотно. Это не конспирология и не просто горячие декларации: в состояние информационной войны вовлечены все основные глобальные игроки мира, среди которых и Российская Федерация. Идентификация принадлежности к конкретному лагерю в этой большой кампании проходит и по географической, и по цивилизационной линии «Запад – Россия». Об этом предельно чётко и жёстко высказался американский специалист С. Хантингтон, разработавший собственную теорию этнокультурного разделения цивилизаций.

В своей книге «Столкновений цивилизаций» он писал, в частности следующее: «Наиболее ясный ответ, против которого трудно возразить, даёт нам линия великого исторического раздела, которая существует на протяжении столетий, линия, отделяющая западные христианские народы от мусульманских и православных народов. Эта линия определилась ещё во времена разделения Римской империи в четвёртом веке и создания Священной Римской империи в десятом. Она находилась примерно там же, где и сейчас, на протяжении 500 лет. Начинаясь на севере, она идёт вдоль сегодняшних границ России с Финляндией и Прибалтикой (Эстонией, Латвией и Литвой); по Западной Белоруссии, по Украине, отделяя униатский запад от православного востока; через Румынию, между Трансильванией, населённой венграми-католиками, и остальной частью страны, затем по бывшей Югославии, по границе, отделяющей Словению и Хорватию от остальных республик. На Балканах эта линия совпадает с исторической границей между Австро-Венгерской и Османской империями. Это – культурная граница Европы, и в мире после «Холодной войны» она стала также политической и экономической границей Европы и Запада. Таким образом, полицивилизационная модель даёт четкий исчерпывающий ответ на вопрос, стоящий перед жителями Западной Европы: «Где заканчивается Европа?» Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинаются ислам и православие. Именно такой ответ хотят услышать западные европейцы, именно его они в подавляющем большинстве поддерживают *sotto voce* (Про себя, вполголоса (итл.)), именно такой точки зрения открыто придерживается большая часть интеллигенции и политиков [2, с. 243–244].

Рис. 1. Восточная граница западной цивилизации [2, с. 245]

Борьба и конкуренция между государствами, а ещё более ёмко – столкновение цивилизаций – суть объективная реальность, в которой сегодня ведущая роль принадлежит оружию soft power, а не традиционному конвенциальному, которое при этом, хотя и остаётся зачехлённым (на складах, в парках, в доках, на аэродромах и в шахтах), однако, с сухим порохом изделий, снаряжённых теми или иными поражающими частями.

Именно поэтому можно утверждать, что наблюдаемое сегодня постепенное распространение и закрепление в сознании современников указанной выше мировоззренческой позиции, сводящей образование (в семантическом поле глагола «образовывать», т. е. со-

зидать/расширять) к узкому коридору, т. е. ограниченному пространству, в котором мысли просто негде расправить крылья, есть soft power в действии: настойчиво продвигаемый навет, который традиционное религиозное сознание однозначно бы нарекло соблазном и/или искушением, делает нормой/само собой разумеющимся скаченные студентами из Интернета готовые или же написанные им под заказ курсовые и контрольные работы, сдаваемые в сессию ради получения, в конечном итоге, вожделенного документа; точно такой же нормой/само собой разумеющимся становится их проверка и принятие преподавателями, что собственно и приближает сдавших к вожделенному документу.

Данный тренд, когда «все поступают так, потому что все так поступают», разъедает изнутри и собственно духовную, идеино смысловую сферу, и собственно интеллектуальный, знаниевый компонент жизни личности, общества, государства, что, однозначно, оказывается выгодным стратегическим противниками России, как в идеолого-политической плоскости (сфера порождения и реализации концептов, больших и малых проектов), так и в экономическом, технологическо-производственном отношении (разработка, создание и выпуск современных материальных благ цивилизации): и в первом и во втором случае выгодоприобретателями оказываются те, кто не ограничили себя узкими рамками, но именно ими сковали и бескровно поработили своих конкурентов, т. е. одержали победу силами и средствами soft power, одной из которых является образование и всё, что с ним связано.

О том, как это реализуется и чем оборачивается ещё в XIX век высказался, предупреждая современников, философ-славянофил А.С. Хомяков, уже тогда приметивший и явление, и его опасность. В своей работе «Об общественном воспитании в России», он, в частности, писал: «Разум человека есть начало живое и цельное; его деятельность в отношении к науке заключается в понимании. Самые предметы, представляемые наукою, как и предметы видимого и осозаемого мира, суть только материалы, над которыми трудится понимание. Истинная цель воспитания умственного есть именно развитие и укрепление понимания; а эта цель достигается только посредством постоянного сравнения предметов, представляемых целым миром науки, и понятий, принадлежащих ее разным

областям. Ум, съзмала ограниченный одною какою-нибудь область человеческого знания, впадает по необходимости в односторонность и тупость и делается неспособным к успеху даже в той области, которая ему была предназначена. Обобщение делает человека хозяином его познаний; ранний специализм делает человека рабом вытврежденных уроков. Самое богатство материалов, если они все принадлежат к одной какой-нибудь отрасли науки и не пробуждают дремлющей силы сравнивающего понимания, обращается в тягость: оно лежит бесплодным и свинцовым грузом в сонной голове, между тем как меньшее количество материалов, пробудившее деятельность ума с разных сторон и в разных направлениях, приносит богатые плоды и самому человеку, и обществу, которому он принадлежит. Так, несчастный ученик ремесленно-художественной школы, век свой трудившийся над рисованием орнаментов, никогда не нарисует и не придумает того затейливого орнамента, который шутя накинет в одно мгновение рука академика, никогда не думавшего о сплетении виноградных и дубовых листвьев» [3, с. 280].

Очевидно, что, видя вероятность использования soft power в деструктивных и даже антигосударственных (т. е. против России) целях, отчётливо ставится задача противопоставления данному её морду, придания ей противоположного вектора и заряда. Иными словами, речь идёт о разработке и предложении практических мер трансформации потенциала: изменения отношения обучающихся и обучающих к формальной стороне образования, т. к. в противном случае totally распространится хаос и анархия: недейственной окажется даже сама формально-бюрократическая, организующая сторона дела. В данном случае – образования.

Так, с одной стороны, установлено, есть данность, что обучающиеся не могут не являться на занятия, т. к. в таком случае искаражается и уничтожается в платоновском смысле идея (эйдос) собственного статуса и собственного предназначения – студента (т.н. «студентность»). Однако императив формы инспирирует не всех, вследствие чего, занятия просто прогуливаются. Сегодня это очень распространенная практика.

Монография

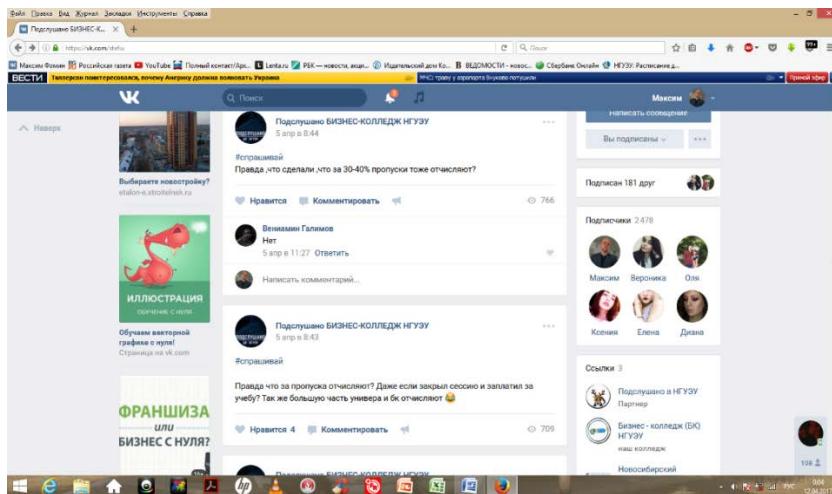

Рис. 2. Пример отношения современника к учёбе.
Обсуждение в социальной сети

С другой стороны, даже в случае соблюдения требований буквы закона (посещение занятий) утрата учением как процессом/деятельностью концептуального состава приводит к посредственному обращению с материалом предмета, а, значит, выхолащивает (для галочки) его усвоение, что совершенно нивелирует его ценность и предназначение в системе, равно как и самой системы.

Очевидно, что в такой ситуации синергийный эффект однозначно оказывается негативным и тлетворным, видение перспектив которого остается недоступным сознанию обучающегося, что ввергает его в состояние опасности как тактического, так и стратегического порядков: обесценивание знания как знания лишает жизнь подлинности, делает её существованием – редуцирует человека к функции, исполняемой в узком коридоре (тактический уровень); девальвация образования влечёт эскалацию духовного напряжения, чреватого усиливением отчуждения и разрозненности, отчаяния и депрессии, которые для личности, общества и государства в целом всегда заканчивались и заканчиваются губительно и даже фатально.

Начальная философская подготовка: инициация неофита учебной дисциплиной

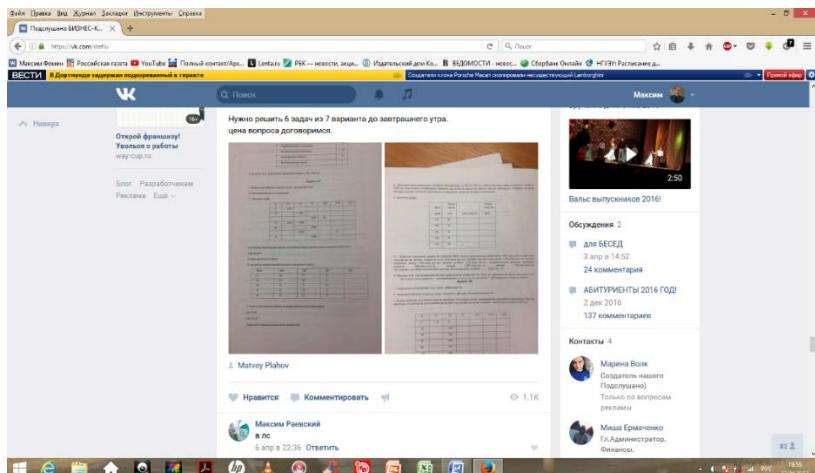

Рис. 3. Пример отношения современника к учёбе.
Обсуждение в социальной сети

Как показывает опыт, изначально, т. е. ещё до совершения преподавателем образовательно-воспитательной работы с обучающимися, их знакомство с предстоящей учебной программой, обычно происходящее в момент изучения ими расписания занятий, запланированных на предстоящий учебный семестр, у подавляющего большинства вызывает состояние ступора. Он возникает от встречи с теми самыми «непрофильными знаниями» [4, с. 30], которые, как это кажется им тогда, вряд ли им пригодятся в работе. Например, с философией. Он сопровождается эмоциями: от красивых лирических сравнений до предельно экспрессивных констатаций сиюминутных переживаний, объединяет которые скептическое и сугубо прагматическое отношение к предстоящей перспективе, устанавливаемой, что важно, а потому неизбежной, официальным документом – программой, разработанной на её основе.

Необоснованность вывода исключает личная практика – накопленный опыт обучения молодых современников «Основам философии», а именно их продукты деятельности: мысли, отражённые в письменных размышлениях студентов, обращение и использование которых оказывается серьёзной доказательной базой исследования. Речь идёт о сочинениях на заданную тему, полученных в разные годы от студентов разных специальностей. Некоторые из их числа будут использованы далее. Их анализ (контент-анализ, текстологический анализ) обеспечивает исследованию доказательность. Важно отметить, что

при приведении мыслей студентов, орфография, синтаксис и стилистика сохранены.

Так, например, одна из работ представляет собой романтическое восприятие/отношение к появившемуся на образовательном горизонте предмету: «На самом деле, раньше я не имела представления о философии. Услышав это слово, я представляла греческих философов с длинной бородой, обсуждающих какие-либо вопросы» (рис. 4). Безусловное доказательство – родившийся в сознании образ, причём, стереотипный, однако, безвредный и добрый: обязательный атрибут философа – длинная борода и обсуждение каких-то вопросов (неясно каких, но важен сам факт обсуждения чего-то); ассоциация и локализация философии с Грецией (по сути верно, но лишь от части, т. к. это место не единственное). Не менее важно личное признание, сделанное преподавателю, в отсутствии знакомства с явлением до момента встречи предмета в сетке расписания, а также в том факте, что ранее она «не задумывалась о философии вообще» (рис. 4).

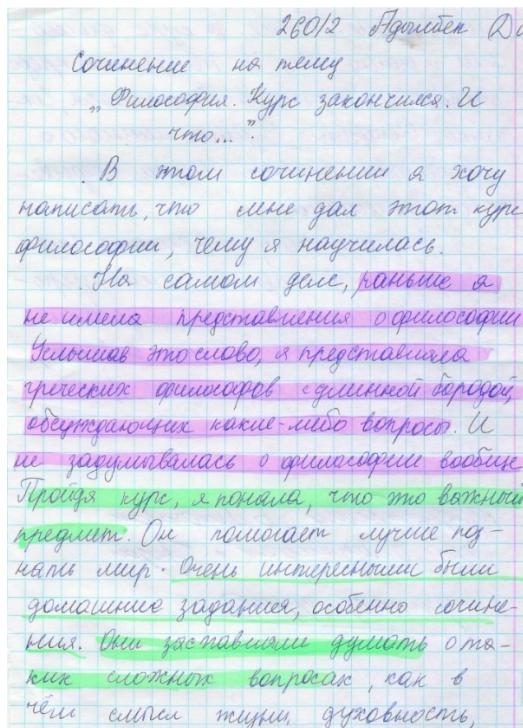

Рис. 4. Студенческое сочинение: опыт построения мысли

Объективность требует отметить следующее: подавляющее большинство полученных студенческих работ характеризуется скептическим и сугубо прагматическим характером отношения к включаемой руководящим документом дисциплине «Основы философии», которые, и это важно, фиксировались самими обучающимися на самой начальной стадии процесса, т. е. при первом знакомстве с предметом.

В одной из них, например, было сформулировано следующее: «Я думаю, что каждый из студентов в начале курса задавал себе вопрос: «Зачем нам нужна философия?» и также были мысли, что данная дисциплина нигде не пригодится, ведь мы учимся по специальности «Финансы»» (рис. 5).

Анализируя высказывание, можно зафиксировать ряд важных для рассматриваемой проблематики положений: во-первых, примечательным оказывается рассуждение от первого лица, что ясно отражает позицию автора; во-вторых, акцентируется временной фактор, а именно возникновение неудобного вопроса сразу же, вначале курса предмета; в-третьих, выражается искреннее на тот момент непонимание значения и места «Основы философии» в специальности 38.02.06 – «Финансы».

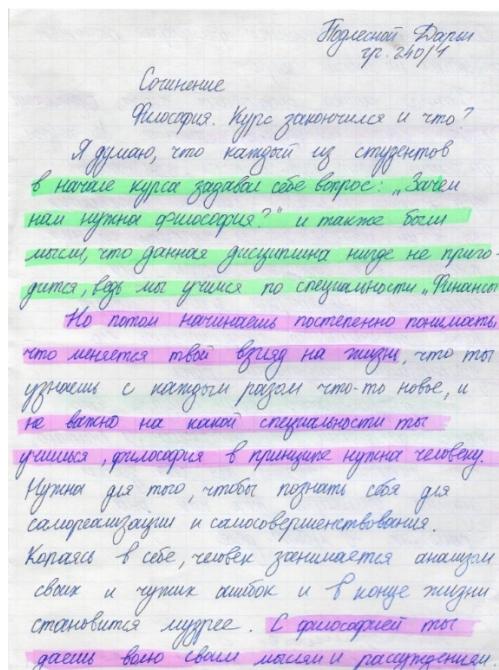

Рис. 5. Студенческое сочинение: опыт построения мысли

Сейчас и в дальнейшем философия поможет отвечать на многие вопросы.

Ранняя наука открывает глаза, побуждает читать свое непредвзятое мнение. Но позже, философия будет путеводителем, ведь только умомённой человек сможет справиться со всеми трудностями и научить из них полезное для будущего уроки. Для студентов некоторое учения могут даже окончательно сформировать его дальнейший жизненный путь.

С уверенностью могу сказать, что курс философии был необходим. Я считаю, что капиталы вложенные для себя заслужены философией, так как она поможет в любом деле.

Также заслуживает внимания сочинение, в котором прямо высказано опасение на счёт того, что предусмотренный программой предмет окажется скучным и неинтересным: «До того, как я познакомилась с предметом, я боялась, что будет скучный и не интересный предмет, ведь многие говорят об этом» (рис. 6).

Подвергая текстологическому анализу данный материал, обнаруживается ещё один стереотип, устойчиво закрепившийся за философией-предметом, а именно мнение о его скучности и неинтересности, о чём «многие говорят» (рис. 6).

Однако более ценным и весомым обстоятельством оказывается то, что, несмотря на это, сама обучающаяся испытывает не просто опасение, но именно боязнь того, что это именно так и окажется в её реальном случае. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что в сознании данного человека a priori существует ощущение и устремление к непрозвреваемому (пока), но влекущему к себе (в принципе) смыслу, а это уже позволяет сделать заключение о том, что, опять же, a priori, в сознании имеется некое убеждение-ощущение того, что программа есть всё-таки не просто бессмысленный формальный документ.

Сформулированные воззрения и представленные аргументы обозначают условие и направление практики преподавательской работы, ориентированной на обеспечение духовной защищённости личности обучающегося, успешности которой может способствовать сама формальная сторона образовательно-воспитательной деятельности.

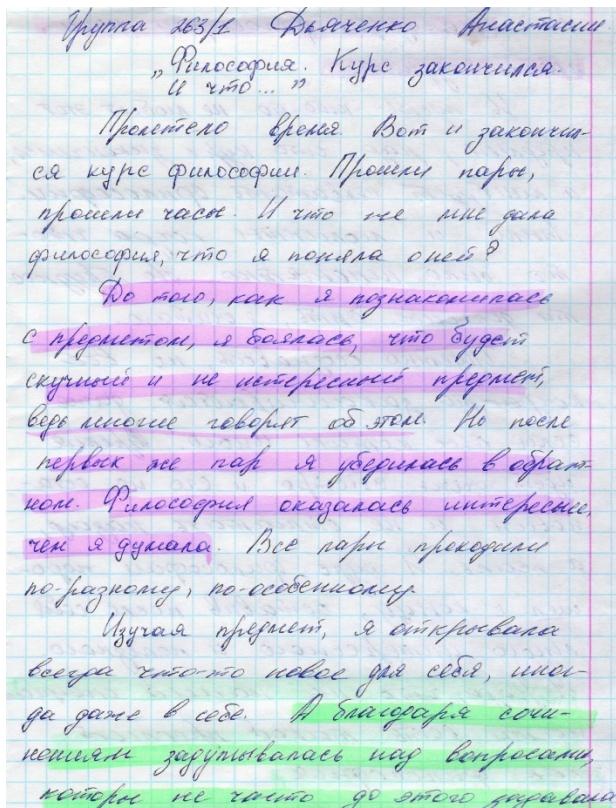

Рис. 6. Студенческое сочинение: опыт построения мысли

себе. Благодаря философии наше
нашее думают.

И пусть кто-то не любит этот предмет, раз, что курс заканчивается, а之後 буде пекватся философией.

Были и моменты когда это было непонятно. Но трудности должны быть, я считаю.

Чтобы осознавать, но все когда-то заканчиваются, даже если это кончило само. Время идет очень быстро и его не остановить и не откладывать на завтра, а жаль. И курс философии перешел к концу, оставив после себя много интересного и полезного.

Я раз, что наше наше спасибо
нашти есть такое чувство
как философия.

Продолжая работу, в качестве примера следует взглянуть на такой руководящий документ как ФГОС СПО для таких специальности как, скажем, «Финансы» (38.02.06). Он устанавливает, что в результате изучения обязательной части учебного цикла (общий гуманитарный и социально-экономический учебный цикл), куда входит предмет «Основы философии», обучающийся должен уметь: «ориентироваться в наиболее общих философских проблемах бытия, познания, ценностей, свободы и смысла жизни как основах формирования культуры гражданина и будущего специалиста» [5].

Представляется, что целенаправленное указание обучающимся задач, стоящих перед ними, в тех словах, которые употреблены в руководящем документе, позволяет преподавателю продемонстрировать и доказать им то, что осмысление проблем онтологического (концептуального) порядка, а также оперирование глубокими по

смыслу абстрактными понятиями не есть волонтаризм субъекта педагогической деятельности, но именно позиция и ориентир системы, частью которой студент становится добровольно, приняв решение получить именно образование, и поступив в колледж или вуз.

Оно предстаёт весомым аргументом в ответе на возникающий у студентов вопрос о необходимости философии: императив научиться «ориентироваться в наиболее общих философских проблемах бытия, познания, ценностей, свободы и смысла жизни как основах формирования культуры гражданина и будущего специалиста» [5] составляет основу духовной безопасности личности и общества. Другое дело, что студентам-неофитам необходимо настойчиво доводить эту установку, в достижении чего единственными оказываются и сухие официальные формулировки: взрослая жизнь человека говорит и оперирует чёткими и строгими формулировками, а не сказочными образами или инсинуациями.

Преодоление инфантильности восприятия серьёзных мировоззренческих предметов (например, философии) есть сложная задача. Её решению, может содействовать сама бюрократическая сторона вопроса, изначально презираемая многими, что закономерно и оправданно в случае перегибов, которые, опять же, всецело зависят от человека. Опираясь на личный опыт, можно представить апробированные решения разворота негативного тренда.

Эффект тактического и стратегического воздействия на сознание обучающихся может быть оказан тем объективным обстоятельством (данностью), что на приобретение требуемого умения «ориентироваться в наиболее общих философских проблемах бытия, познания, ценностей, свободы и смысла жизни как основах формирования культуры гражданина и будущего специалиста» [5], руководящим документом отводится 48 часов обязательных учебных занятий с преподавателем в аудитории.

Чёткое, строгое, а главное первостепенное обозначение обучающим установленных рамок и имеющегося в распоряжении временного ресурса с точностью до часов (48) и единиц теоретических и практических занятий (24) позволяет, выражаясь фигурально, «привести в чувство» всех обучаемых: и совершенно далёких от философского восприятия действительности, и имеющих расположность и осознание сути и важности учебного предмета. Важность документа в том и состоит, что он позволяет обезличенно, но при этом максимально строго сделать упор и даже несколько надавить и на ощущение времени, и на факт быстротечности человеческой жизни.

Как было отмечено, сегодня в системе СПО длительность освоения всего курса составляет 48 часов аудиторных занятий комбинированного типа, т. е. 24 пары на учебный семестр. Это обеспечивает попадание философии в поле зрения студентов, в зависимости от интенсивности, особенностей и возможных изменений в сетке расписания, а также личного рвения самого студента, на протяжении всего трёх-четырёх месяцев. Представление преподавателем такой детальной раскладки на часы и пары позволяет студентам почувствовать то, что предоставляемый лимит невелик. В целях достижения заявленных задач делать это необходимо каждый раз с самого начала занятий, на всём их протяжении, настойчиво, но деликатно.

Очевидно, что первостепенное значение имеет намеренное обескураживание и шок обучающихся неизбежностью и скоростью истечения жизни вообще. В этом смысле автором выражается полная солидарность с ведущим профессором РГПУ им. А.И. Герцена, доктором педагогических наук А.Г. Козловой, развивающей направление «шоковой педагогики», о чём она строго и убедительно говорит на страницах своих научных работ, одной из которых является, например, «Дискуссия в чате на тему: «Шоковая педагогика: за и против» [6, с. 9–25].

Тяжёлыми, но очень действенными в смысле духовного отрезвления, т. е. именно концептуальными, являются слова философа И.А. Ильина, которые многократно и при этом деликатно, встраивались автором диссертации в содержание своих учебных занятий по «Основам философии»: «Смерть ставит перед нами вопрос о самом главном, об основах нашего земного существования, о личной жизни в ее целом. Смерть есть та сила, которая обрывает поток повседневных обстоятельств и впечатлений и выводит человека из него; она ставит нас перед основным вопросом: ради чего ты живешь? во что веришь? чему ты служишь? в чем смысл твоей жизни? верен ли твой выбор, или ты до сих пор даже и не удосужился выбрать что-нибудь? стоит ли жить тем, чем ты живешь, и верить в то, во что ты веришь? если стоит, то за это стоит бороться и умереть! Ибо то, что не стоит смерти, то не стоит ни жизни, ни веры!» [7, с. 80].

Объективное отсутствие у них подготовленности к восприятию этой данности, а также возможное превышение обучающим меры напряжения и степени накала ситуации, которое ему может и не показаться таковым, способно повлечь серьёзные последствия, а потому обязывает его быть очень осторожным.

С другой стороны, обозначить молодому современнику указанное свойство человеческого бытия (конечность), научить ощущать и осознавать его есть первостепенная задача философии и как явления, и как учебного предмета. Вопрос в том, как концептуализировать проблему, чтобы обеспечить защищённость личности, а не невротизацию обучающегося?

Детальный анализ руководящих требований, сопрягающийся с подлинно философской интерпретацией и доведением её до аудитории обучающихся, оказывается, как показала и показывает практика, действенным решением.

Так, принимая во внимание и осмысливая некоторые Общие компетенции (ОК), ФГОС СПО, можно провести в реальность весьма продуктивные концептуализирующие решения. Речь идёт, например, о следующих ОК для специальности «Финансы» (38.02.06):

«ОК 1. Понимать сущность и социальную значимость своей будущей профессии, проявлять к ней устойчивый интерес;

ОК 2. Организовывать собственную деятельность, выбирать типовые методы и способы выполнения профессиональных задач, оценивать их эффективность и качество;

ОК 3. Принимать решения в стандартных и нестандартных ситуациях и нести за них ответственность.

ОК 4. Осуществлять поиск и использование информации, необходимой для эффективного выполнения профессиональных задач, профессионального и личностного развития.

ОК 5. Владеть информационной культурой, анализировать и оценивать информацию с использованием информационно-коммуникационных технологий.

ОК 6. Работать в коллективе и команде, эффективно общаться с коллегами, руководством и потребителями.

ОК 7. Брать на себя ответственность за работу членов команды (подчиненных), результат выполнения заданий.

ОК 8. Самостоятельно определять задачи профессионального и личностного развития, заниматься самообразованием, осознанно планировать повышение квалификации.

ОК 9. Ориентироваться в условиях частой смены технологий в профессиональной деятельности» [5].

На первый взгляд, как это реально происходит в слабо или же вообще неконцептуализированном учебном процессе, всё это суть малоинтересные, официальные формулировки, которые никогда

так просто не привлекут, а тем более не вдохновят обучающегося на свершения, не развернут тренд.

Указанные выше ОК, в частности, делают комплексный упор на формирование в обучающихся ответственности в самом широком смысле этого слова. Это важное, присущее только человеку качество, требует сегодня концептуализации, т. е. раскрытия современному смыслу в онтологической перспективе несмотря на то, что и явление, и понятие оказываются знакомыми, однако, в недостаточной мере глубины.

Одномоментное акцентирование руководящим документом временного фактора и намеренное сопряжение его с императивом об ответственности, можно эффективно и эффективно использовать в достижении рассматриваемой и решаемой в настоящем параграфе проблемы: важно не только и не просто довести до обучающихся суть и содержание формулировок, что важно и должно в начале пути, но обратить формальность против формальности.

Как показывает практика, нестандартным, но действенным приёмом может стать обозначение студентам т.н. «скандала в философии», а именно того факта, что философия, «несмотря на свои тысячелетние усилия, не открыла ещё, кроме нескольких логических аксиом, никаких положений, признаваемых всеми философами в качестве очевидных» [8, с. 416].

С одной стороны – это однозначно провокация: вызвание к высоким категориям и оперирование ими и отсутствие на сей счёт консенсуса весьма вероятно укрепит обучающихся в изначальной позиции о целесообразности философии как учебного предмета в постигаемой ими специальности.

С другой стороны, это обстоятельство может заставить их взволноваться и ощутить быстротечность, ускользание времени жизни, повод для чего действительно есть и он должен актуализироваться сознанию обучающегося: он вынужден озадачиться вопросом о том, как понять суть и предназначение предмета «Основы философии» за 48 часов, взять за это время из него хотя бы что-то для себя, причём, по существу, а не для проформы.

Практический опыт показывает, что такого рода «накал страсти» полезно и необходимо реализовать для того, чтобы продемонстрировать и доказать современным студентам следующие важные обстоятельства.

Во-первых, несоизмеримость времени жизни человека с тем объёмом и богатством мысли, которые накоплены поколениями за

века («скандал в философии»), на фоне которых установленный лимит часов аудиторной нагрузки, определяемой руководящими документами на стяжание мудрости, на то, чтобы узнать хоть что-нибудь, есть действительно капля в океан, плавание в котором без навигационной системы может обернуться трагедией. А таковой системой как раз оказывается научно проработанный и формализованный учебный предмет «Основы философии» в системе СПО.

Во-вторых, что гораздо более важно, такой приём позволяет обучающимся ощутить, а как следствие, в прямом смысле слова выразить благодарность Судьбе за то, что им представилась возможность, пусть и в очень небольшом объёме, но прикоснуться к сфере серьёзного. Сказанное требует пояснения. Следует напомнить и подчеркнуть высказывавшуюся ранее мысль о том, что в настоящее время современник сталкивается с тем, что сегодня из процесса приобретения знаний и в целом из плоскости духовного опыта уходит, исчезает многое и многое ранее очевидное, понятное и доступное без особо углубленного разъяснения, что в свою очередь, естественно, закрывает и делает недоступным то, что не лежит на поверхности и как раз поэтому требует специального погружения и профессионального разъяснения-просвещения, т. е. преподавания.

Здесь, собственно, раскрывается стратегический аспект и характер прикосновения к философской реальности: она позволяет заметить современное тренды, их развитие, а также корреляцию не только с уже давно сформулированным, но и тем, что пребывает в фазе становления сейчас.

Это важно тем, что так обеспечивается возможность вычертить контуры обозримого будущего, т. е. того времени, в котором им (нынешним студентам) предстоит жить и работать в новых социальных статусах и ролях, когда многое негарантированно и уходит из-под ног прямо на глазах.

Использованная литература

1. Гейзенберг, В. Избранные философские работы: Шаги за горизонт. Часть и целое / В. Гейзенберг. – Санкт-Петербург : Наука, 2005.
2. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – Москва : АСТ, 2014.
3. Хомяков, А. С. Всемирная задача России / А. С. Хомяков. – Москва : Институт русской цивилизации, 2008.
4. Панарин, А. С. Правда железного занавеса / А. С. Панарин. – Москва : Алгоритм, 2006.

5. Приказ «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 38.02.06 Финансы» от 28 июля 2014 г. №836. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=169472&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.7152693145436739#06634656946133065> (дата обращения: 29.06.2020).

6. Козлова, А. Г. Дискуссия в чате на тему: «Шоковая педагогика: за и против» / А. Г. Козлова // Актуальные проблемы педагогических практик: полемика магистрантов: сб. научно-практических статей. Серия: Библиотека магистранта / под ред. А. Г. Козловой, С. Е. Залаутдиновой. – Санкт-Петербург : ЧУ ДОУ Академия Востоковедения, 2020.

7. Ильин, И. А. Основы христианской культуры / И. А. Ильин. – Санкт-Петербург : Шпиль, 2004.

8. Философский энциклопедический словарь. – Москва : Инфра-М, 1997.

2.8. Театр и образование: нестандартный подход к расшифровке родства явлений

Материал был опубликован в 2021-м году на страницах журнала «Азимут научных исследований: педагогика и психология» (№ 2 (35), с. 297–306).

Введение

«Сегодня днем показной спектакль. «...» На сцене меня смутили прежде всего необычайная, торжественная тишина и порядок. Когда же я вышел из темноты кулис на полный свет рампы, софитов, фонарей, я обалдел и ослеп. Освещение было настолько ярко, что создалась световая завеса между мной и зрительным залом. Я почувствовал себя ограждённым от толпы и вздохнул свободно. Но глаз скоро привык к рампе, и тогда чернота зрительного зала сделалась ещё страшнее, а тяга в публику ещё сильнее. Мне показалось, что театр переполнен зрителями, что тысячи глаз и биноклей направлены на одного меня. Они словно насквозь пронизывали свою жертву. Я чувствовал себя рабом этой тысячной толпы и сделался подобострастным, беспринципным, готовым на всякий компромисс. Мне хотелось вывернуться наизнанку, подольститься, отдать толпе больше того, что у меня было и что я могу дать. Но внутри, как никогда, было пусто» [1, с. 25–26].

Непосредственно причастным к театру как культурному явлению и сфере профессиональной деятельности, это состояние души и ума знакомо как никому другому. Поэтому для его передачи великим К.С. Станиславским и были найдены подходящие слова.

Переживания такого же рода приходится испытывать и еще одной когорте специалистов своего дела – школьным учителям и преподавателям колледжей и вузов.

Очевидно, что театр и образование как явления жизни и сферы профессиональной трудовой деятельности людей серьезно разнятся. Однако есть и то, что их объединяет. Концентрация внимания позволяет это приметить, описать и осмыслить.

Методология.

В родстве есть *внешняя*, т. е. доступная, приметная большинству сторона вопроса, и сторона *внутренняя*, т. е. поддающаяся постижению через приложения особых усилий.

Первая из них обнаруживается непосредственно, а именно на языковом уровне. Речь идет о том (это известно и неоспоримо), что

в речевой деятельности и обыватель, примечающий и оценивающий указанные явления в потоке повседневности, и профессионал, устремляющий проницательный взор в их вглубь, связывают указанные сферы деятельности с производными (однокоренными) такой лексической единицы, как «искусство». Отсюда, например, такие словосочетания как «искусная постановка», «искусство перевоплощения» с одной стороны (применительно к театру) и, «педагогическое искусство», «искусный педагог» (относительно образования) – с другой. В данном – обыденно-повседневном случае – таким образом передается именно ощущение высочайшего профессионализма причастного субъекта, рождающегося в момент пересечения/встречи с ним, будь то театральная сцена или же учебная аудитория. Это именно эмоциональный уровень, раскрываемый этимологией и содержанием термина «эмоция», а именно: (от лат. *emoveo* – потрясаю, волную) «реакция человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, имеющая ярко выраженную субъективную окраску и охватывающая все виды чувствительности и переживаний» [2, с. 539].

Что касается второй, т. н. внутренней стороны, то (и это следует из самого прилагательного к существительному) это есть не просто отреагирование на воздействие, но именно устремление в осмысление и самого стимула, и процесса, и результата, т. е. уже интеллектуальная и духовная работа/деятельность самого субъекта, оказавшегося в поле воздействия. Если первое – это непроизвольная реакция, то второе – волевой акт; если первое случается и протекает в потоке событий, то второе возникает вследствие возвышения над суетой, т. е. в некотором смысле во время остановки течения жизни, что, естественно, невозможно буквально, однако, доступно философскому взору и подходу. Для настоящего исследования интерес представляет именно данный уровень.

Так называемый «философский» характер отношения и понимания позволяет обозначить и заинтересоваться решением широкого спектра вопросов и проблем. Искущением здесь предстает уход в философствование ради самого философствования, т. е. в праздное блуждание ума, которое в пределе оборачивается отрывом от реальности, что во многом нивелирует ценность умопостроений как таковых. Важно исходить из того, что это не осуждение, но действительно большая проблема, которую важно понимать и учитывать.

Сказанное выше, позволяет сформулировать проблему настоящего исследования: если, говоря образно, в геноме театра и геноме образования содержится т. н. «ген искусства», обеспечивающий их родство, возникает необходимость его расшифровки, которая важна для каждого из них и в теоретическом отношении, и в практическом плане. Очевидно, что данная идея-задача сформулирована аллегорическим языком, однако, это не умаляет ее реальность и серьезность, равно как и раскрывающийся в процессе поиска объем смыслов.

Так, в теоретическом отношении важно вскрыть концептуальный смысловой пласт, переводящий внимание и выводящий понимание современника с тривиально-обывательского уровня. Это важно тем, что так в подлинной мере реализуется противостояние искущению симплификацией, подстерегающего человека и общество в любой из сфер их деятельности. Это особенно важно сегодня ввиду того, что оно стало и устойчивым трендом, и суровой, на грани цинизма политикой сил, обладающих ресурсом власти и капитала, научившихся пользоваться добытым за времена знанием в собственных – корпоративных, классовых целях. В этом смысле и связи затронутые области духовного производства оказываются в зоне их повышенного внимания ввиду обладания ими по своему существу колоссальным потенциалом созидательного и трансформационного потенциала, зависящего, очевидно, от модуса принятой морали, системы нравственных координат, положенных в основу реализуемой данными силами и корпорациями концепции или, если угодно, идеологии. Следует отметить, что подобное положение дел не является характеристикой именно сегодняшнего дня: так было всегда. Проблемой же настоящего момента является не отмеченная специфика социальных отношений сама по себе, но то, что использование указанных ресурсов, статуса, сложившегося/складывающегося положения дел сегодня приобрело доведенный до предела, поистине сатанинский заряд и степень рвения. Размышление на данную тему не является предметом и задачей данного исследования, однако, здесь важно отметить, что в случае сепарации риторики и удаления из оборота принятых и используемых штампов и клише, а также при пристрастном рассмотрении лозунгов, тактики и стратегии предлагаемой/навязываемой и проводимой политики, придется констатировать удручающий факт, что

все они все больше и больше отрываются от человека, хотя и провозглашая ему блага, удобства и счастье вообще: в пределе человек как таковой оказывается *не* нужным, будь то экономика, медицина, образование и даже религия. Это трудно и неприятно признавать, однако, это жизненно необходимо, т. к. в противном случае не отдельные части сфер жизнедеятельности людей, но все они поддаются и будут порабощены данным трендом, что, очевидно, не сулит цивилизации как таковой ничего хорошего.

Понятно, что за прошедшее время (эпохи и столетия) здесь, т. е. на теоретической, смысловой ниве, накопилось достаточное количество воззрений или, говоря масштабно и емко, прописных истин. Одним из примеров, собственно, оказывается и высказанная идея о существовании и борьбе определенных сил, сегодня называемых емким термином «элиты». Вызов заключается в том, что, зачастую, из позиции сегодня/сейчас они рассматриваются истиной, но истиной «как бы выбывшей из обязательного ежедневного употребления, подзабытой, сознательно замалчиваемой или грубо, до неузнаваемости искажаемой» [3, с. 16]. И именно это побуждает и заставляет, что всегда трудно и само по себе, и в складывающемся, а точнее – складываемом – идеально-информационном поле, предпринимать поисково-исследовательскую и реанимационно-восстановительную работу, целью которой является не просто абстракция (блуждание ума), но сбережение собственной субъектности и статуса актора, рассматриваемых и понимаемых как в локальном (отдельное «Я»), так и в глобальном (конкретная цивилизация) масштабе. Иными словами – осуществлять расшифровку наличествующей, активно распространяющей себя в данный исторический момент идеологии, в связи с чем, по мере накопления понимания, а также генерации воли, самостоятельно заниматься конструированием собственной программы действий. В этой связи и смысле нельзя не согласиться с мыслью о том, что хотя «идеология в первую очередь призвана обеспечивать политику и войну – и всякую социальную стратегию вообще. Но она также нужна при любом смелом индивидуальном человеческом начинании. Именно идеология и размыщление о ней дают индивиду силу противостоять конформизму общества, дают шанс на успешное личное действие» [3, с. 18].

Принятые к рассмотрению сферы жизни и деятельности людей – театр и образование – идеологичны сами по себе, т. е. не являются служанками (Разъясняющим обстоятельством оказывается

сопоставление смыслов однокоренных слов, в равной степени применимых как к театру, так и образованию. Речь идет о глаголах «прислуживать» и «служить». В обычной речевой деятельности всякий человек, приобщившийся в процессе личностного возраста-ния и становления (социализация) к плоскости смыслов и идей, однозначно использует глагол «служить» в отношении Бога, Родины или семьи. Примечательно также следующее: актеры и режиссеры всегда заявляют о том, что они именно служат своему театру/сцене, а о школьных учителях принято говорить, что они также именно служат делу воспитания юных/молодых. Что касается второго гла-гола из обозначенной пары, то его коннотация исчерпывающе пе-редается и ощущается во фразе героя А.С. Грибоедова – «Служить бы рад, прислуживаться тошно» («Горе от ума»), ставшей крыла-той), что, однако, не невозможно и не исключено, а более того, весьма часто встречается в реальности: идеал, должное, хотя и мыслятся/подразумеваются, однако, остаются в большей или мень-шой степени отдельным далеким миром. Соответственно, чтобы этого не происходило, необходимо своевременно освежать или ре-анимировать концептуальные представления.

Что касается практического измерения, то, как представляется, заявленная расшифровка «гена искусства» позволит иначе взгля-нуть на сродников – театр и образование, а именно разработать или же реанимировать адекватные технологии взаимодействия и влия-ния на человека, алгоритмы, коды которых, говоря языком инже-неров-компьютерщиков, «прошиты»/«предустановлены» в них изначально. Это, соответственно, будет способствовать сохране-нию ими самими своей неупрощенной, неповрежденной коррозией сущности и функции. Кроме того, это позволит открыть, подчерк-нуть и обосновать перекрестное использование прописных истин каждой из сфер духовной жизни и производства людей в собствен-ных целях: театра в образовании и образования в театре, причем, именно на концептуальном, а не просто банальном уровне воспри-ятия, понимания и претворения. Если выразиться коротко, то из-жить или, во всяком случае, нивелировать нарочитую, поддельную искусность деятельности субъектов, причастных к театру и к обра-зованию, предотвратить их опошливание и профанацию.

Результаты

Фокусируя внимание на философском уровне с целью расшифровки родства рассматриваемых сфер, важно обратиться к воззрениям подлинных, признанных «генетиков», чьи взгляды, хотя и сформулированы и даже опубликованы (а потому доступны), однако, давностью лет (неумолимым течением времени) и собственной спецификой (философии как явления, конкретных личных философствований), а также общим объемом данных как таковых (количеством книг вчера или терабайт сегодня) делаются все более и более сложными для восприятия и постижения современниками, притом, что смысловые крупицы, добытые предшественниками, остаются таковыми и полезны/ценны тем, что на их формулировку уже можно не тратить время и усилия, но приняв их как данность, прошедшую верификацию и закалку временем, использовать в дальнейшем поиске и сотворении реальности.

Так, например, основоположник немецкой классической философии И. Кант в своем трактате «О педагогике» называет воспитание искусством, обосновывая свое утверждение следующим образом: «Воспитание есть *искусство*, применение которого должно совершенствоваться многими поколениями. Каждое поколение, обладая знаниями предыдущего, может все более и более осуществлять такое воспитание, которое пропорционально и целесообразно развивает все природные способности человека и таким путем ведет весь род человеческий к его назначению. «...» Самому себя совершенствовать, самому себя образовывать и, в случае склонности ко злу, развивать в себе нравственные качества – вот в чем обязанности человека. По зрелом размышлении придешь к тому выводу, что это весьма трудно. *Поэтому воспитание – величайшая проблема и最难нейшая задача для человека*, т.к. сознание зависит от воспитания, а воспитание, в свою очередь, от сознания. Поэтому-то воспитание и может двигаться вперед лишь постепенно, и только благодаря тому, что одно поколение передает свой опыт и сведения последующему, а оно прибавляет что-нибудь в свою очередь и в таком виде передает их дальнейшему поколению, может возникнуть правильное понятие о способе воспитания» [4, с. 449–450].

Для настоящего исследования приведенная выдержка из достаточно большого трактата авторитетного мыслителя важна в силу следующих двух обстоятельств.

Во-первых, идеи И. Канта можно и должно рассматривать как подлинно концептуализирующие проблему воспитания как явления, синонимом которого здесь является изначально обозначенный феномен – «образование»: «Человек – единственное создание, подлежащее воспитанию. Под воспитанием мы понимаем уход (попечение, содержание), дисциплину (выдержку) и обучение вместе с образованием» [4, с. 445]. И далее: «Человек может стать человеком только путем воспитания. Он – то, что делает из него воспитание» [4, с. 447]. И еще: «Ведь в воспитании кроется великая тайна усовершенствования человеческой природы» [4, с. 448].

Во-вторых, в приведенном взрении непосредственно формулируется необходимость и призыв к преемственности, которую допустимо понимать еще и как усвоение (в смысле «перенятие», «перенимание») разного опыта разными сферами жизни: «поколение передаёт свой опыт и сведения последующему, а оно прибавляет что-нибудь в свою очередь и в таком виде передаёт их дальнейшему поколению» [4, с. 449–450].

В проводимом исследовании донорами и акцепторами, причем взаимно, рассматриваются театр и образование. Вопрос заключается в том, *чем и как* они могут обогатить и усилить друг друга. Очевидно, что здесь требуется осмысление и переработка зафиксированного авторского опыта, монументальность или карликовость, действенность или профанация которого в полной мере становятся ясными по прошествии времени, которое приносит плоды и результаты претворения, открывшегося в актуальную реальность. Это и представляется заявленной расшифровкой генома.

В общем контексте исследуемой проблемы в целом представляется интересным и важным привести еще один частный, т. е. личный, авторский взгляд, углубляющий мысль и поиск как таковые, усиливающий теоретическую сторону вопроса.

Философские размышления о сути образования/воспитания позволяют понять подлинную причину того, почему они являются и называются искусством, под которым понимается не просто совершенство представления материала/данных, но мастерство созидания и формирования сознания современников в ключе фундаментальных стратегических императивов (дух) и устремлений (деятельность).

Говоря об искусстве, подразумевая (в данной статье) именно театр, театральное искусство, а также намеренно сопрягая две важные сферы жизни и деятельности людей (образование и театр),

каждую из них полагая именно искусством, важно понимать и исходить из того, что без собственно философского основания театр-искусство, даже несмотря на искусность его действующих лиц, не только обесценивается и редуцируется до ремесла, но более того, незаметно становится инструментом и заложником-рабом. В этой связи примечательны и доказательны слова К.С. Станиславского. Глядя на данную проблему изнутри, глубоко понимая ее, он писал следующее: «К сожалению, наше искусство очень часто эксплуатируют для совершенно чуждых ему целей. Вы – для того, чтобы показывать красоту, другие – для создания себе популярности, внешнего успеха или карьеры. В нашем деле это обычные явления, от которых я спешу вас удержать. Помните крепко то, что я вам сейчас скажу: театр, благодаря своей публичности и показной стороне спектакля, становится обоюдоострым оружием. С одной стороны, он несёт важную общественную миссию, а с другой – поощряет тех, кто хочет эксплуатировать наше искусство и создавать себе карьеру. Эти люди пользуются непониманием одних, извращённым вкусом других, они прибегают к протекции, к интригам и к прочим средствам, не имеющим отношения к творчеству. Эксплуататоры являются злейшими врагами искусства. Надо бороться с ними самым решительным образом, а если это не удастся, то изгонять с подмостков. Поэтому, – снова обратился он к Вельяминовой, – решите однажды и навсегда – пришли ли вы служить и приносить жертвы искусству или эксплуатировать его для своих личных целей?» [1, с. 57].

Возвращаясь к ранее поставленной задаче расшифровки и концептуализации явления, целесообразно снова обратиться к признанным грандам, чьи прозрения, выраженные текстом), сегодня для многих уже *terra incognita*. Например, присмотреться теперь уже к идеям русского философа, славянофила А.С. Хомякова, не менее серьезно, чем И. Кант, размышлявшего о сущности и предназначении образования и воспитания.

В статье «Об общественном образовании в России» он, в частности, сформулировал следующее: «Для того чтобы определить разумное направление воспитания в какой бы то ни было земле и полезнейшее влияние правительства на это воспитание, кажется, надобно прежде всего определить смысл самого слова воспитание.

Воспитание в обширном смысле есть, по моему мнению, то действие, посредством которого одно поколение приготавляет следующее за ним поколение к его очередной деятельности в истории народа. Воспитание в умственном и духовном смысле начинается так же рано, как и физическое. Самые первые зачатки его, передаваемые посредством слова, чувства, привычки и так далее, имеют уже бесконечное влияние на дальнейшее его развитие. Стой ума у ребенка, которого первые слова были Бог, тятя, мама, будет не таков, как у ребенка, которого первые слова были деньги, наряд или выгоды. Душевный склад ребенка, который привык сопровождать своих родителей в церковь по праздникам и по воскресеньям, а иногда и в будни, будет значительно разниться от душевного склада ребенка, которого родители не знают других праздников, кроме театра, бала и карнавальных вечеров. «...» Если школьное учение находится в прямой противоположности с предшествующим и, так сказать, приготовительным воспитанием, оно не может приносить полной, ожидаемой от него пользы; отчасти оно даже делается вредным: вся душа человека, его мысли, его чувства раздвоются; исчезает всякая внутренняя цельность, всякая цельность жизненная; обессиленный ум не дает плода в знании, убитое чувство глохнет и засыхает; человек отрывается, так сказать, от почвы, на которой вырос, и становится пришельцем на своей собственной земле» [5, с. 271–272].

Очевидно, что все представленные выше воззрения, помимо того, что они хороши и глубоки в собственно философском ключе и отношении, т. е. вообще, сами по себе, они тем самым еще и полезны образованию как явлению и деятельности, т.к. любомуудрие, т. е. философствование, всегда имело и имеет назидательно-поучительную, именно образовательную в смысле образующую/складывающую/составляющую единое целое функцию. В этом смысле важно обратить внимание на следующие слова христианского теолога, мыслителя и учителя IV века Григория Богослова: «...Или буду говорить в уши слышащих, и тогда слово принесет некоторый плод, именно тот, что вы воспользуетесь словом, потому что, хотя сеющий слово сеет в сердце каждого, однако же плодоносит одно доброе и плодотворное сердце. Или пойдите от меня прочь, смеясь и над этим словом, находя в нем новый предмет к возражениям и злословию на меня, что доставит вам еще большее удовольствие»

[6, с. 19]. Обращение любомудрствующего, а в 27-м Слове Григория Богослова это любомудрование о Боге, должно принести плод, т. е. результат.

Не менее ясно, что и театру как явлению и деятельности также не чужда указанная функция. Это, например, доказывается словами уже великого драматурга, к кому ранее приходилось обращаться в данном исследовании ранее. Так, К.С. Станиславский утверждал и подчеркивал: «На нашем языке это называется: переживать роль. Этот процесс и слово, его определяющее, получают в нашем искусстве совершенно исключительное, первенствующее значение. Переживание помогает артисту выполнять основную цель сценического искусства, которая заключается в *создании «жизни человеческого духа» роли и в передаче этой жизни на сцене в художественной форме* (курсив К.С. Станиславского – М.Ф.). Как видите, наша главная задача не только в том, чтобы изображать жизнь роли в ее внешнем проявлении, но главным образом в том, чтобы создавать на сцене внутреннюю жизнь изображаемого лица и всей пьесы, приспособляя к этой чужой жизни свои собственные человеческие чувства, отдавая ей все органические элементы собственной души.

Запомните однажды и навсегда, что этой главной, основной целью нашего искусства вы должны руководиться во все моменты творчества и вашей жизни на сцене. Вот почему мы прежде всего думаем о внутренней стороне роли, то есть о ее психической жизни, создающейся с помощью внутреннего процесса переживания. Он является главным моментом творчества и первой заботой артиста» [1, с. 33].

Именно это роднит две сферы жизнедеятельности людей, а именно образование, сущность которого прямо раскрывается и подчеркивается в намеренно рассмотренных взорваниях мыслителей прошлого, и театр, концептуальная природа которого на фоне объективного доминирования (что естественно) здесь именно искусства как мастерства исполнения и подачи, не менее фундаментальна и принципиальна.

Рядополагая образование и театр, отвечая на поставленный вопрос о том, что может дать образование театру, принимая во внимание сформированный смысловой контекст (результат расшифровки генома), можно дать такой ответ. Образование как сфера со-зидательных концептов, смыслов, проникая в театр, не позволяет ему опошлиться, обратиться в кич (Крайне любопытной в этой

связи является вышедшая в свет в далеком 1977-м году работа Е.Н. Карцевой, которая сегодня уже списана из фондов хранения библиотек (мелких районных и средних городских абсолютно точно). Исследование получило название «Кич, или торжество пошлости». В нем автор постаралась именно осмыслить суть проблемы, а не просто последовать конфронтационному тренду, идейному противостоянию боровшихся тогда друг с другом сверх-государств – СССР и США. Ее важность и актуальность сегодня несмотря на то, что она была издана в советское время, оказывается, не только не снизились, но еще и возросли, причем, значительно.

Рассматривая явление (кич), зародившееся и распространившееся в западном мире, исследователь осуществляет это с позиции советского человека, т.е. в духе соответствующей идеологии и мировоззрения, однако, не только и не столько в собственном политическом, сколько культурном, философском ракурсе.

Очевидно, что ангажированность тогда была и требованием, и нормой, но главное подлинным ощущением/восприятием людей того времени, той эпохи. Это было само собой разумеющимся, но поэтому, и это показало время (прошедшие 43 года), многое недооценивалось большинством простых советских граждан. Они не были лишены, что важно, способности вести интеллектуальную работу, старались и действительно разбирались во многих вопросах мировоззренческого порядка. Об этом, например, говорит тот факт, что тогда в свет выходило множество крупных и небольших публикаций разного уровня сложности, носивших просветительский характер, но прежде всего позволявших и заставлявших современника думать. Серьёзность подхода и стремлений власти того времени подтверждается объективным фактом – увесистостью тиражей печатной продукции. Так, например, упомянутая работа Е.Н. Карцевой, вышла в свет в 1977 году тиражом 25.000 экземпляров, что серьёзно для брошюры в 158 страниц (7 печатных листов).

Очевидно, что не каждый читал такие статьи, брошюры и книги. Со временем этот факт в жестких условиях холодной войны, т. е. войны идей и идеологий, проводившейся холодно, методично и даже цинично, обернулся переоценкой советскими гражданами, а значит, и страной в целом, своих сил, приведшей к соскальзыванию в тяжелое пикирование, итоги которого известны.

Проблема в том, что многое, о чем говорилось в советской научно-популярной литературе мировоззренческого, философского

толка воспринималось гражданами лишь как чистая идеология, пропаганда и атрибут некой (советской, коммунистической, партийной) соотнесенности и принадлежности, но не как концептуальные конструкты и в определённой мере и степени понимание, проникновение в сущность обсуждаемых явлений, вопросов и проблем, которые в ней (такой литературе) однозначно наличествовали.

Важность идей и серьёзность размышлений того времени состоит в том, что они оказались справедливыми, реальностью, однако, это было неочевидно тогда, но в полной мере прояснилось и доказывается событиями и положением дел уже наших дней, разворачивающихся в современной России XIX века: многие и многие взгляды и факты, формулировавшиеся советской-русской мыслью, не смотря на порой чрезмерную идеологическую ангажированность, перебор, что есть факт, отчетливо фиксируемый из нынешнего времени, оказались глубинными, истинными, что подтвердилось уже постфактум, т. е. уже после гибели СССР и радикальной смены жизненного уклада. Иными словами, многое, что было сказано тогда как справедливый укор другому миру, возможно, даже как предупреждение ему, стало реальностью мира собственного, а именно мира эпохи упадка советской цивилизации, а после – времени современной России, с лихвой вкусившей многое из того, о чем говорилось-предупреждалось в былые времена, которое, развившись, со временем, не кануло в лету, но трансформировавшись и мимикрировав в чём-то даже стало нормой.

В качестве доказательства и иллюстрации справедливости сказанного необходимо и достаточно привести несколько выдержек из первой главы указанной работы и просто провести параллели между ними и актуальной российской действительностью, причем, не с целью ее осуждения и дискредитации, но именно осмысления и дальнейшего конструктивного формирования.

Так, в первой главе книги «Кич, или торжество пошлости» Е.Н. Карцева отмечала следующее: «термин «кич» возник сравнительно недавно – во второй половине прошлого столетия. Его этимология, как полагают многие исследователи, связана с немецким глаголом «verkitschen», что означает «удешевлять». А затем появилось слово «кичмен» – мещанин, человек с дурным вкусом» [7, с. 5]. Развивая мысль, автор отмечает следующее: «Современный потребитель кича, нынешний заказчик и пожиратель пошлости, принадлежит преимущественно к тому слою населения, для

которого характерны достаточная материальная обеспеченность, довольство собой и жизнью, тяга к постоянному украшению этой жизни все новыми и новыми вещами и развлечениями» [7, с. 5]. И далее, что непосредственно связано с проводимым исследованием и важно для него: «Ведь и кич, и подлинное искусство, существующую рядом, пользуются одним и тем же строительным материалом для возведения своих сооружений. Только в одном случае получается настоящий дом, заселенный живыми людьми, а в другом – декорация наподобие потемкинской деревни, из окон которой выглядывают заводные, но внешне не отличимые от человека манекены» [7, с. 10–11]. Наконец, следующее: «...одна из главных черт пошлости: она не столько подражает высокому искусству, не столько числится у него в эпигонах, сколько паразитирует на нем, низводя все, к чему прикоснется, до уровня банальности. «...» Кич, или пошлость – это нищета духа, нищета вкуса, а следовательно, и нищета требований к культуре, сводящихся к гипертрофии украшательства в быту и к замкнутому кругу примитивных моральных схем, получению удовольствия без размышления в искусстве. В то же время кич – это школа конформизма, подмена реальности иллюзиями, манипулирование неразвитым сознанием» [7, с. 17–19]); образование как образ/идея/идей (И. Кант: «Идея есть ничто иное, как понятие о совершенстве, еще не осуществленном на опыте» [7, с. 448]) обозначает ориентир приложения творческих сил, каковым является либо взлет в Небеса, либо падение в Инферно.

Во второй части исследования необходимо решить еще одну задачу, а именно раскрыть вопрос о том, что может дать театр образованию. Для его расшифровки и концептуализации необходимо снова рядоположить явления, сделав это, во-первых, не тривиальным образом, а во-вторых, исходя из установки, что каждое из явлений есть искусство, полагая им «творческое отражение, воспроизведение действительности в художественных образах» [8, с. 186]. Делать это следует в опоре на апробированный, признанный опыт теоретиков в сфере театральной жизни, чей труд на обобщающем поприще есть не просто игра интеллекта, но именно результат кристаллизации, и, говоря образно, аффинажа первоначальной и образующейся в технологическом (т. е. творческом) процессе «субстанции». Очевидно, что в уже очищенном продукте данной специфической сферы жизнедеятельности, обнаруживается нечто, вполне применимое, а главное – способное дополнить и обогатить – иную

область духовного производства. В рассматриваемом случае это образование как явление и как деятельность.

В качестве такого очищенного продукта можно принять воззрения, рекомендации и требования великого театрального режиссера К.С. Станиславского, уже несколько раз упоминавшегося в рамках данного исследования.

Знакомство с его идеями позволяет выделить два принципиальных момента, которые в подлинной мере делают театр искусством: с одной стороны – не позволяют ему упроститься и опошлиться, т. е. стать кичем (концептуально-смысловой уровень); с другой стороны – не утратить живость и трогательность подачи/представления материала (уровень собственно искусства).

В свою очередь, именно это, будучи перенесенными в сферу образования, может сделать его именно искусством в подлинной мере. Представляется, что без этого собственно передача знания и опыта как таковых, т. е. основная функция, не приобретает или же лишается некоего глубинно инспирирующего источника, подвигающего и сподобляющего на свершения каждую из его сторон – обучающих и обучающихся. Очевидно, что в большей мере это относится к преподавателям вузов и учителям школ, что и обуславливает ориентир и характер проводимого исследования. Представляется, что в совокупности с размышлениями его первой части, общая картина приобретет целостный, системный вид, а также, что важно, продуктивный характер для реального, т. е. практического поприща.

Опираясь на утверждение о наличии генетического родства театра и образования, вскрывая, анализируя его, следует отметить еще одно обстоятельство, усматривающееся невооруженным глазом. Речь идет о том, что в каждой из сфер есть своя отправная точка, задающая и определяющая многое: в первом случае – это сценарий постановки, во втором – рабочая программа по предмету. Обычный взгляд воспринимает это нормой, данностью и таким образом, естественно, следует дальше, не фиксируя принципиально важное.

Акцент на очевидном факте позволяет увидеть еще одну, не попадающую в поле зрения при простом взгляде данность, а именно то, что и сценарий, и программа непременно связаны, предусматривают то, что в театральной сфере именуется режиссурой.

Понятно, что для театра это само собой разумеющееся, что даже нашло отражение в ассоциативном ряду: произнося слово «театр», возникает припоминание о режиссере. Для данной сферы жизни и

деятельности это естественно. Однако, как и во всех прочих сферах, тривиальное может сыграть и злую роль: возникающая вследствие этого зашоренность, притупляет или даже гасит потенциал творческого прорыва и полета. Иными словами, решительно важно постоянно ясное понимание того, что такое режиссер. Это важно и самому ответственному лицу, и его труппе.

Заявленное рядоположение двух явлений позволяет сформулировать оригинальную, но при этом не лишенную адекватности и смысла идею о том, что в плоскости образования режиссером предстает субъект образовательно-воспитательной деятельности – преподаватель вуза/колледжа или учитель школы. Важно исходить из того, что это не просто яркий образ рисующийся-воспринимаемый-признаваемый сознанием. Это есть именно концептуализирующая идея, углубленное рассмотрение и понимание которой, действительно преображает первоначальное эмоциональное восприятие: один смысловой объем обогащает и преображает собой другой, рядополагаемый. Очевидно, что для этого необходимо тщательное, проницательное постижение донорского материала. В современных условиях это может оказаться полезным и необходимым и для самой отдающей сферы жизни и деятельности как таковой, т. е. театра, т. к. общие тенденции нашего времени, далеко не всегда созидательные, оказывают влияние и на данную сферу духовного производства.

Таким образом, дальнейшее размышление базируется на утверждении о том, что: 1) преподаватель есть именно режиссер в том статусе и функции, каковую он занимает и выполняет в театре; 2) это и есть тот самый обогащающий вклад, который может предложить театр образованию, концептуализировав тем самым идею о том, что оно есть искусство. Это дает основание и заставляет глубоко разобраться в вопросе, т. е. иными словами, снова погрузиться в «генетику».

Режиссером преподавателя справедливо называть не только потому, что он сам разрабатывает и реализует программу своего предмета. Это внешнее, наиболее заметное и понятное сходство бесспорно. Ответ на вопрос о том, когда и при каком условии преподаватель-профессионал становится еще и режиссером собственных занятий коренится в мировоззренческой плоскости.

Представляется, что мысль о том, что он, т.е. преподаватель, не только может потенциально быть, но фактически всегда является

драматургом своих занятий, должна оказаться выстраданной им. Очевидно, говоря так, подразумевается не физическая боль и мучение, но именно образ тернистости пути и изначальной незаданности понимания данного факта, даже в случае осведомления об этом в теоретическом плане, случившемся когда-то. Такого рода видение должно прийти и сделаться достоянием действующего лица, актора. Важно подчеркнуть, что сказанное точно также относится и к сфере самого театра как искусства. Отличие от образования заключается в том, что в первом случае сама сфера и атмосфера выступают внешними стимулами, однако, не гарантируют достижение поставленного идеала. В обоих случаях требуется напряженное становление, пособием и подспорьем, в котором должна стать та самая очищенная «субстанция».

Преподаватель должен обрести видение и ощущение – мировоззрение – режиссера, разворачивающего и свершающего драму на каждом занятии, при каждом появлении в аудитории. В этом смысле ориентиром, но не кумиром, может представить тов. Торцов К.С. Станиславского – в прямом и переносном смысле главное действующее лицо труда великого русского режиссера под названием «Работа актера над собой в творческом процессе переживания». Его устами К.С. Станиславский сформулировал целый ряд важных, именно концептуальных рекомендаций и требований, которые актуальны и сегодня.

Сказанное выше непосредственно подтверждается утверждениями великого режиссера, которые переводят внимание и понимание вглубь, что имеет решающее значение для решаемых в данном исследовании вопросов.

Драматургия и драматизм учебного занятия как проекция их сущностей, развертывающихся со сцены, отчетливо просматриваются в следующем фрагменте указанной выше работы: «На нашем языке это называется: переживать роль. Этот процесс и слово, его определяющее, получают в нашем искусстве совершенно исключительное, первенствующее значение. Переживание помогает артисту выполнять основную цель сценического искусства, которая заключается в создании «жизни человеческого духа» роли и в передаче этой жизни на сцене в художественной форме» (курсив автора – М.Ф). Как видите, наша главная задача не только в том, чтобы изображать жизнь роли в ее внешнем проявлении, но главным об-

разом в том, чтобы создавать на сцене внутреннюю жизнь изображаемого лица и всей пьесы, приспособляя к этой чужой жизни свои собственные человеческие чувства, отдавая ей все органические элементы собственной души.

Запомните однажды и навсегда, что этой главной, основной целью нашего искусства вы должны руководиться во все моменты творчества и вашей жизни на сцене. Вот почему мы прежде всего думаем о внутренней стороне роли, то есть о ее психической жизни, создающейся с помощью внутреннего процесса переживания. Он является главным моментом творчества и первой заботой артиста. Надо переживать роль, то есть испытывать аналогичные с ней чувства, каждый раз и при каждом ее повторении» [1, с. 33].

Ключевым представляется убеждение, носящее императивный характер, в том, что и реализуемое актером, и задаваемое режиссером/преподавателем действие (т.е. драма в значении «произведение с серьезным сюжетом (в отличии от комедии)» [8, с. 124]; и даже «тяжелое событие, переживание, причиняющее нравственные страдания» [8, с. 124]) должно сопровождаться, а точнее проистекать из сгенерированного в сознании и сердце ощущения-понимания новизны и свежести, невзирая на все новые и новые повторения, что понятно и логично: и перед режиссером, и перед преподавателем всегда, каждый раз оказываются новые, иные зрители и слушатели соответственно. Это в еще большей мере ощущается и решительно значимо в сфере образования, т. к. даже в рамках одного учебного периода (семестр, год), т. е. формально одни и те же обучающиеся группы или потока в целом, по факту прибытия на занятие, оказываются всякий раз новыми-иными относительно предыдущей встречи, и это притом, что их обновление происходит на фоне и в контексте одной и той же программы, не меняющейся по существу от занятия к занятию, но являющейся константой до очередного обновления, утверждаемого начальством того или иного уровня.

Каждое занятие делает их другими, а потому и занятия должны быть всегда свежими в смысле их первозданной (задуманной, прочувствувшей самим актором – режиссером, актером или же преподавателем) оригинальности и натуральными в плане преобразующего потенциала (т. е. не растрачивать базовый заряд и напряжение). Данная мысль также имеет подтверждение со стороны К.С. Станиславского: «В нашем искусстве переживания каждый момент исполн-

нения роли каждый раз должен быть заново пережит и заново воплощен. В нашем искусстве многое делается в порядке импровизации на одну и ту же тему, прочно зафиксированную. Такое творчество дает свежесть и непосредственность исполнению» [1, с. 39].

Сформулированные выше идеи, подкрепленные опытом и статусом признанного авторитета, очевидно, относятся к аспектам внутренней (психологической, духовной) конституции действующего лица, наличие которых только и единственно позволяют ему претендовать на роль и функцию режиссера, будь то сфера театра, или же плоскость образования. Они отражают и описывают дух, который должен быть присущ или развиться со временем, актору. Это именно теоретический, т. е. осмыслительно-проницательный взгляд на вопрос, который призван и должен пустить корни в реальную практическую плоскость.

В качестве иллюстрации такого рода связи-трансформации целесообразно привести еще одну мысль К.С. Станиславского. Полезна и примечательна она тем, что ясно обозначает существенный подводный камень, о который могут разбиться и разбиваются повышенные и высокие интенции режиссеров-акторов (здесь режиссеров и преподавателей). Важно то, что практическое наблюдение и рекомендация, вычленяемые из приводимого далее фрагмента, непосредственно связаны и вытекают из концептуальной установки. Что же касается параллелей между театром и образованием, то они совершенно прозрачны и неумолимы, что, однозначно, действует на сознание обращающегося отрезвляюще.

Так, К.С. Станиславский подчеркивал: «Там, где нет ощущения своего живого чувства, аналогичного с изображаемым лицом, там не может быть речи о подлинном творчестве. Поэтому не обманывайте себя, а лучше постарайтесь глубже вникнуть и понять, где начинается и кончается подлинное искусство. Тогда вы убедитесь, что ваша игра не имеет отношения к нему» [1, с. 46].

Снимая возникающие сомнения, К.С. Станиславский жестко и строго указывал, что в противном случае все превращается в ремесло «с довольно прилично выработанными приемами доклада роли и ее условной иллюстрации» [1, с. 46], которое «начинается там, где прекращается творческое переживание или художественное представление результатов его. В то время как в искусстве переживания и в искусстве представления процесс переживания неизбежен, в ремесле он не нужен и случаен. Актеры этого толка

не умеют создавать каждую роль в отдельности. Они не умеют переживать и естественно воплощать пережитое. Актеры-ремесленники умеют лишь докладывать текст роли, сопровождая доклад раз и навсегда выработанными приемами сценической игры. Это сильно упрощает задачи ремесла» [1, с. 46].

В конечном итоге, как писал К.С. Станиславский, актер неизбежно приходит к упрощениям и штампам, со всеми вытекающими отсюда последствиями: «с помощью мимики, голоса, движений актер-ремесленник преподносит зрителям со сцены лишь внешние штампы, якобы выраждающие внутреннюю «жизнь человеческого духа» роли, мертвую маску несуществующего чувства. Для такого внешнего наигрыша выработан большой ассортимент всевозможных актерских изобразительных приемов, якобы передающих внешними средствами всевозможные чувства, которые могут встретиться в сценической практике. В этих ремесленных приемах самого чувства нет, а есть только передразнивание, подобие предполагаемого его внешнего результата: духовного содержания нет, а есть лишь внешний прием, якобы его выраждающий» [1, с. 47].

Подлинная глубина сформулированного представления и понимания проблемы разворачивается тем и так, что «готовые механические приемы игры легко воспроизводятся тренированными актерскими мышцами ремесленников, входят в привычку и становятся их второй натурой, которая заменяет на подмостках человеческую природу» [1, с. 48]. Однако «эта раз и навсегда зафиксированная маска чувств скоро изнашивается, теряет свой ничтожный намек на жизнь и превращается в простой механический актерский штамп, трюк или условный внешний знак. Длинный ряд таких штампов, раз и навсегда установленных для передачи каждой роли, образует актерский изобразительный обряд, или ритуал, который сопровождает условный доклад текста пьесы. Всеми этими внешними приемами игры актеры ремесленного толка хотят заменить живое, подлинное, внутреннее переживание и творчество. Но ничто не сравнится с истинным чувством, а оно не поддается передаче механическими приемами ремесла. Некоторые из этих штампов еще обладают какой-то театральной эффектностью, подавляющее же большинство их оскорбляет дурным вкусом и удивляет узостью понимания человеческого чувства, прямолинейностью отношения к нему или просто глупостью» [1, с. 49]. Приведенные воззрения великого режиссера неумолимо раскрывают механику превращения искусства в эрзац, в

то, что получило название «кич», упоминание о котором имело место в настоящем исследовании. Здесь они предстают дополнительным весомым аргументом авторитетного профессионала собственного дела: «По уверению ремесленника, задача такой общеактерской речи и пластики (например, звуковая слаженность в лирических местах, скучный монотон при передаче эпической поэзии, зычная актерская речь при выражении ненависти, фальшивые слезы в голосе при изображении горя) заключается якобы в том, чтобы облагородить голос, дикцию и движения актеров, сделать их красивыми, усилив их сценическую эффектность и образную выразительность. Но, к сожалению, благородство не всегда понимается правильно, представление о красоте растяжимо, а выразительность нередко подсказывается дурным вкусом, которого на свете гораздо больше, чем хорошего. Вот почему вместо благородства создалась напыщенность, вместо красоты – красотость, а вместо выразительности – театральная эффектность. И в самом деле, начиная с условной речи, дикции и кончая походкой актера и его жестом, – все служит крикливой стороне театра, недостаточно скромной для того, чтобы быть художественной» [1, с. 50].

Однако тов. Торцов Станиславского оказывается неумолимым, продолжая обнажать уязвимые места, ловко укрепляемые и прикрываемые ремесленниками и поденщиками, для чего им используются более чем яркие слова и обороты: «Беда еще в том, что всякий штамп прилипчив, навязчив. Он въедается в артиста, как ржавчина. Раз, найдя себе лазейку, он проникает дальше, размножается и стремится охватить все места роли и все части актерского изобразительного аппарата. Штамп заполняет всякое пустое место роли, не заполненное живым чувством, и прочно устраивается там. Более того, очень часто он выскакивает вперед до пробуждения чувств и загораживает ему дорогу, поэтому актеру приходится бдительно оберегать себя от услуг назойливого штампа» [1, с. 50]. И далее: «Все сказанное относится даже и к даровитым актерам, способным к подлинному органическому творчеству. Про актеров ремесленного типа можно сказать, что почти вся их сценическая деятельность сводится к ловкому подбору и комбинации штампов. Некоторые из этих штампов имеют свою красивость и занимательность, и неопытный зритель даже не заметит, что это не более как механическая актерская работа. Но как бы ни были совершенны актерские штампы, сами по себе они не могут волновать зрителей» [1, с. 51].

Подлинная трагедия такого сценария заключается в том, что, в конечном итоге, люди, не будучи художественно развитыми, не имея такой возможности изначально (в следствие распространения эрзаца и затмевания им собой подлинного бытия), вынуждены довольствоваться симулякрами не имея лучшего, а главное – в принципе не зная о нем: «художественно неразвитые люди не разбираются в качестве этого впечатления, а удовлетворяются грубой подделкой. Сами актеры этого типа часто бывают уверены, что они служат подлинному искусству, не сознают того, что они просто занимаются сценическим ремеслом» [1, с. 52].

Подводя итог второй части исследования, важно отметить лишь то, что все приведенные соображения и возврзения на счет театрального искусства в полной мере проецируются и относятся к сфере образования: читая «Работу актера над собой в творческом процессе переживания» К.С. Станиславского такие параллели возникают естественно, сами собой – необходимо лишь заменить слово «актер» на «преподаватель». В этом, как представляется, и состоит сущность режиссера, подлинного актора и драматурга творимой реальности, разворачивающейся или на сцене, или же в учебной аудитории вуза/колледжа/школы. Проблема и вопрос заключаются в том, имеет ли преподаватель вуза/колледжа или учитель школы представление об этом знании и опыте, что обуславливает возможность их использования или неиспользования в личной повседневной профессиональной практике. Сегодня этот опыт, как и многое другое знание, оказывается или внутрищеховым достоянием, т. е. тем, что известно узкой группе причастных лиц, или же вовсе ускользающей реальностью, растворяющейся в общем потоке данных и событий.

Выводы

В качестве заключения для всего проделанного исследования представляется необходимым сделать важное приложение к нему, которое в полной мере наглядно докажет и обоснует справедливость всех сформулированных идей.

Для этого хотелось бы привести несколько студенческих работ, некогда полученных автором-преподавателем в рамках проведения образовательно-воспитательной работы с студентами-современниками. Причина и дело в том, что они представляют собой их личный отклик, рефлексию на некогда проделанную, проведенную с ними работу, модусом и императивом которой были изложенные

автором-преподавателем воззрения. Содержание данных работ убедительно свидетельствует, что две сферы духовного производства – театр и образование – во-первых, суть искусство в высоком философском смысле, а во-вторых – взаимно дополняют и обогащают (в случае грамотного подхода) друг друга.

Использованная литература

1. Станиславский, К. С. Работа актера над собой в творческом процессе переживания: дневник ученика / К. С. Станиславский. – Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2016.
  2. Философский энциклопедический словарь. – Москва : Инфра-М, 1997.
  3. Сергейцев Т. Идеология русской государственности. Континент Россия / Т. Сергейцев, Д. Куликов, П. Мостовой. – Санкт-Петербург : Питер, 2020.
  4. Кант, И. Трактаты и письма / И. Кант. – Москва : Наука, 1980.
  5. Хомяков, А. С. Всемирная задача России / А. С. Хомяков. – Москва : Институт русской цивилизации, 2008.
  6. Святитель Григорий Богослов Избранные творения. – Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2008.
  7. Карцева, Е. Н. Кич, или торжество пошлости / Е. Н. Карцева. – Москва : Искусство, 1977.
  8. Лопатин, В. В. Малый толковый словарь русского языка / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – Москва : Русский язык, 1990.
-

2.9. Мудрые прозрения философов на службе преподавателю философии

Данная статья была опубликована в 2022-м году в журнале «Культура и образование» (№ 4 (47), с. 68–79).

На протяжении жизни человеку приходится сталкиваться с различными явлениями. Одно из них – философия, с которой ему доводится встречаться либо как с проявлением человеческой мысли, либо как с наукой (учебной дисциплиной). Одни рассматривают её как средство избавления от всех злободневных интеллектуальных вызовов, другие считают, что это сугубо теоретическая область знания, бесполезная для реальной практической жизни. Очевидно, что каждый случай, особенно доведённый до предела, есть крайность, не сулящая ничего позитивного и конструктивного, а потому и требующая разъяснения и корректировки. Это, в частности, возможно в случае и процессе получения человеком образования (в колледже или вузе), ибо под образованием подразумевается не только «школьное обучение, но формирование образа Человека в человеке» [5, с. 156].

Современные студенты российских колледжей и вузов сегодня зачастую относятся ко второй группе, и именно по этой причине оказываются не готовыми (не горят желанием) изучать философию-предмет, не входящий, по их мнению, в число дисциплин, значимых для осваиваемой ими специальности. Однако вне зависимости от их желаний философия пока остаётся обязательной, а по итогу освоения курса студент обязывается сдать экзамен или получить зачёт с оценкой.

Такого рода диалектика, которая в большей мере объясняется вседозволенностью, а также злоупотреблениями в понимании и реализации свободы со стороны обучающихся, являющимися следствием укоренения в современность т. н. «либерального» тренда, только дополнительно отягощает работу преподавателя-философа: помимо основной задачи – доведения материала дисциплины, ему приходится прилагать усилия для преодоления возникшего у молодых людей непонимания важности данного предмета, отчуждения от него, равно как от всего того, что заставляет напрягаться интеллектуально и духовно. Данная тенденция не нова и подмечена давно. Так, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова А.С. Панарин

ещё в начале 2000-х годов отмечал, что «в сфере специализированного образования и повышения квалификации мы непрерывно слышим жалобы со стороны обучаемых, сетующих на то, что им дают «слишком много теории», слишком много непрофильных знаний, которые вряд ли им пригодятся на конкретном рабочем месте» [6, с. 30]. Сформулированная позиция подтверждается личной практикой автора данной статьи: с 2014 года и по настоящий момент, начиная курс предмета «Основы философии» (СПО) или «Философия» (ВО), на первом же занятии проводя опрос новых групп и потоков студентов, задавая им вопрос: «Какой вопрос сразу же возник в вашем сознании, когда в расписании вы увидели предмет «Основы философии» (СПО) или «Философия» (ВО)?», первым и наиболее эмоционально окрашенным ответом (от скромной робости формулировки до самой грубой и жесткой конструкции) был вопрос «Зачем?», который появляется у 63% опрашиваемой аудитории (каждый раз это отдельная группа потока и набора). Очевидно, и это важно подчеркнуть, что это совсем не говорит о морально-нравственных и интеллектуальных отклонениях или даже ущербности аудитории. Такое видение и восприятие, естественно, недопустимы. Положение дел обусловливается, как это видится исследователю, недостаточностью (объём, время) смыслобразующей работы и слабостью подготовленности (мудрость, глубина профессионализма ответственных) за то деятелей на предыдущих этапах процесса формирования «образа Человека в человеке», следствием чего появляется и является фиксируемая на 1–2 курсе колледжа/вуза концептуальная недостаточность, понимать которую вполне допустимо и следует в духе и смысле медицинского понятия «сердечная недостаточность».

Задачей обучающего в такой ситуации становится не только прояснение студентам смысла и предназначения философии, но и помочь в преодолении искушения сегрегацией знания, т. е. его действия на «нужное» и «ненужное», сталкиваясь и впадая в которое в их сознании возникает вопрос: «Зачем мне, будущему экономисту (строителю/врачу/военному) философия?» Предельное обострение и утяжеление указанной задачи-проблемы состоит в том, что сформулированный выше вопрос «Зачем?» разрастается и в конечном итоге охватывает всё, что не относится к теме и плос-

кости материального существования и благополучия современника, обретая новую формулировку типа: «Зачем мне всё это, если оно не про благосостояние и деньги?» Его последствия, что очевидно, носят гораздо более серьёзный деструктивный характер уже хотя бы тем и потому, что заключают человека в плоскости исключительно посюстороннего, дальнего и краткосрочного. Преодоление и предотвращение указанных случаев и будет практическим преодолением концептуальной недостаточности, бичующей многих и многих современников, в особенности молодых.

Важность такого рода работы становится понятной из суждения уже процитированного ранее профессора А.С. Панарина, который так развил своё воззрение насчёт знания, кажущегося кому-то излишним: «Всё дело как раз в том, что этот «излишек знаний» и является источником социально-экономической и промышленной динамики современных обществ. Благодаря этому излишку возникает «зазор» между личностью и производственной ситуацией, между культурой и промышленностью, между теорией и практикой. Этот зазор становится источником перманентного творческого беспокойства, резервом иначе-возможного. Подобно тому, как неизрасходованная в личном потреблении часть прибыли становится источником мировой динамики капитала, постоянно ищащего новые точки своего приложения, «неизрасходованные на рабочем месте знания становятся источником научно-технических революций и общей социокультурной динамики модерна, ни в чём не находящего окончательного успокоения» [6, с. 30].

Как показала личная педагогическая практика, данное воззрение авторитетного учёного, предлагаемое обучающимся цитатой в рамках самых первых занятий по философии как аргумент к заявленной позиции и как повод для размышлений в данной связи, вполне адекватно и серьёзно воспринимается аудиторией, которая, как выясняется, действительно жаждет подлинно трудного текста, серьёзного смысла и такого же обращения к себе. Особый колорит его использованию (воззрения в цитате) сегодня придаёт тот факт, что оно было сформулировано в далёком 2003 году, – году, когда родились многие сегодняшние студенты, в том числе и те, кому выпало осваивать философию под руководством автора данного исследования: прошедшие годы и события в них уже красноречиво

доказали и продолжают подтверждать его справедливость, а проведение личных параллелей (сопоставление годов, а через то видение себя в моментном и историческом ракурсе) только подкрепляет возникающее видение.

Закономерно возникает вопрос о том, что и как должно делать и поступать преподавателю философии в так развивающейся обстановке, но при этом в ключе указанной выше руководящей концептуальной установки, морально и формально довлеющей над ним. Данный вопрос для него действительно стоит остро, ибо в силу профессиональной подготовленности он оказывается тем, кто остается других видит и ощущает практику. Дополнительная острота проблемы заключается в том, что по своей сути она совсем не нова. Более того, некогда она уже была ярко и убедительно обозначена, однако уроки и выводы, как показывает актуальная действительность, не были сделаны. Об этом говорит происходящее в современной России и мире вообще. То, случивающееся сейчас, разительно описал (а в чём-то, что становится очевидным при рассмотрении из сейчас, именно предсказал) в далёком XIX веке великий Ф.М. Достоевский, в уста одного из своих героев вложивший такие слова: «...Учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развил своих жертв, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши. Присяжные, оправдывающие преступников сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают! С другой стороны, послушание школьников и дурачков достигло высшей черты; у наставников раздавлен пузырь с желчью; везде тщеславие размеров непомерных, аппетит зверский, неслыханный... Русский бог уже спасовал пред «дешовкой». Народ пьян, матери пьяны, дети пьяны, церкви пусты, а на судах: «двести розог, или тащи ведро». О, дайте взрасти поколению! Жаль только, что некогда ждать, а то пусть бы они еще попьянее стали! <...> Но одно или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного, подлецкого, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, – вот чего надо!» [3, с. 378–384]. Это и есть результат воплощения в

практику того самого вопроса «Зачем?», причём той его формулировки, которая поступательно дошла до предела.

Многолетний опыт работы показывает, что изменению ситуации способствуют доводы преподавателя, подкрепляемые лаконичными и ёмкими идеями известных философов, имена которых навсегда вписались в историю человеческой мысли, мудрости. Это очевидное на первый взгляд решение оказывается не таким простым и лёгким в плане реализации.

Сложность обуславливается прежде всего характером отношения к используемому материалу самим преподавателем. В идеале он должен рассматриваться в качестве вспомогательного знания, а не просто средства создания специфического (философического) антуража, а во-вторых, он непременно обязан иметь отношение к актуальной действительности, т. е. касаться и отражать настоящую жизнь, а не способствовать убеганию мысли от неё в заоблачную высь теоретического построения, ибо, что в равной мере важно для каждого из указанных обстоятельств, философия, «лишённая выходов к живой жизни, из которой и для которой она возникает, философская теория может предстать и порой предстаёт в виде схоластической игры в непонятные слова» [7, с. 13]. Указанные условия, несмотря на их очевидность и ясность при прочтении, т. е. в случае намеренного акцентирования внимания на них преподавателя, а через него, естественно, и обучающегося, далеко не всегда воплощаются на практике, что не способствует снятию ранее обозначенного вопроса-вызова.

Следовательно, первым шагом на пути к достижению, реализации двух указанных выше целей, является работа над самим собой. Речь в данном случае идёт о непрестанном самоличном напряжении и концентрации субъектом образовательно-воспитательного процесса собственного ума, пресечении и недопущении им себе возможности подчиниться (а точнее – соскользнуть) обволакивающему сознание модусу привычности, обыденности и шаблонности делания/выполнения своей работы. Это, опять же, очевидно в теоретическом плане, однако умозрительная ясность не искореняет порочную практику, что и обуславливает необходимость инициации и составления разговора на сей счёт – как средства если не пол-

ного преодоления, то хотя бы корректировки расхождения позиций, а также нивелирования отрицательных последствий такого стечения обстоятельств.

Что может и должно стать ингибитором деструктивной тенденции? Выработанным, лично проверенным, подлинно отрезвляющим сознание средством является мысль, которая должна стать позицией преподавателя (равно как и всякого человека вообще, если экстраполировать рассматриваемую проблематику на все прочие уровни и аспекты жизнедеятельности), о том, что всё совершающееся в аудитории – это прямой эфир. Речь идёт не об образном, но непосредственном понимании использованного словосочетания, причём в том его смысле и содержании, которые вкладываются работниками медийной сферы: прямой эфир – это open air, прямая трансляция. Технологизация жизни, непосредственное, но не профессиональное, ибо для причастных специалистов-деятелей эта тема многое более явственна и очевидна, пересечение современника с медийной сферой лишь способствует личному практическому развертыванию понятия и образа, стоящего за ним, в плоскость личного делания, а именно дух и тело образовательно-воспитательного процесса в колледже/вузе в данном случае. Здесь важно отметить и подчеркнуть, что сама по себе данная идея не является открытием, однако она должна сделаться таковым – открытием – в личном плане, став результатом активной работы человека над самим собой в профессиональном и человеческом отношении. Для этого, прежде всего в целях оптимизации и сбережения временного ресурса, человеку необходимо услышать об этом. Стало быть, кому-то ему о том необходимо сказать, ибо далеко не каждый способен выйти на уровень чётких и ясных формулировок, даже при появлении и наличии внутренних ощущений и чувствований чего-то большого и важного по данному, ставшему актуальным, вопросу, проблеме. Речь идёт о том, что именно лёгкость припоминания и сравнения в моменте чего-то (учебной пары, семинарского занятия, например) с прямым эфиром способно тут же оказать мощное катализическое воздействие на генерирование или же поддержание в сознании сосредоточенной ответственности за воплощение теории в практику, задуманного – в реальность. Важным условием является достаточно простое обстоятельство: такую параллель, такой

образ необходимо когда-то узнать или выработать, то есть, как сказано выше, услышать. Кто-то дойдет до такого заключения-сравнения личным эмпирическим путём, кто-то обнаружит пример, обращаясь к книге, а кто-то от появившегося на горизонте другого человека, каковым в случае с образованием является преподаватель. Последнее дополнительно подчеркивает необходимость и важность вспомогательного знания, которое оказывается таковым сначала для самого субъекта образовательно-воспитательной деятельности, а затем и для всех тех, кто оказывается в орбите его влияния.

Связывая в единое целое сказанное ранее, важно отметить следующее. Самостоятельно узнавая-вырабатывая нечто концептуализирующее себя сейчас, в последствии это нечто оказывается транслируемым далее кому-то: передача происходит на обыденном уровне (повседневная жизнь) или же уровне профессиональном (учебный процесс). Условием и средством оптимизации и повышения эффективности такой работы может и должно быть подкрепление вспомогательным знанием – цитатами из первоисточников, – т. е. того, что некогда было сформулировано видными (и не очень) мыслителями, и что оказалось лично найденным, осмысленным-пережитым когда-то, а потому и применяемым в концептуальной деятельности того или иного уровня сейчас, каковой в данном случае предстаёт проработка и проведения занятий по философии-предмету. В последнем случае это приобретает особо важное значение, т. к. охвату, а потому убеждению, форматированию и переформатированию подлежит множество студенческих умов, поставленных и пребывающих в положении объекта профессиональной деятельности, т. е. подвластных и подчинённых сознанию, мысли и воле того, кто её осуществляет – преподавателя-философа, – что, очевидно, порождает и накладывает на него колossalную ответственность. Именно так – в такой логике и фактуре – может и должно реализовываться использование и встраивание в собственную работу преподавателя лаконичных и ёмких идей известных философов, имена которых навсегда вписались в историю человеческой мысли, мудрости: пропущенные через призму своего сознания, прочувствованные (даже выстраданные) и связанные с действительностью, они предстанут тем триггером, что включает понимание и памятование о происходящем-делаемом как прямом эфире, а совокупность указанных факторов обеспечит тот

результат, что и всё совершающее преподавателем дело, и сам вспомогательный материал, используемый в его рамках, точно не окажутся красивой игрой в непонятные слова, а потому не случится отрыва философии от реальной жизни, а потому родится интерес к ней, что собственно будет решением, преодолением трудных целей и задач, стоящих перед преподавателем философии-дисциплины сегодня, обозначенных выше.

В качестве иллюстрации сказанному целесообразно привести мысль австрийского психиатра В. Франкла, суть которой способна подсветить, разъяснить и обосновать все его аспекты. Речь идёт о следующем размышлении учёного насчёт ответственности человека, а именно о её сущности: «Что же такое ответственность? Ответственность – то, к чему человек «склонен» и от чего он пытается «уклониться». Сам язык указывает нам на присутствие в человеке сил, которые пытаются его удержать от его же собственной ответственности. Ответственность разверзается перед нами, словно бездна, и чем дольше и глубже размышляем мы о ее природе, тем более опасаемся, покуда не охватят дурнота и головокружение. Ведь стоит углубиться в суть человеческой ответственности – и устрашишься: что-то ужасающее есть в этом понятии, но есть и ободряющее. Пугает – знать, что в любой момент жизни я несу ответственность за следующий миг, что каждое мое решение, самое малое, как и самое крупное, свершается «на все времена»: в каждый момент я воплощаю или упускаю какую-то возможность, возможность этого момента. Каждое мгновение приносит тысячи возможностей, а я могу избрать и осуществить только одну, а все остальные таким образом обрекаю на небытие – и опять-таки «на все времена», навеки! Но вот что ободряет: знать, что будущее, мое собственное и разных вещей, людей вокруг меня, каким-то образом, пусть даже в малой мере, каждый миг зависит от моего решения. То, что я сейчас осуществляю, что «свершу в мире», то спасу в реальности и сохранию в убежище прошлого» [9, с. 62].

Продолжая работу, важно отметить следующее. Сформулированная позиция и преподавательская работа в её духе в скором времени сталкивается с появлением в сознании субъекта образовательно-вспомогательной деятельности обескураживающего его видения ситуации как чего-то, что уже придумано и известно людям. Это обстоя-

тельство может оказаться столь же эффективным выключателем ранее родившегося ясного и ответственного (прямой эфир) видения и отношения происходящему к нему. Спасительным средством в такой ситуации, как ни странно, но снова оказывается вспомогательное знание, т. е. всё те же формулировки великих, которыми, естественно, важно мудро воспользоваться, а для того хотя бы их знать и хотя бы раз искренне и глубоко, т. е. не формально, обдумать.

Одной из таких вспомогательно-спасительных максим являются слова древнегреческого философа Аристотеля о том, что «чуть ли не всё уже давным-давно придумано, но одно не слажено, другое, хотя и известно людям, не находит применения» [4, с. 476]. Таковой её можно считать в силу следующего.

Во-первых, будучи прежде (т.е. некогда ранее) обнаруженной, т. е. вычитанной, что не просто в море идей великого мыслителя, не говоря уже о мысли вообще, это становится примером тонкой и вдумчивой работы субъекта с интеллектуальными артефактами – философским наследием прошлого, в котором сегодня, подобно археологам, приходится в прямом смысле слова вести раскопки и сортировку исторических философских напластований. Очевидно, что дух и смысл данного наблюдения в большей мере касается профессионала, т. е. в данном случае преподавателя философии колледжа или вуза, однако, в принципе, касается каждого: всякое обнаружение чего-то, что трогает и приводит в движение душу, есть открытие для данного человека, которое при этом вполне может и не быть таким для другого, который в свою очередь может воспринимать реакцию первого как странность в виду очевидной для него банальности обнаруженного тем. Вполне очевидно, что данный факт, являющийся объективной закономерностью, в определённой мере способен снять обескураживающее напряжение, обозначенное выше.

Во-вторых, будучи процитированной преподавателем-профессионалом в рамках занятия, т. е. выданной, представленной в качестве вспомогательного материала планового занятия по философии-предмету, она (максима Аристотеля) также оказывается терапевтическим средством для снятия непременно возникающего в таком случае психологического напряжения и дискомфорта, обуславливающегося открытием некогда уже открытого. Без выдачи (преподаватель) и соответственно приёма (студент) такого «обезболивающего» риск разрастания первоначального вопроса «Зачем?» и

последующего его перерождения в патологический максимум естественно-закономерно увеличивается. Психологический терапевтический эффект, как это видится автору исследования, заключается и обуславливается следующим.

Ссылка в контексте рассмотрения данной (плановой) проблематики на древнего и мудрого Аристотеля и факт личного осознания или ознакомления с некоторой закономерностью, открывающейся внутри неё, о которой, как выясняется, давным-давно известно, в определённой мере уравнивает сделавшего открытие с фигурой Аристотеля. Успокаивающее сближение состоит и работает тем и так, что, оказывается, восхождение к фундаментальным смыслам, понимание в широком ракурсе концептуальных текстов, возможно и доступно не только великим мыслителям; что, как выясняется, и они мучились всё теми и такими же вопросами, что актуальны сейчас. Очевидно, что при таком рассмотрении и подходе чья-то ёмкая и яркая формулировка (максима) действительно предстаёт инструментом, средством вспомоществования, а не фruстрирующим и обескураживающим явлением.

Должно подчеркнуть, что всё это оказывается принципиально и много более важным, что в случае с неподготовленным человеком (аудиторией), где и когда простая констатация, высыпание фактов (цитат) навалом может статься дополнительным источником и причиной разочарования неофита в философии и ещё большего закрепления его сознания в первоначально имеющемся модусе вопроса «Зачем?» Действительно, что говорить о его эмоциональном состоянии, если смятение и ропот появляются и одолевают ум преподавателя, однозначно, много больше и глубже погружённого в глубины и коллизии философской реальности? Следовательно, неточное, а точнее, не тонкое, т.е. только для колорита и авторитетности повествования, проведение доводов и параллелей, снабжённое фактурой вспомогательного знания, может породить и вызывает отторжение обучающейся аудитории, ибо она изначально воспринимает философию поверхностно и без вдохновения, которое ещё только должно быть сгенерировано на занятиях, причём занятиях самых первых. Задачей первых занятий, как и всякой инициации вообще, оказывается покорение, очарование и увлечение ума новоначального или, как полагал всё тот же Аристотель, удивление его. Философия, как, опять же, говорил тот самый Аристотель, должна начаться с удивления.

Так, древнегреческий мудрец утверждал: «и теперь, и прежде удивление побуждает людей философствовать, причём вначале они удивлялись тому, что непосредственно вызывало недоумение, а затем, мало-помалу продвигаясь таким образом далее, они задавались вопросом о более значительном, например, о смене положения Луны, Солнца и звёзд, а также и о происхождении Вселенной. Но недоумевающий и удивляющийся считает себя незнающим (поэтому и тот, кто любит мифы, есть в некотором смысле философ, ибо миф создаётся на основе удивительного). Если, таким образом, начали философствовать, чтобы избавиться от незнания, то, очевидно, к знанию стали стремиться ради понимания, а не ради какой-нибудь пользы. Сам ход вещей подтверждает это; а именно: когда оказалось в наличии почти всё необходимое, равно как и то, что облегчает жизнь и доставляет удовольствие, тогда стали искать такого рода разумение. Ясно поэтому, что мы не ищем его ни для какой другой надобности. И так же, как свободным называем того человека, который живет ради самого себя, а не для другого, точно так же и эта наука единственно свободная, ибо она одна существует ради самой себя» [1, с. 11–12].

Именно этому и должны способствовать используемые, некогда найденные и пропущенные через призму собственного сознания преподавателя формулировки известных мыслителей прошлого и настоящего: именно так философия преодолевает искушение, не делается или же перестаёт быть игрой в непонятные слова.

Подводя итог проделанной работе, важно сделать выводы, учёт которых может способствовать оптимизации образовательно-воспитательной деятельности преподавателя-философа, в случае их принятия им.

Первое. Описанный способ обращения с философской фактурой (мысль в тексте вообще), дошедшей до нас и оказывающейся легко доступной нам сегодня, есть пример того, как философия помогает сама себе. Это, однако, возможно при соблюдении важного условия: всё излагаемое преподавателем-предметником от лица субъекта образовательно-воспитательной деятельности (позиция преподавателя-предметника), от первого лица (своя личная позиция), от лица известных философов (позиция какой-то исторической личности) должно быть так передано аудитории обучающихся,

чтобы их сознание начало приходить в движение и от факта осознания известности, и факта личной причастности сути и духу как уже предъявленных преподавателем проблем, так и только пунктирно обозначаемых им вопросов, ещё подлежащих персональному осмыслению далее, позднее.

Фактором, естественно облегчающим задачу преподавателя-философа, является то, что, в принципе, все поднимаемые темы являются вопросами и вызовами, знакомыми обучающемуся (да и человеку вообще), просто до данного момента – акцентирования на занятии по философии (или же какими-то жизненными обстоятельствами, если говорить об обывателе в целом) – оказавшимися в смысловом пассиве студента (личности), которые, стало быть, нужно активизировать и подкрепить. Показательный пример-сравнение этому, одновременно являющейся и научным фактом, обнаруживается в деле и методике изучении иностранного языка. Известно, что лексические единицы неродного языка, хотя и некогда семантизированные (введённые в оборот, ставшие известными), но долго не употребляющиеся в актуальных условиях, постепенно уходят в пассив. Иными словами, оставаясь знакомыми, они больше не способны раскрывать в данный, нужный момент смыслы текстов, в которых употребляются. Чтобы понять их лексическое значение, требуется некоторое время, нужен инструмент (словарь), которые могут отсутствовать. Из-за этого возникает нечеткость перевода, порождающая искажение аутентичности текста. Похожая ситуация имеет место и в философии: «затуманенные» или выпадающие из поля зрения категории и проблемы оборачиваются концептуальной недостаточностью, вследствие чего обучающийся (в широком смысле – человек) теряется и начинает совершать ошибки. Это в свою очередь отражается на безопасности всех аспектов и его бытия, и бытия общества в целом, т. е. экономической, политической, информационной, но главное, духовной сфере жизни.

Второе. Активизации интереса к философии способствует удивление, логика и механика которого предложены и описаны Аристотелем более двух тысяч лет назад, что самим по себе предстаёт существенным аргументом их действенности. Схематично этот процесс можно изобразить так: удивляющийся считает себя незнающим → начинает философствовать, чтобы избавиться от незнания → приобретает знания → восходит к пониманию, а не просто пользе узнанного.

Так он продвигается от вопроса «Зачем мне необходима философия?», возникающего на первом этапе изучения дисциплины, к вопросу «Почему мне нужна философия?», обретающего такую форму на последующей стадии инициации и обучения, в случае их грамотной организации преподавателем-философом.

Так образование, понимаемое как «формирование образа Человека в человеке», постепенно наполняется духом гейзенберговского понимания и отношения к нему, а именно: «Образование – это то, что остается, когда забыли все, чему учились. Образование, если угодно, – это яркое сияние, окутывающее в нашей памяти школьные годы и озаряющее всю нашу последующую жизнь. Это не только блеск юности, естественно присущий тем временам, но и свет, исходящий от занятия чем-то значительным» [2, с. 15].

Так преодолевается концептуальная недостаточность современника, бичующая все аспекты его бытия в настоящее время.

Использованная литература

1. Аристотель. Метафизика. – Москва : Эксмо, 2019.
  2. Гейзенберг, В. Избранные философские работы (Шаги за горизонт. Часть и целое (Беседы вокруг атомной физики)) / В. Гейзенберг. – Санкт-Петербург : Наука, 2006.
  3. Достоевский, Ф. М. Бесы / Ф. М. Достоевский. – Москва : Эксмо-пресс, 1998.
  4. Мыслители Греции. От мифа к логике: сочинения. – Москва : Эксмо-пресс, 1998.
  5. Осипов, А. И. Что такое счастье? / А. И. Осипов. – Москва : АСТ, 2020.
  6. Панарин, А. С. Правда железного занавеса / А. С. Панарин. – Москва : Алгоритм, 2006.
  7. Проблемное преподавание философии в вузе: сборник научных трудов. – Свердловск : УрГУ, 1988.
  8. Сердечная недостаточность. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-predstavlenie-o-hronicheskoy-serdechnoy-nedostatochnosti/viewer> (дата обращения: 08.02.2023).
  9. Франкл, В. Доктор и душа. Логотерапия и экзистенциальный анализ / В. Франкл. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2018.
-

ГЛАВА 3. ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ УГРОЗ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Работа преподавателя неизбежно предполагает анализ и осмысление происходящего вокруг, причём, далеко не только того, что *непосредственно связано с обучением и воспитанием подопечных*. Адекватное времени и событиям в нём преподавание предмета требует *расширения кругозора, учёта того и такого, что на первый взгляд может показаться совершенно далёким от педагогики и специфики данной дисциплины*, вне зависимости от того относится ли она к гуманитарному или естественнонаучному циклу.

Причастность к философии дополнительно обостряет и разогревает отмеченную особенность: обязывает преподавателя философии становиться преподавателем-философом, увлекающимся не игрой в непонятные слова и конструированием прекрасных формулировок, но человеком, пытающимся охватить мысленным взором злободневные проблемы и подлинные вызовы, делающим это на высоком экспертном уровне, что обусловливает и требует профессия, что в совокупности только и может обеспечить эффективность и качество педагогической работы, приобретающей в таком и только таком случае подлинно концептуальный характер.

Работая преподавателем «Философии», автору монографии удалось написать несколько статей, отвечающих сформулированному выше критерию, которые предлагается привести далее в отдельной Главе. Затрагиваемые в них вопросы и проблемы, как представляется, имеют непосредственное отношение к педагогической работе, которая не может осуществляться в атмосфере непонимания действительности и в состоянии личной интеллектуальной разреженности и индифферентности.

3.1. Педагогическая безопасность как ответ на актуальные вызовы современности

Научная статья с таким названием вышла в свет в 2016-м году на страницах журнала «Азимут научных исследований: педагогика и психология» (№ 4 (17), с. 280–283).

В настоящее время актуально и даже принято рассуждать, на тему колossalного ускорения жизненного ритма, с чем действительно, невозможно не согласиться.

Об этом современному постоянно напоминает не только реклама на ТВ и в Интернете, мастерски эксплуатирующая эффектный мотив, обеспечивающий экономическую эффективность, но и, что примечательно и важно, сознание самого современника, рефлекторно выталкивающее его из водоворота событий, требуя глоток отрезвляющего от рутины воздуха, который он все чаще и чаще ... не находит.

На первый взгляд, в сказанном нет ничего нового. Если же вспомнить слова Аристотеля (384–322 гг. до н. э.) о том, что «чуть ли не все уже давным-давно придумано, но одно не слажено, другое, хотя и известно людям, не находит применения» [1, с. 256], отмеченная данность предстает тривиальной и даже располагающей к некоторому интеллектуальному и духовному расслаблению.

О последнем свидетельствует тот факт, что сегодня многие современники получают от разговоров на тему политики, противостояния с Западом, духовного кризиса и упадка нравов, необходимости наведения порядка в стране, недопустимости супружеской неверности и прочее, схожее с гастрономическим, удовольствие, хотя речь и идет о важнейших для жизни вопросах.

Порой складывается впечатление, что все действительно знают всё, однако почему-то явка на выборы органов власти – низкая, семьи – неустойчивы, дворы – замусоренные, студенты – прогульщики ...

Говоря так, важно подчеркнуть, в сотый раз подчеркнуть, что сказанное не есть осуждение современника в том глубинном смысле, который раскрыт и заповедан людям в первом стихе седьмой главы Евангелия от Матфея: «Не судите, да не судимы будете».

Это тревога, признание самому себе, что сегодня действительно наличествует серьезная, но незаметная обычному взору опасность, заметить которую позволяет и помогает, в частности, личное акцентирование внимания на скоротечности времени жизни.

Выход на проблематику быстротечности времени имеет в случае данной статьи именно вспомогательное значение.

Эта объективная действующая, ощущимая реальность позволяет переместиться на более утонченный и серьезный уровень обнаружения, осмыслиния и разрешения проблем человека, от которых он, несмотря на технические достижения цивилизации, не только не избавился, но даже именно обзавелся дополнительно.

Одновременную обеспокоенность сознания и расслабленность души современника следует рассматривать не просто как сформировавшуюся социальную данность, но именно вызовом ему.

Он заключается даже не в том, что обозначенная проблема, как частное проявление большой актуальной непростой реальности, обсуждается за столом на кухне, в парке на лавочке, ток-шоу на ТВ, учебном занятии в колледже или университете, а в том, что сегодня такое обсуждение незаметно для современников, обратилось, впервых, в самоцель, а, во-вторых, в некое внешнее прикрытие внутреннего разлада (с.ф. мысль Аристотеля).

А это совсем не праздный вопрос, а проблема, касающаяся *безопасности* личности и общества: духовная расслабленность, порождаемая (в частности) кажущейся известностью всего и вся, обрачивается мнимой мудростью, внешней формой драпирующей внутренний разлад, который, в свою очередь, размывает идентичность личности и нации, превращая ее в безвольную серую массу оскотинившихся, некогда бывших *homo sapiens* особей мужского и женского пола, которых, к тому же, в современном тренде все сложнее и сложнее дифференцировать по гендерному признаку.

Действительный ужас заключается в том, что начинают реализовываться-оживать страшные идеи авторов антиутопий (образы романа «1984» (1949 г.) Дж. Оруэлла) и прозрения писателей-психологов-знатоков национальной души (прямые предсказания Ф.М. Достоевского в легенде о великом инквизиторе в «Братьях Карамазовых» (1880 г.) или в монологе Петра Верховенского в «Бешах» (1871–1872 гг.).

Наблюдаемое сегодня претворение в жизнь художественных образов, естественно, не являющихся зловеще заготовленным сценарием, партитурой, но авторским видением страшного иначе-возможного, постепенно переходящего из статуса «потенциальное» в статус «реальное», обязывает настоящего жителя некнижной реальности

принципиально по-иному рассматривать свойственную и известную «падательность» и «взлетность» человека: то, что было образно и невозможно вчера – завтра может оказаться легкой шалостью.

Действительно, одно дело – прочесть с бумажных страниц книги, смоделировать в уме картинку и казуистику событий, и после того в сердцах ужаснуться (сказав: «Не дай Бог!», что примечательно) потенциалом последствий теории о дрожащей твари («Преступление и наказание») или ужасом бессилия и уинстоновского («1984») отчаяния и совершенно другая гамма переживания – реально, каждый день не просто видеть, но по неизбежности взаимодействовать с мармеладовыми («Преступление и наказание»), недорослями («Недоросль»), штольцами («Обломов»), о'брайэнами («1984»)…

Таковых сегодня приходится реально и с избытком встречать полицейским, преподавателям, руководителям различного уровня (и в частном, и государственном секторе), депутатам, родителям…

Circulus vitiosus упрочняется и крепнет от того, что один и тот же человек может и пребывает (одновременно) в разных социальных статусах, что означает, что он видит «падательность» не только кого-то одного, не одну персонификацию-воплощение порока и страдания…

Обозначенные обстоятельства и художественные, но предельно приближенные к «боевым» примеры-образы, как представляется, позволяют оправданно использовать понятие «безопасность» применительно к гуманитарной плоскости, широко применяющееся и вполне понятное (по сути и содержанию) применительно к прочим сферам жизнедеятельности человека и общества.

Следует подчеркнуть, что в последнее время тема безопасности различного вида и уровня, настоятельно озвучивается в официальных руководящих документах государственного уровня.

Происходит это, естественно, по понятным, объективным причинам: как ответ современным вызовам Российской Федерации. Это обстоятельство важно тем, что показывает и доказывает тот факт, что данная проблематика не есть просто праздный тренд в среде государственных деятелей и интеллектуалов.

Так, например, «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», утвержденная Указом Президента Российской Федерации «31» декабря 2015 г. (№ 683), дает определение того, что понимается под понятием «национальная безопасность», а именно:

«состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее – граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности» [5].

Из данного определения вполне очевидно следует, что т. н. «гуманитарный» компонент не выпал из поля зрения ответственных лиц и Президента, утвердившего вышеуказанный документ.

Представляется, что значение таких документов состоит в том, что они вычерчивают векторы следования, а самое главное – уполномочивают и поддерживают направления деятельности, научного поиска и обоснования идей и взглядов, о которых знают, говорят и чувствуют актуальность многие-非常多的 граждане страны, причем далеко не только специалисты и профессионалы, но и самые обычные люди.

В частности, как пример, речь идет о букете проблем, связанных духовностью, духовной составляющей жизни человека и общества и вопросах, относящихся к вере и религии, их онтологической, философской, доктринальной плоскостей, прежде.

Сегодня отношение к данным темам относительно спокойное. Во всяком случае, самим ходом развития исторических событий была явлена и доказана важность и необходимость именно бесстрастного восприятия указанных аспектов бытия: без радикально-фанатичного клерикализма и без воинственно-бесстыдного атеизма.

Важно отметить, что при этом речь идет не о т. н. «золотой середине», как кажется многим, уравнивающей притязания сторон. По факту, она смешивает карты, что приводит только к росту хаоса и страдания.

Речь следует вести и рассматривать религиозную и секулярную сферы как движущиеся рядом, каждый по своей полосе, автомобили в потоках, пересечение которых в параллельном, а особенно встречном направлениях приводит к серьёзным происшествиям.

Сегодня задачей философов, педагогов и богословов – наиболее весомых представителей бойцов духовного фронта – является проработка, разъяснение, поиск и предложение ответов на вызовы современности, в генеральном виде обозначаемых руководящими документами, дающими легитимацию деятельности.

Важно отметить, что употребление в смысловом контексте настоящей статьи понятия «бойцы духовного фронта» не фигуриально: специалисты в области безопасности все чаще и чаще, что соответствует духу времени и характеру развития актуальных событий, употребляют термин «информационная война», участниками, акторами которой, т. е. бойцами, оказываются представители области мысли.

Под термином информационная война, например, понимается «совокупность запланированных, взаимоувязанных информационных операций, успешное выполнение которых приводит к достижению цели, как правило, заключающейся во взятии под контроль системы управления противника (государства) или сломе этой системы управления и замены ее на другую – контролируемую».

Информационная война ведется с информационными системами, поведение которых может быть изменено путем внедрения в них соответствующих моделей мира. В данном случае к названным информационным системам относятся люди, народы и технические средства, функциональные возможности которых могут быть откорректированы за счет скрытной модификации в них программного обеспечения. В зависимости от объекта информационного воздействия информационные операции, являющиеся частью информационной войны, условно разделяют на операции, проводящиеся в гуманитарной и технической сферах. Подобное разделение имеет смысл потому, что подготовка и проведение информационной операции в гуманитарной или технической сфере требует разных специалистов» [3, с. 14].

Показательно и доказательной в общем контексте сказанного оказывается мыль профессора И.Б. Романенко, которая в одной из своих работ написала следующее: «Понимание собственной принадлежности к определённой культуре, традиции, социуму приобретает особую важность для современного человека, поскольку способствует преодолению таких форм индивидуализма, как социальное сиротство, безродность, беспочвенность существования,

кризис самолокализации в обществе, социальный аутизм, которые стали серьёзными проблемами общества, прежде всего, западного.

Замкнутость человека на себя, индифферентность к окружающим, различным проявлениям жизни, уныние, безразличие и т.п. являются серьезной социально-психологической и педагогической проблемой, возникающей под влиянием цивилизации. Так человек реагирует на чужеродность цивилизационных ценностей, навязываемых средствами массовой информации, образом жизни. Отмеченная социальная патология прямо отражается на жизни человека, его окружения, семьи, их жизнеспособности, устойчивости. Поэтому столь важным для реализованности и успешности современного человека в различных сферах деятельности оказывается не только понимание того – «кто есть ты?», но, прежде всего, какова твоя индивидуально-личностная связь с обществом, культурой, историей. Большую роль в осознании данной связи и взаимозависимости играет система образования» [4, с. 116].

Резюмируя высказанные выше идеи, следует сказать, что в складывающихся условиях вполне уместно и необходимо ввести в оборот понятие «педагогическая безопасность», которое по общему смыслу, духу буквы походило на уже устойчиво употребляемые термины «экономическая безопасность», «военная безопасность», «юридическая безопасность».

Очевидно, что в таком случае потребуется именно научная проблематика различных аспектов. Однако ясно, что основой приложения усилий, творческого поиска ответов на вызовы должно стать сближение и несмешиваемое сложение потенциалов секулярной и религиозных парадигм.

Генеральную задачу субъектов, призванных обеспечивать педагогическую безопасность личности и общества, можно передать словами Б. Паскаля, однако, в противоположности к тому, что ярко констатировал великий мыслитель и физик: («мы беззаботно мчимся к пропасти, держа перед собой какой-нибудь экран, чтобы ее не видеть» [2, с. 108].

Философский и педагогический подход и смысловой фундамент, которые могут быть заложены и применены в деятельности по обеспечению педагогической безопасности, позволят проникнуть в глубину того, что сегодня может скрываться за внешней бравадой, спокойствием и радостным проживанием современником

своей жизни, отодвинуть, а как максимум – остановить бег к пропасти, прикрываемый успокоением всезнания.

Использованная литература

1. Мыслители Греции. От мифа к логике: сочинения. – Москва : Эксмо-пресс, 1998.
  2. Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва : Аст-рель, 2011.
  3. Растворгувев, С. П. Математические модели в информационном противоборстве. Экзистенциальная математика / С. П. Растворгувев. – Москва : АНО ЦСОиП, 2014.
  4. Романенко, И. Б. Социокультурная идентичность молодежи как философская проблема / И. Б. Романенко // Общество. Среда. Развитие. – 2012.
  5. Стратегия национальной безопасности. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/133.html>
-

3.2. Понимание психологии врачом: личное восхождение к предельным вызовам профессии и возможность их разрешения

Научная статья с таким названием вышла в свет в 2018-м году на страницах журнала «Балтийский гуманитарный журнал» (№ 4 (25), с. 321–326).

«...Учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, уже наши. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв и, чтобы денег добывать, не мог не убить, уже наши. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши. Присяжные, оправдывающие преступников сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наши, наши. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами этого не знают!

«...» Но это лишь ягодки. Русский бог уже спасовал пред «дешевкой». Народ пьян, матери пьяны, дети пьяны, церкви пусты, а на судах: «двести розог, или тащи ведро». О, дайте взрасти поколению! Жаль только, что некогда ждать, а то пусть бы они еще попьянее стали! «...» Но одно или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, – вот чего надо! А тут ешё «свеженькой кровушки», чтоб попривык»

Ф.М. Достоевский, «Бесы»

Всё чаще и чаще приходится слышать, обдумывать, соглашаться, принимать, а в конечном итоге и самостоятельно использовать в собственной жизни емкую и хлесткую характеристику сегодняшнего дня как эпохи глубокого, полномасштабного расчеловечивания современника.

Важно подчеркнуть, что применение такого рода определения (вывода) не есть алармизм, конспирология, мистификация и уж тем более это не есть конъюнктурно-корыстное средство привлечения внимания общественности. Сегодня это суровая реальность, игнорирование примечания и осмысления которой невозможно и недопустимо ввиду страшной цены, которую уже приходится и еще только придется заплатить за это явление.

Распространение и локализация обозначенной проблемы в разных сферах и на их разных уровнях представляет опасность (помимо всего прочего) тем, что в результате в сознании человека складывается, естественно, не безосновательно, общее восприятие всей окружающей действительности как тотальной серости и негатива, сплошной безрадостности и безысходности. Такое обобщение подавляет волю и уничтожает всякую инициативу, которые позволяют приступить не к обобщенно-разово-мгновенной, но поступательно-покомпонентной расшивке проблемы. Оно в определенной мере снимает ответственность, успокаивает душу и разум современника: с одной стороны – он выражает недовольство, но с другой – ничего не предпринимает по существу. Причина этого видится в том, что объективные факты расхождения между неким имеющимся, когда-то сложившимся идеалом (желаемое должно), пребывающим, правда, в данный момент в пассиве (модусе некоего мифа) и реальностью, свершающимися событиями (фактическое недолжное), хотя и раздражающими, но пока еще лично не затрагивающими конкретного человека, не оказываются, как это представляется из такого состояния, критичными, что позволяет пребывать в «праведном гневе», что, однако, не мешает развиваться и свершаться задуманной стратегии, каковой в рассматриваемом случае является расчеловечивание современника. Ситуация, о которой идет речь, максимально строго определена французским ученым и философом Б. Паскалем: «Мы беззаботно мчимся к пропасти, держа перед собой какой-нибудь экран, чтобы ее не видеть» [8, с. 108].

Эффективным способом выхода из сложной ситуации представляется планомерное сосредоточение внимания современника на том секторе, который ему близок и доступен по объективным причинам: образование, профессия, выполняемая работа и тому подобные факторы обычной жизни, прояснение специфики и непривыч-

ное рассмотрение которых, может сделаться отправной точкой последующего развертывания и приращения объема осмысливаемого и переоцениваемого человеком.

Именно в таком ключе и подходе следует рассмотреть вопрос о месте и значении психологии в профессии и работе современного врача, появляющейся в его жизни в качестве учебного предмета в период получения образования в студенческую пору.

Приходится констатировать тот факт, что пока еще ее наличие в программе стандартно-привычно, равно как и вполне очевидна ее важность с формальной точки зрения. Однако, как представляется, ее глубинное, концептуальное предназначение, позволяющее преобразить, оптимизировать формальную сторону и предмета, и будущей работы, не говоря уже о личности самого врача, являющегося обыкновенным человеком, не оказывается сегодня столь же убедительным. Без этого расчеловечивание прямо и серьезно угрожает и отдельно взятому доктору – человеку, и всей медицине – явлению. При этом важно понимать, что специфический характер вольется в глобальный тренд, придаст ему новые черты, в результате чего он преобразится и возникнет новая, иная, неизвестная сущность.

Непосредственно приступая к рассмотрению заявленного вопроса, следует сразу же подчеркнуть следующее, что только усложнит текущее положение дел.

Психология для медицины вообще и для отдельно взятого врача в частности имеет самое непосредственное отношение и значение в реализации задачи недопущения (а в случае появления необходимости и преодоления отдельных или же уже комплексных проявлений расчеловечивания) явления в целом – в первом случае и непосредственно личности доктора – во втором.

Понятно, что всякому медицинскому работнику приходится иметь дело с исцелением, врачеванием, прежде всего, плоти болеющего человека (соматические заболевания). Исключение в данном случае и смысле представляет психиатрия, которую приходится рассматривать особенно и отдельно, хотя и там многое связано и завязано на плотское, физиологию.

Специфика работы – медицина в чистом виде или, если так можно выразиться, медицина-медицина, или медицина как точная наука в смысле точности и предельности знания (доступного в дан-

ный исторический момент его развития) о параметрах здоровья органов человека и их систем, а также методик/техник приведения их в должное состояние в случае необходимости, сопрягающаяся с ее выполнением человеком на протяжении многих и многих дней и лет жизни, что, естественно, не проходит бесследно, может обернуться тем, что всякий, попадающий на прием к доктору пациент будет рассматриваться и рассматривается, прежде всего, как некоторый механизм, который по тем или иным причинам расстроился или даже пришел в негодность, в котором поэтому необходимо четко произвести настройку или даже замену отдельных узлов и агрегатов. На первый взгляд подобное воззрение и отношение представляются страшными и немыслимыми своей бесчеловечностью, расчеловеченностью, однако, такое положение дел потенциально и вероятно возможно. Тут, собственно, и возникает вопрос о том, вследствие чего и от чего это оказывается неприглядной и ужасающей действительностью?

С одной стороны, как может показаться и восприниматься, это есть положительное, необходимое и желательное обстоятельство, прежде всего, для самого болеющего: опыт, приобретаемый врачом с годами, действительно позволяет ему четко и без потери времени ставить диагноз и осуществлять мероприятия, реализация которых, в конечном итоге, позволит его снять. Это несколько извиняет и снижает напряженность, вызываемую отстраненным бесчеловечным подходом, однако не ликвидирует вызов в его глубинной развертке.

Очевидно также и то, что при таком раскладе и сам подход, и само выздоровление будут рассматриваться доктором как своего рода производственный процесс, в котором наличествует системность и структурность и самого объекта (ясное строение и функционирование организма), и самой деятельности (алгоритмы, логика, допуски и пороги лечения), причем, во всех его деталях и тонкостях. В таком случае ясно также и то, что ему будет более чем понятен и ожидаем отзыв системы-организма, обязательно реагирующей на воздействия и посылающей на них определенную либо просчитанно-прогнозируемую или же непросчитанно-непредвиденную для доктора обратную связь, что, естественно, зависит от профессионализма, исключающего, а точнее сказать – минимизирующего вероятность наступления второй ситуации.

Здесь важно подчеркнуть, что указанные доводы есть естественное и даже неизбежное положение и течение дел. Это важно для дальнейшего осмысления рассмотрения проблемы исследования.

Намеренное обозначение и рядоположение вышеуказанных обстоятельств предпринято вследствие необходимости создания максимально яркого, несколько гиперболизированного образа предельной односторонней сосредоточенности и самореализации человека-врача на доступном и понятном ему измерении – соматических заболеваниях: ничего лишнего, ничего личного и ничего личностного. Однако объективная позитивность такого положения дел, обозначенная выше, таит в себе вызов, незаметно и планомерно настигающий и обволакивающий человека, что и приводит к уязвимости современника расчеловечиванием, кем в рассматриваемом случае предстают медицинские работники.

Дело в том, что неизбежность, осознанность, целенаправленность, константность и перманентность сосредоточения внимания и усилий врача на соматических заболеваниях (плоти) уже само по себе отодвигает, нивелирует, купирует, а как максимум – вообще исключает из поля зрения измерение духовное, совершающее (прилагательное «совершенный»: «1. Превосходный, безукоризненный. 2. Полный, несомненный»; глагол «совершенствовать»: «Делать лучше, совершеннее» [5, с. 552]) человека, делающее его именно человеком, т. е. существом двуединым.

Из сказанного логично следует, что обозначенная данность вполне соотносится с осмысливаемой проблемой расчеловечивания, которое в смоделированном контексте можно понимать как процесс и как факт разрушения целостности единого, уникально-самобытного творения (вопрос о том, чем или Кем – природой или Богом – на данном этапе целесообразно оставить открытым, лишь просто идеей), как возникновение и установления в человеке дисбаланса духовного и материального начал. При этом важно понимать то, что такой процесс оказывается естественным и неизбежным в случае сегментации и профессинализации сферы знания и деятельности человека, а также все возрастающего количества знания, предстающих фактором, генерирующим и подкрепляющим развитие рассматриваемой проблемы. Говоря метафорически, это есть своего рода расплата за прогресс и относительное совершенство.

Все сказанное свидетельствует о том, что в таком случае необходимым, важным и должно оказывается определенный сообразный компенсатор, который также следует понимать и рассматривать и как процесс, и как содержание (концепт).

Продолжая размышления, должно отметить следующее. Результатом описанной динамики оказывается состояние человека, которое глубоко и тонко удалось уловить и передать И.В. Гёте в его бессмертном «Фаусте». В контексте проводимого исследования особо значим и примечателен тот факт, что главный герой трагедии – доктор.

Вот как И.В. Гёте представляет состояние Доктора Фауста, сполна погрузившегося, изведавшего окружающий его мир вещей и людей, взялкавшего при этом духовного, причем, специфического духовного:

«Я богословьем овладел,
Над философией корпел,
Юриспруденцию долбил
И медицину изучил.
Однако я при этом всем
Был и остался дураком.
В магистрах, в докторах хожу
И за нос десять лет вожу
Учеников, как буквоед,
Толкуя так и сяк предмет.
Но знанья это дать не может,
И этот вывод мне сердце гложет,
Хотя я разумнее многих хватов,
Врачей, попов и адвокатов,
Их точно всех попутал леший,
Я ж и пред чертом не опешу, –
Но и себе я знаю цену,
Не тешусь мыслию надменной,
Что светоч я людского рода
И вверен мир моему уходу.
Не нажил чести и добра
И не вкусил, чем жизнь остра.
И пес с такой бы жизни взвыл!
И к магии я обратился,
Чтоб дух по зову мне явился

И тайну бытия открыл.
Чтоб я, невежда, без конца
Не корчил больше мудреца,
А понял бы, уединясь,
Вселенной внутреннюю связь
Постиг все сущее в основе
И не вдавался в суесловье.
О месяц, ты меня привык
Встречать среди бумаг и книг
Вочных моих трудах, без сна
В углу у этого окна.
О, если б тут твой бледный лик
В последний раз меня застиг!
О, если бы ты с этих пор
Встречал меня на высях гор,
Где феи с эльфами в тумане
Играют в прятки на поляне!
Там, там росой у входа в грот
Я б смысл учености налет!
Но как? Назло своей хандре
Еще я в этой конуре,
Где доступ свету загражден
Цветною росписью окон!
Где запыленные тома
Навалены до потолка;
Где даже утром полутьма
От черной гари ночника;
Где собран в кучу скарб отцов
Таков твой мир! Твой отчий кров!
И для тебя еще вопрос,
Откуда в сердце этот страх?
Как ты все это перенес
И в заточенье не заchas,
Когда насильственно, взамен
Живых и богом данных сил,
Себя средь этих мертвых стен
Скелетами ты окружил?» [2, с. 19–21].

Вполне логично, что расчеловечивание как явление и процесс, а именно с ним столкнулся Доктор Фауст, ясно ощущив в себе неприязнь, отвращение ко всему мирскому и людскому, совсем не метафорично: а) оно затрагивает и разъедает конкретного человека, а не «общечеловека», если выразиться словами Ф.М. Достоевского [3, с. 79]; б) по своей сущности оно подобно хаосу, т. е. «наиболее вероятному состоянию, к которому стихийно стремятся все сложные системы» [7, с. 79], который не нужно искусственно производить, который, напротив, возникает сам собой, «как только мы ослабляем нашу активность по производству системообразующего порядка» [7, с. 79].

Понятно, что оно есть следствие наступления неких условий, чем, в частности, оказывается либо утрата человеком предельного измерения, оценки, ориентира собственной жизни, либо блуждание в указанном измерении-реальности.

Предельное измерение открывается и показывается человеку, например, в случае и посредством его обращения к религии, психологии, философии, литературе – тем «механизмам», которыми сначала затрагивается и пробуждается душа, а затем уже ею самой, но снова посредством указанных «приспособлений» донастраивается и фиксируется на таком «канале связи», благодаря которому она наполняется, а после осмысливает, делает личным достоянием, а как результат – претворяет в актуальную жизнь воспринятые сигналы, реалии, законы и закономерности духовного порядка.

Принципиально важно понимать, что от характера и сущности уловленной, зафиксированной сознанием, душой и сердцем человека «частоты», всецело зависит результат, итог, продукт соприкосновения. Здесь имеется два варианта развития событий: либо инициируется и свершится очеловечивание современника, приращение и углубление подлинно высокого человеческого в человеке в смысле обретения им баланса, гармонии между фундаментальными началами (духовное и материальное), и соответственно сферами их реализации (практическая деятельность в конкретной сфере экономики, какой в рассматриваемом случае является медицина) либо же запустится или продолжится его дальнейшее расчеловечивание, усугубление ситуации, что в настоящее время вследствие колossalного и всестороннего развития технологий с

высокой степенью вероятности может обернуться для человечества гибелью. В свою очередь, здесь также можно выделить и указать два условия подобного сценария: а) если воспринятая человеком и наполнившая окажется абсолютным (вплоть до фанатизма) нигилизмом, т. е. идеологией и проповедью отрицания, что в светской плоскости принято называть, передавать термином «материализм» или, если с несколько иным оттенком, но как следствие разрастания и восхождения в абсолют, то «атеизм»; б) если воспринятое человеком окажется, пусть и хорошо замаскированным, сатанизмом, т. е. идеологией, политикой и практикой служения Злу, четко определяемому и нарекаемому в Христианстве и Мусульманстве. Предельными вопросами и проблемами, попадание которых в поле зрения современника предстает тем самым источником и самим «производством системообразующего порядка» [7, с. 79], можно считать, например, вопрос о душе, смерти, этой жизни в перспективе вечности и ряд других. Предельная предельность всех таких проблем заключается и сводится к тому, что, в конечном итоге, человек подходит и встречается с вопросом о Боге, не самим Богом, естественно, но вызовом самому себе: принципиально определиться с вопросом о том, с кем и чими ориентирами ему следовать дальше по этой – т. е. земной жизни – в направлении вечности, т. е. смерти и перехода посредством нее в нечто/куда-то принципиально иное. Очевидно, что сделать это банально-обыденный уровень (при всем желании) не позволяет. Что касается конкретных дисциплин, которые призваны разобраться и которые оперируют соответствующими понятиями и проблемами, то одной из них оказывается психология, которую в общем объеме гуманитарных дисциплин изучают современные студенты медицинских вузов. Иными словами, высказанные выше соображения позволяют утверждать, что психология как учебный предмет (формальная сторона) и как явление жизни именно человека (концептуальный аспект) может и должна стать тем самым компенсатором, о котором говорилось выше. Она содержательно и, по существу, предстает противоядием расчеловечиванию личности врача.

О том, что от такого выбора принципиально зависит, принципиально определяется характер всей деятельности – работа по профессии, исполнение прав и обязанностей гражданина – в том числе призвание и труд врача, максимально доходчиво и, по существу,

говорят и доказывают следующие слова русского философа, богослова и священника С.Н. Булгакова. В работе «Религия человекобожия у русской интеллигенции» он, в частности, писал следующее: «Почему же это такая трагедия, почему эти похороны Бога неизбежно обращаются в похороны самих похоронщиков? Да потому, что, хороня Бога в своем сознании, они вынуждаются хоронить и божественное в своей душе, а божественное есть действительная, реальная природа человеческой души. Можно думать о себе как угодно, считать себя человековидной обезьяной, рефлексом экономических отношений, автоматической машиной, куском материи, в силу механической необходимости одаренной сознанием – все это высказывается и высказывалось о человеке, – но от этих мнений он не перестает быть тем, что он есть, чем сделали его «руки, сотворившие и создавшие его» и наделившие его запросами и свойствами высшей духовной природы» [1, с. 253].

Или еще о том же в этой же работе: «Одно из двух: или человек действительно есть такое ничтожество, ком грязи, каким его изображает материалистическая философия, но тогда непонятны эти притязания на разум, науку; или же человек есть богоподобное существо, сын вечности, носитель божественного духа, и возможность всякого и в том числе и научного познания объясняется именно этой природой человека. Другими словами, это значит, что достоинство науки и ее права не ограничиваются, а только утверждаются религиозным учением о человеке, а вместе с устраниением последнего подрывается и первое. Наука принципиально опирается на религию, а не противоречит ей, как это странным образом сложилось в современных представлениях. Рассматривая же разум и пауку, как продукт и орудие борьбы за существование, при свете своеобразного понятого дарвинизма, мы должны окончательно развенчать их. Если сила и значение научной истины только в полезности, как говорят дарвинисты в биологии, а в новое время и в гносеологии, то откуда взяли, что истина всегда полезна и что не полезнее иногда, а может быть и всегда, заблуждение?» [1, с. 255].

В мысли о коме грязи просматривается корреляция с рассматриваемой проблемой, а именно, вызовом возможностью и перспективой расчеловечивания врача: при определенных условиях приведенные слова могут оказаться совсем не образами, но жестокой реальностью.

Дело в том, и это уже отмечалось и рассматривалось выше, что объективная сосредоточенность доктора на плоти, плотском измерении (соматические заболевания), оказывается мощнейшим стимулом начать рассматривать и относиться к человеку именно и только как комку грязи и нечистоты: столкновение воочию и практически из раза в раз и изо дня в день со страдающими и истлевирующими (в принципе, по существу) вследствие того или иного заболевания частями тела, органами и системами органов человека, которые ему приходится возвращать к изначальному, т. е. здоровому состоянию, способствует вызреванию отвращения к человеку вообще. Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что, зачастую, поводом и причиной возникающих страданий человека оказываются его собственные действия, отношение к здоровью, а также грехи, рассматриваемые как волевые поступки вопреки известному, осознанному и осознаваемому духовному императиву, повреждающие и душу, и тело, что очевидно в виду двуединства человека. За исключением собственно религиозного компонента смысла сказанного (в части понятия «грех») доктору оказывается доступным видение и понимание причинно-следственных связей – этиология. Здесь действительно приходится удивляться тому факту, как в таких случаях врачи продолжают стойко и твердо переносить и при этом продолжать свою работу, например, вид поврежденных табаком легких, закупоренных холестерином сосудов, гниющих конечностей наркомана – все то, что не может даже на мгновение без отвращения и потери сознания выдержать человек, не имеющий в себе такой врожденной (дарованной) расположленности, что говорит и подчеркивает тот факт, что далеко не все, в принципе, могут становиться врачами.

Отчетливо наблюдаемая, фиксируемая и осознаваемая в таком случае слабость и уязвимость человека способствуют дополнительному уверению и закреплению в позиции о мерзости человека вообще. Кроме того, можно предположить, что расчеловечиванию способствует объективное видение врачом степени неразумности распоряжения человеком своим здоровьем, которого, однако, все люди так истово желают себе и окружающим: желание быть здоровым с одной стороны и уничтожение самого себя с другой заставляют усомниться и разочароваться в интеллектуальных и волевых совершенствах человека, начать относиться к нему именно как к комку грязи, о чем прямо говорил С.Н. Булгаков, в приводившейся ранее цитате.

Профессиональное знание этиологии заболеваний, а также причинно-следственных связей их возникновения и последствий, сопровождающиеся отрывом-утратой (в лучшем случае – это вольная или невольная слепота, которая есть пока заблуждение) или даже откровенным пренебрежением (в худшем случае – это наличие осознанности и волереализации, которые уже есть сатанизм) человеком-доктором духовных ориентиров порождает в душе откровенное горделивое презрение к тем, кто волей-неволей оказывается вынужденным предать себя во власть, в руки того/тех, кто может вылечить заболевание. Абсолютно человек не свободен никогда.

Возникающее в таком случае омертвение души человека порождает трагедию личностного разрушения, гибели души, что проявляется во все крепнущих и поглощающих пороках, именуемых иначе, если говорить языком психологии – деструктивными состояниями, или, если говорить религиозным языком, то грехами, а именно в унынии, отчаянии, зависти и в целом ряде других, которые как отмечалось ранее ощущал, зафиксировал и испытал на себе Доктор Фауст:

«Я богословьем овладел,
Над философией корпел,
Юриспруденцию долбил
И медицину изучил.
Однако я при этом всем
Был и остался дураком.
В магистрах, в докторах хожу
И за нос десять лет вожу
Учеников, как буквояд,
Толкую так и сяк предмет.
Но знанья это дать не может,
И этот вывод мне сердце гложет,
Хотя я разумнее многих хватов,
Врачей, попов и адвокатов,
Их точно всех попутал леший,
Я ж и пред чертом не опешу, –
Но и себе я знаю цену,
Не тешусь мыслию надменной,
Что светоч я людского рода
И вверен мир моему уходу» [2, с. 19–21].

Сказанное относится и описывает его осмысление собственной жизни в этом мире, мире людей, на Земле. Динамика, накручивание и раскручивание такого гнетуще-грызущего состояния, в свою очередь, обернулась тем, что он – и это уже собственно духовный уровень – взялкал, обратил взор, пожелал и, наконец, установил связь с представителем того мира… С кем, в итоге, была заключена сделка, причем, сделка о службе, услужении. Действительно, в случае выхода в предельный уровень, необходимо сменить и использовать иной категориальный аппарат: всему тому, что касается этого мира – людей, дел, процессов – работают, а тому, кто прозревается там – служат.

Продолжая размышления, следует также отметить следующее важное обстоятельство. Дело в том, что с личного – внутреннего, т. е. невидимого извне, уровня/ мира – разрушение и пагуба выходят вовне, т. е. окружающий объективный мир, начиная деформировать и разрушать уже его, что проявляется во вполне наблюдаемых, ощущаемых, фиксируемых конкретным человеком и обществом трендах, делах и свершениях. Иными словами, расчеловечивание (концепт, идеология, мировоззрение) обретает реальность и воплощение (продукты деятельности человека и общества). В области медицины это обретает и сегодня уже фактически имеют место быть подлинно бесчеловечные – те, в которых уже не просматривается, в которых уже нет именно человека, – проявления, которые, что самое ужасающее и подлинно пугающее, нормально-спокойно, одобрительно рассматриваются и претворяются в жизнь современными докторами.

В свою очередь, это состояние, сопрягающееся с утратой, а возможно и неоткрытием собой на более ранних этапах личностного и нравственного становления того самого предельного измерения оборачивается, приводит к предельному же расчеловечиванию доктора и материальном, и в духовном (прежде всего) смысле и отношении. Трагедия Доктора Фауста – удивительный пример этого.

Очевидно, что в случае с медициной все вышесказанное находит полное отражение и исполнение: потеря духовного ориентира, отказ от Бога приводят к тому, что доктор перестает работать людям, служа тем самым и таким образом Богу, замыкается на этом мире и начинает работать и служить самому себе. Вся его деятельность – работа и профессия-призвание – становится средством зарабатыва-

ния денег, которые в итоге, оказываются объектом поклонения. Отсюда человек – болящий пациент – предстает, в лучшем случае – возможностью заработка, а в самом худшем – в прямом смысле слова источником обогащения, а именно запасными частями от кого-то кому-то, что, однозначно, предполагает и обязывает сделку с совестью уже в этом – земном измерении. Это неизбежно оказывается в повестке дня в духовно-нравственно и религиозно разряженном (а потом специфически перезаряженном) пространстве: размытые, нивелированные, а в конечном итоге – снятые моральные императивы и догмы – приводят в области медицины как одном из аспектов бытия человека и общества – к «адекватности» восприятия, «нормальности», например, суррогатного материнства; трансплантиологии, делающейся в таком модусе все более и более серой, а в конце концов делающейся откровенно отвратительно черной; эвтаназии; фетальной фармакологии, нога в ногу следующей с абортивной индустрией; индустрии «настройки» и полного изменения пола человека, вплоть до создания химер (МОСКВА, 10 октября 2018 г. РИА Новости: «Мэр Нью-Йорка Билл де Блазио подписал законопроект о введении третьего пола под названием «X» в свидетельствах о рождении, сообщает газета AM New York. Как сообщается, мэр подписал законопроект во вторник. «Этот новый законопроект позволит всем жителям Нью-Йорка – особенно нашим трансгендерным и небинарным жителям – иметь свидетельства о рождении, которые лучше отражают их идентичность, и он способствует приверженности города защищать права ЛГБТК* (LGBTQ) сообщества», – заявил мэр. По данным газеты, после вступления в силу нового закона жители Нью-Йорка также смогут менять пол в своих свидетельствах о рождении без согласия медицинских специалистов. Пол «X», который невозможно будет выбрать при рождении ребенка, обозначает гендерную идентичность, не являющуюся исключительно женской или мужской» [6] (*Организация ЛГБТ признана экстремистской и запрещена на территории РФ).)

Оказывается, что у верховного главнокомандующего, противопоставившего себя Творцу, в боевом арсенале имеется множество «образцов» и «модификаций» образцов «вооружения» (сублазны и искушения), если говорить военным языком, предлагаемых к претворению в реальность человеку за и во время его пребывания,

жизни на Земле, что, собственно, было предложено Фаусту Мефистофелем:

«Фауст

Что можешь ты пообещать, бедняга?
Вам, близоруким, непонятна суть
Стремлений к ускользающему благу:
Ты пишу даешь, не сытную ничуть.
Дашь золото, которое, как ртуть,
Меж пальцев растекается; зазнобу,
Которая, упав к тебе на грудь,
Уж норовит к другому ушмыгнуть.
Дашь талью карт, с которой, как ни пробуй,
Игра вничью и выигрыш не в счет;
Дашь упоенье славой, дашь почет,
Успех, недолговечней метеора,
И дерево такой породы спорой,
Что круглый год день вянет, день цветет.

Мефистофель

Меня в тупик не ставит порученье.
Все это есть в моем распоряженье.
Но мы добудем, дай мне только срок,
Вернее и полакомей кусок Мефистофель» [2, с. 66–67].

Исходя из изложенных и обоснованных выше взглядов на главную проблему настоящего исследования, роль и место психологии (во всех смыслах) видится в следующем.

Будучи наукой о душе, что прямо следует из перевода с греческого языка, психология уже одним этим обстоятельством способна не позволить выпасть из поля зрения человека, т. е. в рассматриваемом случае врача, духовного измерения: ее присутствие в учебном процессе в вузе, а после (вследствие данного факта) памятование о ней будут способствовать тому, что в своей жизни и деятельности доктор станет учитывать то обстоятельство, что ему, равно как и всем прочим людям, приходится взаимодействовать не только с плотью/телом, пусть это – врачевание ее недугов – и является его основным предназначение и специализацией.

Однако для этого сама психология не должна свестись к исключительно телесному измерению – психики как свойству мозга, к

центральной нервной системе, зрительным и слуховым анализаторам, что, безусловно, объективно наличествует, важно и не подлежит сомнению. Тем не менее, душа человека не ограничивается и не сводится к этому. В том случае, если это происходит, то сразу же инициируется, а в последствие только усиливается и усугубляется расчеловечивание личности и общества в целом.

В свою очередь расширение границ понимания психологией души человека достигается и обусловливается за счет включения в спектр ее интересов и концептуальный фундамент ориентиров, установок, достижений и открытых смежных (по факту связи с человеком и ориентацией на него) наук – философии, педагогики, теологии и пр. Очевидно, что это имеет место, однако, в настоящее время, к сожалению, доступными и просматриваемыми оказываются весьма тривиальные линии связи, которые известны многим, но которые не способны произвести в этих многих принципиальных трансформаций. Именно поэтому необходимым и неизбежным оказывается углубление и непривычное рассмотрение проблем и явлений сегодняшней жизни.

В свою очередь, реализовать, воплотить в реальность такую задачу можетенным образом подготовленный, а самое главное – ориентированный и духовно опытный наставник, каковым в рассматриваемом случае является преподаватель, представляющий вниманию студентов, раскрывающий им глубину психологической науки.

Единственным действенным средством возведения имеющихся знаний и наличествующих у современного человечества проблем в предел оказывается переход в собственно духовную плоскость, т. е. то и туда, о чем говорят традиционные религии.

«Трудно себе представить, насколько изменилась бы вся наша жизнь, какими радужными красками расцвела бы она, как стала бы легка и благостна, если бы вспыхнуло подлинное пламя христианского творчества и вдохновения, если бы в церкви восстановилась та полнота жизни, которой жаждет современный человек. Ожила бы внутренне наука, которая перестала бы томить мертвой и безыдейной специальностью, оторванной от целого, или же муками Фауста, следствием пустого и нелепого притязания поставить часть вместо целого, заменить одной наукой и философию, и религию. Сколько праздных вопросов, навязанных ей этой несвойственной функцией, и связанных с ними праздных теорий, отвлекающих

так много умственных сил, отпало бы вследствие этого освобождения науки из тисков позитивизма и материализма, вследствие восстановления связи с религиозными корнями. И философия, оплотившись религией, получила бы силы выйти из трясины импотентного скептицизма и бесплодности, в которой она теперь находится. Одно из двух: или европейская философия совершила уже свой цикл развития и сказала последнее слово (как думал в последние годы жизни Вл. Соловьев) или же возрождение ее может совершиться только на почве нового религиозно-мистического углубления. Лишь при этом условии может быть снова испытана радость метафизического творчества, дело великих мыслителей найдет себе новых продолжателей, и творческий разум. Логос, победит «отвлеченные начала» современной философии и произнесет над ними суд» [1, с. 349].

Именно таковой же окажется и ситуация с медициной, являющейся частным случаем, аспектом бытия человека: встреча с духовным, восприятие его, усвоение до уровня и степени личной ценности-императива, а, как следствие, воплощение этого в собственной каждодневной практике, сделает работу по исцелению болящей и страждающей плоти человека, обращающегося к нему с надеждой, а, порой, и последней надеждой, богоугодной: спасительной в предельном смысле слова и для пациента, и для самого доктора.

Для того чтобы понять и почувствовать то, что подразумевается под сказанным, следует осмыслить следующие удивительно глубокие (содержание) и теплые (душевность) слова Святого Праведного отца Иоанна Кронштадского, которые могут стать органичным заключением настоящего исследования: «Господь твой есть Любовь; люби Его и в Нем всех людей, как чад Его во Христе. Господь твой есть Огонь; не будь холоден сердцем, но гори верою и любовью. Господь твой есть Свет; не ходи во тьме и не делай ничего в темноте разума без рассуждения и понимания или без веры. Господь твой есть Бог милости и щедрот; будь и ты для ближних источником милости и щедрот. Если ты будешь таким, то улучшишь спасение со славою вечною» [4, с. 117–118]. Вполне очевидно принципиальное отличие сказанного от позиции того, кто поставил себя супротив Творцу, т. е. иными словами – Диавола, что, собственно, и обуславливает причину и суть расчеловечивания:

«Я дух, всегда привыкший отрицать.

И с основанием: ничего не надо.

Нет в мире вещи, стоящей пощады.
Творенье не годится никуда.
Итак, я то, что ваша мысль связала
С понятием разрушенья, зла, вреда.
Вот прирожденное мое начало,
Моя среда» [2, с. 54].

Использованная литература

1. Булгаков, С. Н. Два града / С. Н. Булгаков. – Санкт-Петербург : Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997.
  2. Гёте, И. Ф.Faust / И. Ф. Гёте. – Москва : Э, 2016.
  3. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург : Лениздат, 1999.
  4. Кронштадтский Иоанн, Моя жизнь во Христе. – Москва : Центр Благо, 1999.
  5. Малый толковый словарь русского языка. – Москва : Русский язык, 1990.
  6. Мэр Нью-Йорка одобрил введение третьего пола в свидетельствах о рождении. – URL: <https://ria.ru/world/20181010/1530352342.html>
  7. Панарин, А. С. Правда железного занавеса / А. С. Панарин. – Москва : Алгоритм, 2006.
  8. Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва : Аст-рель, 2011.
-

3.3. Интернет-зависимость как вызов и медицинский диагноз: философское осмысление проблемы

Научная статья с таким названием вышла в свет в 2019-м году на страницах журнала «Проблемы современного педагогического образования» (№64-4, с. 245–250).

Введение

Профессионалом в своей области должен быть каждый субъект экономических отношений. В этом смысле доктор любой специализации, создающий специфическое благо – здоровье, а также осуществляющий его профилактику – не является исключением из правила. При этом он непременно должен разбираться и понимать развивающиеся тренды, т. к. с ними ему приходится сталкиваться и лично, и в рамках реализации своих непосредственных задач. Сегодня такая позиция имеет большое значение ввиду того, что актуальные реалии осложняются тем, что не существовало прежде, которое, появившись, серьёзно влияет на жизнь в целом.

Одним из таких явлений, которое можно в полной мере именовать понятием «вызов», предстаёт ширящаяся и усиливающаяся технологизация бытия современного человека и общества, аспектом которой является такое изобретение как Интернет, без которого сегодня оно обращается в существование, а в последнее время даже и в несуществование. Для понимания сказанного следует исходить из следующего.

С одной стороны, крепнувшая привязка к технологии, если не делает обычные процессы совсем невозможными, то существенно осложняет их за счёт развития дисбаланса между включённостью и принятием одной частью целого и игнорированием и жизнью-работой «по старинке» другой его частью. В этой связи примечательными оказываются идеи немецкого философа и исследователя коммуникации Н. Больца, который в своей книге «Азбука медиа», в частности, написал следующее: «Мы подошли к вопросу о культурной функции техники. Путём применения технических средств человек всегда мог демонстрировать свой социальный статус. Сегодня мы можем говорить о радикально временном характере выражения статусной позиции. Для того чтобы выбрать искру общественного признания, человек сегодня должен стать одним из первых потребителей технической новации. Тех, кто приходит слишком поздно, новая техника ждёт уже с обязательным социальным

требованием присоединения. Сначала адрес в Интернете был эзотерическим опознавательным знаком секты «хайтек»; сегодня тот, у кого он отсутствует на визитной карточке, воспринимается как человек не от мира сего. Ну а тот факт, что молодёжь 90-х называли поколением @, не нужно даже комментировать» [1, с. 14–15]. И ещё далее: «Сеть мировой коммуникации сильнее всего уплотняется там, где она обрела имя, – в Интернете. Она выступает здесь как социальное обязательство, которого сегодня уже никто не может избежать. Человек без сетевого адреса – это как бы тупиковая ветвь эволюции медиа. И WWW безжалостно отделяет (!) подключенных от неподключенных» [1, с. 103].

С другой стороны, Интернет и всё связанное с ним становится причиной появления таких обстоятельств, предвидеть и осмыслить которые не представлялось возможным кроме как в момент их возникновения, т. е. уже по факту, что лишь увеличивает общую неопределенность и потенциал фатального развития событий. В этой связи неметафоричной и неслучайной является идея, высказанная немецким экономистом К. Швабом, о том, что «характер происходящих изменений настолько фундаментален, что мировая история ещё не знала подобной эпохи – времени как великих возможностей, так и потенциальных опасностей» [10, с. 21]. Дополнительную весомость указанному суждению придаёт тот факт, что с 1971 года он является бессменным президентом Всемирного экономического форума, ежегодно проходящего в Давоссе, куда съезжаются видные и значимые деятели современности.

Взаимосвязь обозначенной проблемы с медициной носит и прямой, и опосредованный характер, которые, при этом объединяются тем, что оказываются порождёнными технологией, а именно развитием Интернета.

В первом случае речь идёт о соматических заболеваниях, которые врачам той или иной специальности приходится излечивать, используя полученные за годы обучения в вузе, а также по мере наработки и приращения личной практики, собственно медицинские знания.

Во втором случае речь заходит о психических расстройствах, врачевать которые в запущенной, развившейся стадии также приходится соответствующим докторам при помощи специфических же познаний.

Поводом и причиной возникновения обозначенных выше угроз здоровью человека оказывается порождаемая Интернетом зависимость, о реальности которой, как факте, с которым пришлось столкнуться людям уже после появления данного научно-технического достижения, сегодня с печальной уверенностью говорят специалисты. В такого рода зависимости попадают многие и многие современники вне зависимости от возраста, пола, статуса.

Именно по этой причине идеи и размыщления настоящей статьи смогут оказаться полезными и доктору, и обыкновенному гражданину как в личном, так и профессиональном аспектах, а именно: во-первых, помогут увидеть угрозу, причём, не только вообще, но и именно самому себе, что в свою очередь, поспособствует её нивелированию или преодолению; во-вторых, грамотно и аргументировано проводить профилактическую и просветительскую работу со своими пациентами, если речь идёт о враче, или же своими товарищами/друзьями, если вопрос касается обычного российского современника.

Изложение основного материала статьи

Приступая к решению основной задачи исследования, представляется необходимым разъяснить значение понятия «вызов», применённого в отношении технологизации актуальной жизни, в частности, такого явления в ней как Интернет. Можно утверждать, что сегодня современник столкнулся именно с вызовом, аспектом которого является рождающаяся от него зависимость, отражающаяся и на соматическом, и на психическом здоровье.

Рассматривая обозначенную проблему, следует исходить из того, что введённое в оборот понятие связано с глаголом «вызвать», словарное определение смысла которого заключается, например, в следующем: «Призвать побудить к каким-нибудь действиям, отношениям» [2, с. 76]; «Предложить кому-нибудь какое-нибудь состязание; Поставить в необходимость поступить каким-нибудь образом; Возбудить, породить» [6].

Следовательно, решающим оттенком понятия «вызов» следует считать настойчивое и острое побуждение совершить некоторые действия, равно как и бездействия, принять решения на фоне и в контексте каких-то важных, критических обстоятельств, причём, сделать это именно в сам момент актуализации, т. е. его возникновения и его осознания, что обуславливается тем, что уже в следующий миг может оказаться поздно: текущая обстановка кардинально меняется как замеченной (положительный расклад), так и пропу-

щенной (негативный сценарий) тенденцией. Говоря так, подразумевается не только негативность или ужасность ситуации, хотя это есть самое первое и мощное побуждение к активности, но скорее радикальность, масштаб и тяжесть возможных последствий, возникающих вследствие реагирования или бездействия в тот ключевой момент, в том положении дел.

Как отмечалось ранее, разрастающаяся технологизация жизни, обусловливает, причём, объективно теснейшую связь с ней, которая становится вызовом в случае достижения тех порогов, о которых было сказано выше. В том случае, когда именно негативный или проблемный предел достигает максимума, вопрос приобретает связь и с медициной. В данном, т. е. медицинском ракурсе, вызов, порождает зависимость, которая в профессиональной среде получила термин «аддикция»: «ощущаемая человеком навязчивая потребность в определённой деятельности. Термин часто употребляется для таких явлений, как лекарственная зависимость, наркомания, но ныне применяется и к нехимическим (поведенческим) зависимостям, таким как игромания, шопоголизм, психогенное переедание, гиперрелигиозность. В медицинском смысле, зависимость – навязчивая потребность в использовании привычных стимулов, сопровождающаяся ростом толерантности и выраженным физиологическими и психологическими симптомами. Рост толерантности – это привыкание ко всей большей величине стимула» [5]. Это, в свою очередь, обусловливает потребность квалифицированной психологической помощи человеку, или же уже психиатрического лечения сложившегося состояния. Кроме того, появляющаяся специфическая зависимость, имея техногенную и психическую этиологию, оборачивается и соматическими патологиями, которые уже *post factum* приходится лечить и врачам конкретной узкой специализации.

Таким образом, становится ясной и востребованной выработка и реализация ответа-противопоставления вызову, т. е. конкретная деятельность современника либо как упреждение, что предпочтительно, либо как реакция на инициировавшиеся процессы, что уже просто неизбежно. Для этого, однако, важно осмысление проблемы интернет-зависимости в концептуальном ракурсе. Оно оказывается полезным и в собственно медицинском, и общегуманитарном смысле: в первом случае – для установления причинно-следственных связей отклонения/заболевания, с которым к врачу обращается пациент; во втором – для постижения глубинной сущности явления, поглощающего многих граждан.

Прежде всего, на основе анализа имеющихся источников важно сформулировать базовое определение. Например: интернет-зависимость – это один из видов нехимической аддикции, т. е. зависимость, вызываемая не психоактивными веществами (наркотики, бытовая химия), но пользованием Интернетом, пребыванием человека в нём, которые характеризуются явной чрезмерностью: время подключения к виртуальной реальности может доходить до 12 часов, а в последнее время благодаря комплексу возможностей (технические, финансовые) – не разрываться вовсе. Здесь следует отметить, что в книге «Четвёртая промышленная революция» упоминавший ранее К. Шваб приводит следующие данные: «По данным Шерри Теркл из Массачусетского технологического института, 44% подростков никогда не отключается от Интернета, даже во время занятий спортом или за едой с семьёй или друзьями. Беседу лицом к лицу вытесняет общение в режим он-лайн, и есть опасения, что целое поколение молодых людей, увлечённых социальными медиа, будет с большим трудом слушать собеседника, поддерживать с ним контакт глазами и понимать язык жестов» [10, с. 123]. Или: интернет-зависимость – это навязчиво и вопреки разуму преследующее человека желание подключиться к Интернету, будучи вне его, т. е. off-line, или же наоборот – нежелание, переходящее в неспособность отключиться от Интернета, будучи там, т. е. online.

Продолжая работу, следует сосредоточиться на философском аспекте рассматриваемого вызова: попытаться понять его внутреннюю «механику», оборачивающуюся явными, т. е. болезненно ощущаемыми, известными медицине симптомами недугов уязвимой и страждущей плоти человека.

На первый взгляд параллель достаточно странная, особенно в связке с собственно медицинской плоскостью. Однако всё не столь необоснованно.

Известно, что философия – это плоскость смыслов и идей, обозначение и обдумывание которых не позволяет человеку достичь состояния полной успокоенности именно в концептуальном понимании данного слова. Как писал известный доктор-психиатр Виктор Франкл, «смысл смысла заключается в том, чтобы задавать ритм бытия» [8, с. 66]; «быть человеком – значит предстоять смыслу, который нужно осуществить, и ценностям, которые нужно воплотить. Это значит жить в поле напряжения между плюсами реальности и идеалов, которые требуется сделать реальностью. Человек живет идеалами и

ценностями. Человеческое существование не подлинно, если не проживается в условиях самотрансцендентности» [8, с. 66–67].

Помимо всего прочего решающее значение в приведённой мысли учёного, психиатра-практика имеет идея о критической важности для человека пребывания в состоянии напряжения, которое и не позволяет ему, образно выражаясь, пройти мимо собственного бытия. Вызов здесь в том и состоит, что, стремясь и желая покоя, человек незаметно для себя упокоевается, т. е., как бы это ни звучало жестко и жестоко, покойником. В отношении последнего неумолимыми представляются слова учёного и мыслителя Б. Паскаля о том, что «так проходит вся жизнь: люди ищут покоя, борясь с препятствиями, а когда их преодолевают, покой становится для них невыносимым из-за скуки, им порождаемой. Нужно вырываться из него и клянчить себе тревог. А если даже мы как будто в безопасности со всех сторон, скука собственной властью будет постоянно расплзаться из глубины сердца, где прорастают её природные корни, и отравлять наш разум своим ядом» [4, с. 95]. Естественно, речь идёт не о биологическом понимании, хотя деятельное, очевидно, что в негативном смысловом и эмоциональном ключе этого слова, следование многим современным вызовам, в т. ч. и из Интернета, оборачивается современникам летальными исходами. Ярким примером предстают появляющиеся в Сети время от времени, но всегда в разных декорациях т. н. «группы смерти».

Философия как повод и способ постановки человеком самому себе неудобных вопросов как раз и способствует выведению его из кажимости: всякий раз в таком случае он непременно выходит в действительность, в которой нужно творить, причём реально, т. е. исходя из понимания и представления возможных последствий, которые случаются и именно с ним, и с теми, кто волей ситуации оказывается связанным с ним.

Возникающие на жизненном пути трудности, тяготы и лишения, зачастую поверхностно, инфантильно, нефилософски воспринимаемые человеком, только усиливают стремление убежать «от всего этого», чему всякий раз находится какое-либо средство его удовлетворить. Эти средства, по существу, суть симулякры – «всё более тонкие имитации реальности, конечное назначение которых – создать виртуальный мир, полностью подменяющий реальность и блокирующий всякие вторжения свидетельств этой реальности в наше сознание» [3, с. 42]. Опасность здесь в том, что таким образом сама жизнь поступательно и незаметно обволакивается ими, а они

самим своим существом гасят любой прорыв подлинного бытия: «означающее немотивированно – произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи» [3, с. 61].

Действительно грозный вызов состоит в том, что человек, а точнее его подлинно интеллектуальные, концептуальные, собственно человеческие потребности удовлетворяются символами и знаками, причём, «испортившимися, ставшими своеольными знаками, не столько отражающими объективную реальность, сколько порождающими призрачные, виртуально-манипулятивные миры, изолирующими нас от подлинного бытия» [3, с. 62].

Всё сказанное, даже без пристального внимания, относится к рассматриваемой здесь интернет-зависимости. Философское рассмотрение даёт серьёзное разъяснение, подсвечивает причины развивающихся явлений, которые на поверку оказываются не столь приятными и безобидными.

Так, в представленной логике совершенно по-иному видятся такие нормы и реалии сегодняшнего дня как увлечение on-line играми (на предыдущем этапе развития технологий это были просто игры, устанавливаемые на компьютер, т. е. фактически, это была игра с компьютером, а не с человеком посредством компьютера, что стало реальностью сегодня); потеря ориентира в дополненной реальности; full time (т. е. в переводе с английского – «всё время») online в социальных сетях (1) и пристрастие к виртуальным знакомствам (2); как следствие синергии первого и второго – киберсекс/киберсексуальная зависимость; увлечение покупками в интернет-магазинах; навязчивый веб-серфинг.

Обозначенные виды интернет-зависимости, с наличием и сущностью которых соглашается современное научное сообщество, суть именно убегание современника от себя и актуального бытия: будучи там, пребывая там – в виртуальной реальности – неуправляемыми оказываются технологические процессы (промышленный аспект – производство), без должного внимания остаются дети (социальный аспект – воспитание), деградирует коммуникация между людьми (личностный аспект – человеческое общение) и так далее. Здесь нельзя не согласиться с современником – немецким философом и исследователем коммуникации, профессором Берлинского Технического университета – Н. Больцем, что «человек не может перерабатывать несколько потоков информации параллельно. Считается, что 98% всей поступающей информации не проходит через сознание.

Сознание способно перерабатывать от 40 до 50 бит в секунду и поэтому вынуждено уничтожать, «пожирать» всё остальное. Люди – это систем переработки информации, которые могут усваивать её «порции» только последовательно, одну за другой. Человек может одновременно участвовать только в одном разговоре, он не может слушать лекцию и параллельно читать роман. И поскольку поддержание дружеских связей требует времени, он не может иметь много настоящих друзей» [1, с. 16]. Иными словами, будучи там – в виртуальной реальности – человек не здесь: покинутым, брошенным на самотёк оказывается подлинное бытие, но это никак не устраивает его само, равно как и те его ограхи и несовершенства, которые неизбежно есть, от которых современник и убегает в симулякр вместо их активного, творческого преодоления. Там он занят. Там ему интересно. Там легко. Там он обретает смысл, смысл жизни. Однако там и он, и всё прочее суть лишь fake (т. е. в переводе с английского – «подделка»), а отмеренный период биологического существования, т. е. жизни на Земле, при этом неумолимо, но незаметно человеку, истекает, заканчивается. Здесь, опять же, был меток Б. Паскаля о том, что «мы беззаботно мчимся к пропасти, держа перед собой какой-нибудь экран, чтобы её не видеть» [4, с. 108].

Очевидно, что философский подход совсем не празден и не неуместен. Здесь же важно отметить, что выявленные и обозначенные виды интернет-зависимости, в генезисе которых, однозначно, наличествует и концептуальная причина-составляющая, в реальной жизни порождают конкретные соматические патологии, накладывающиеся и усугубляющие общую картину заболеваемости населения страны, каковой в данном случае является Россия.

В заключении исследования, основываясь на анализе опыта специалистов, представляется целесообразным указать симптомы появляющейся или уже развивающейся интернет-зависимости. Их наблюдение обязывает насторожиться как субъекта (врача), так и объекта (пациента): для первого знание симптомов есть средство доказательства возникших подозрений; для второго знание симптомов есть средство самопроверки, самопрофилактики.

На сегодняшний день принято говорить о следующих психологических (духовных) симптомах, обязательно приводящих к соответствующим последствиям: обретение и сохранение хорошего самочувствия, эйфории в момент пребывания за компьютером, во всемирной Сети; неспособность остановиться, сделать паузу в работе с компьютером, вырваться из Интернета; постепенное увеличение количества

времени, проводимого за компьютером и в Интернете; появление необъяснимой раздражительности, будучи вне компьютера и Сети; ощущение неполноты и пустоты собственного бытия (жизни) вне и без компьютера и Интернета; зарождение лживости и неискренности в отношениях с близкими и коллегами; возникновение профессиональных, производственных проблем на работе (сотрудник предприятия) или в учёбе (обучающийся школы, колледжа, вуза).

Наряду с отмеченными выше психологическими симптомами интернет-зависимости, важно обозначить и медицинские (соматические) симптомы, справляясь с разросшимися последствиями которых, как уже отмечалось и что очевидно, приходится справляться врачам узкой специальности. Среди таковых фиксируются следующие деструктивные, а на определённой стадии развития – критические проявления: ухудшение вследствие колосального напряжения зрения; нагрузка на суставы и мышцы вследствие продолжительного сидячего положения; нарушение режима питания – приём пищи по случаю, на лету, что придётся; нарушение режима сна – постепенный и всё больший перевод ночи в online; пренебрежение личной гигиеной (а также гигиеной рабочего места).

Выходы

Таким образом, всё сказанное позволяет сделать заключение о том, что технологизация жизни – например, Интернет и всё, что с ним связано – совсем не является безобидным для современника развлечением. Более того, отчётливо проявляется необходимость глубокого, концептуального понимания и отношения к тому, что сегодня именуется развлечением: срыв с курса «созидание» на курс «развлечение» не предвещает современникам, живущим в условиях нового технологического уклада, который Клаус Шваб, например, называет его «четвёртой промышленной революцией»: «Уникальность четвёртой промышленной революции, помимо темпов развития и широкого охвата, заключается в растущей гармонизации и интеграции большого количества различных научных дисциплин и открытий. Материальные инновации, возникающие в результате взаимозависимости между различными технологиями, более не являются научной фантастикой. К примеру, сегодня цифровые технологии производства могут взаимодействовать с биологическим миром. Некоторые дизайнеры и архитекторы уже совмещают автоматизированное проектирование, аддитивные технологии, инжиниринг материалов и синтетическую биологию для нова-

торских разработок систем взаимодействия между микроорганизмами, нашими организмами, потребляемыми нами продуктами и даже зданиями, в которых мы живем. Для этого они создают (и даже «выращивают») объекты, которые постоянно изменяются и адаптируются (отличительные признаки растительного и животного мира). В книге «Второй машинный век» Бриннолфссон и МакАфи утверждают, что компьютеры являются настолько способными, что невозможно предсказать, какие приложения они будут использовать через несколько лет. Сегодня искусственный интеллект (ИИ) окружает нас со всех сторон: от беспилотных автомобилей и дронов до виртуальных помощников и программного обеспечения для перевода. Всё это преобразует нашу жизнь. ИИ достиг существенных успехов благодаря стремительному росту вычислительных мощностей и доступности колоссальных объемов данных: от программного обеспечения для открытия новых лекарственных средств до алгоритмов, предсказывающих наши культурные интересы. Многие такие алгоритмы создаются на основе «хлебных крошек», то есть тех информационных следов, которые мы оставляем в цифровом мире. Это создаёт новые типы «компьютерного самообучения» и автоматизированного изобретения, обеспечивая работу «интеллектуальных» роботов и компьютеров по самопрограммированию и поиску оптимальных решений на основе исходных принципов. Такие приложения, как Siri от компании Apple, дают первое представление о мощности одной из подсистем искусственного интеллекта – AI Field, так называемых интеллектуальных консультантов. Личные интеллектуальные консультанты начали появляться всего два года назад. Сегодня распознавание голоса и искусственный интеллект развиваются с такой скоростью, что беседа с компьютером вскоре станет нормой, создавая явление, которое некоторые технические специалисты называют «окружающим разумом», с постоянной доступностью автоматизированных личных консультантов, которые делают записи и отвечают на запросы пользователей. Наши устройства становятся неотъемлемой частью личной экосистемы: они слушают нас, предупреждают наши потребности, помогают по мере необходимости, даже если их не просят об этом» [10, с. 20–22; 9].

Очевидно, что в общем изложенной контексте положение дел не сулит ничего хорошего: «Развлечение – величайшее из наших несчастий. Это оно больше всего мешает нам думать самих себе и не заметно губит нас. Без него мы стали бы скучать, и скуча заставила

бы нас искать более надежного средства от неё избавиться; но развлечение нас забавляет и позволяет приблизиться к смерти незаметно» [4, с. 169]. Это относится ко всем сферам жизни человека и общества, причём, и в прямом, и в переносном смысле.

Использованная литература

1. Больц, Н. Азбука медиа / Н. Больц. – Москва : Европа, 2011.
  2. Лопатин, В. В. Малый толковый словарь русского языка / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – Москва : Русский язык, 1990.
  3. Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – Москва : Алгоритм, 2002.
  4. Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва : АСТ, 2011.
  5. Словари и энциклопедии на Академике. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/90583>
  6. Толковый словарь Ушакова. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=8227>
  7. Указ Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» от 9 мая 2017 г. №203. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/#ixzz5XV4RUOuN>
  8. Фанкл, В. Воля к смыслу / В. Фанкл. – Москва : Альпина-нонфикшн, 2018.
  9. Шваб, К. Технологии Четвёртой промышленной революции / К. Шваб. – Москва : Эксмо, 2018.
  10. Шваб, К. Четвёртая промышленная революция / К. Шваб. – Москва : Э, 2017.
-

3.4. Оборотная сторона технологизации жизни современника: искушения, вызовы, угрозы

Научная статья с таким названием вышла в свет в 2019-м году на страницах журнала «Социально-гуманитарные знания» (№ 6, с. 232–244).

В последнее время внимание человека и намеренно, и непривычно, но обязательно сталкивается и фиксирует тему всё растущей технологизации жизни, причём, абсолютно во всех её аспектах.

Отличительной особенностью сегодняшнего дня является то, что обыкновенно это обстоятельство преподносится в качестве сверхважного прорыва современности, который уже перевернулся (а в ближайшей перспективе перевернёт ещё больше) и традиционные, фундаментальные представления вообще, и протекание отдельных тривиальных процессов в частности.

С этими утверждениями, действительно, нельзя не соглашаться, т. к. это есть объективная данность. Но точно также нельзя и не замечать обратную сторону развивающихся тенденций, которая, к сожалению, неосознанно упускается человеком из виду, а порой и целенаправленно выводится из его поля зрения. Это осуществляется посредством намеренно одностороннего акцентирования фактических достижений, а также грядущих потенциальных прорывов, т. е. силой их продвижения без учёта и оглядки на неизбежно появляющиеся в таком случае опасности. Очевидно, что всё это не предвещает ни человеку, ни обществу положительных последствий: состояние наивного неведения, подкрепляющееся искушением легкостью и беззаботностью недалёкого уже сверхтехнологичного будущего, не делает обратную сторону и её последствия несущественными и несуществующими.

Объективно существующая реальность перемен, их неотвратимость и скорость обращения в данность обязывают рассматривать их не просто характеристикой эпохи, но в качестве вызова ей, а, значит, и тому будущему, которое следует за ней. Под вызовом необходимо понимать складывающееся/сложившееся положение дел, требующее решительного и незамедлительного ответа/действия непосредственно в момент его обнаружения сознанием человека, что обуславливается тем, что в уже следующее за ним мгновение может оказаться поздно по причине радикальности и масштабности изменений, предвещаемых и порождаемых отправным,

т. е. зафиксированным моментом. Сегодня проблема в том и заключается, что современниками вызов не воспринимается таковым. Это обуславливает необходимость проведения не столько просветительской работы, т. е. информирования, сколько приложения усилий на интерпретацию и связывание между собой отдельных, разрозненных данных, что необходимо для оценки, пересмотра, а при открывшейся необходимости и изменения направлений следования и отдельного человека, и общества в целом.

Наиболее однозначным вызовом, т. е. объективно ощущаемым и воспринимаемым таковым людьми текущего века, который является лишь частным случаем ширящейся и усиливающейся технологизация современного бытия, является такое изобретение как Интернет, без которого современная жизнь действительно становится существованием, а порой, и это прямо отражается специалистами, превращается в несуществование.

Так, например, на страницах книги «Азбука медиа» немецкий исследователь коммуникации Н. Больц сформулировал следующие наблюдения: *«Мы подошли к вопросу о культурной функции техники. Путём применения технических средств человек всегда мог демонстрировать свой социальный статус. Сегодня мы можем говорить о радикально временном характере выражения статусной позиции. Для того чтобы выбрать искру общественного признания, человек сегодня должен стать одним из первых потребителей технической новации. Тех, кто приходит слишком поздно, новая техника ждёт уже с обязательным социальным требованием присоединения. Сначала адрес в Интернете был эзотерическим опознавательным знаком sectы «хайтек»; сегодня тот, у кого он отсутствует на визитной карточке, воспринимается как человек не от мира сего. Ну а тот факт, что молодёжь 90-х называли поколением @, не нужно даже комментировать»¹⁰.* И далее: *«Сеть мировой коммуникации сильнее всего уплотняется там, где она обрела имя, – в Интернете. Она выступает здесь как социальное обязательство, которого сегодня уже никто не может избежать. Человек без сетевого адреса – это как бы туниковая ветвь эволюции медиа. И WWW безжалостно отеляет (!) подключенных от неподключенных»¹¹.*

---

¹⁰ Больц, Н. Азбука медиа / Н. Больц. – Москва : Европа, 2011. – С. 14–15.

¹¹ Больц, Н. Азбука медиа / Н. Больц. – Москва : Европа, 2011. – С. 103.

Вполне ясно, что рассматривать, в частности, Интернет в качестве причины всех зол и невзгод современного человека нельзя и недопустимо, т.к. это оказывается самым дремучим и радикально настроенным сектантством. Однако при этом также не возможно не воспринимать трезво действительно настораживающие и угрожающие факты повседневной жизни людей не только в отдельной стране, но и мире в целом, о чём, например, однозначно высказался бессменный (с 1971 года) президент всемирного Давосского экономического форума К. Шваб: «*характер происходящих изменений настолько фундаментален, что мировая история ещё не знала подобной эпохи – времени как великих возможностей, так и потенциальных опасностей*»¹².

В процитированной выше книге «Четвёртая промышленная революция» К. Шваб приводит множество аргументов в пользу вдвигаемой идеи, глубокой, многозначительной и неоднозначной самой по себе, о том, что вынесенное в название труда явление «изменяет не только то, «что» и «как» мы делаем, но и то, «кем» мы являемся»¹³. Очевидно, что к данной мысли можно относиться субъективно по-разному, но однозначно то, что её нельзя сбрасывать со счетов, уже хотя бы потому, что она артикулирована и введена в смысловой оборот современности, причём, не кем-то, но президентом влиятельного сообщества, представители которого способны влиять (и влияют) на мировоззрение, экономику и технологические процессы существенных пространств. Среди приводимых им многочисленных доводов важно отметить, например, следующие: «*По данным Шерри Теркл из Массачусетского технологического института, 44% подростков никогда не отключается от Интернета, даже во время занятий спортом или за едой с семьёй или друзьями. Беседу лицом к лицу вытесняет общение в режим он-лайн, и есть опасения, что целое поколение молодых людей, увлечённых социальными медиа, будет с большим трудом слушать собеседника, поддерживать с ним контакт глазами и понимать язык жестов*»¹⁴, здесь же он обозначает и оценивает (наряду с другими двадцатью (!) пунктами), вероятность

---

¹² Шваб, К. Четвёртая промышленная революция / К. Шваб. – Москва : Э. – С. 21.

¹³ Шваб, К. Четвёртая промышленная революция / К. Шваб. – Москва : Э. – С. 11.

¹⁴ Шваб, К. Четвёртая промышленная революция / К. Шваб. – Москва : Э. – С. 123.

наступления такого изменения, как «имплантируемые технологии»: к 2025 году 82% респондентов¹⁵ прогнозируют поступление в продажу первого имплантируемого мобильного телефона – «возрастает число людей, подключенных к устройствам, причем эти устройства в большей степени становятся подсоединенными к их телам. Устройства являются не только носимыми, но они также имплантируются в организм человека, выполняя функции связи, определения местоположения и мониторинга поведения, а также оздоровительные функции. Кардиостимуляторы и кохлеарные импланты были лишь началом этого процесса. Выпуск новых устройств для улучшения здоровья осуществляется на постоянной основе. Эти устройства будут способны измерять параметры болезней, что в свою очередь позволит людям предпринимать необходимые меры раньше; посыпать данные в центры мониторинга или, возможно, автоматически давать необходимую дозу лекарства. «Умные» татуировки¹⁶ и прочие уникальные чипы могут помочь

---

¹⁵ «Международный экспертный совет Всемирного экономического форума по вопросам будущего программного обеспечения и общества провел исследование среди 800 руководителей высшего звена для того, чтобы оценить, когда, по мнению лидеров бизнеса, эти кардинальные новые технологии станут в значительной степени всеобщим достоянием, а также для того, чтобы в полной мере понять возможные последствия сдвигов для частных лиц, организаций, государственных органов и общества. Отчёт об этом исследовании «Глубинное изменение – технологические переломные моменты и социальное воздействие» был опубликован в сентябре 2015 года», [Четвёртая промышленная революция – Москва : Э, 2017. – С. 140].

¹⁶ Вполне резонно спросить о том, случайно ли, получившее сегодня столь широкое распространение увлечение современников покрывать своё тело совершенно разнообразными татуировками?

В настоящее время это стало всеохватывающим, выходящим за грань рационального (т.е. способного быть понятым инятно объяснённым) действием и вполне взрослых людей, и подростков, и даже детей, до поры и, видимо, при попустительстве и согласии родителей, рисующих на себе что-то обычной шариковой ручкой, которое заметно даже невооружённым взглядом в публичных местах и особенно летом.

Повальный интерес и в определённой мере однокоментность массового начала выкалывания людьми на себе чего-либо было инициировано и разогрето до уровня пристрастия не так давно: по личным наблюдениям – 3–5 лет назад. По этой причине, не впадая в конспирологию и поиск неких заговоров, закономерно и оправдано возникает вопрос о том, не является ли данный тренд в целом своего рода подготовительной кампанией, реализация и окончание которой, просто выведет восприятие, отношение и

осуществлять идентификацию и определять местонахождение. Имплантированные устройства, скорее всего, также помогут передавать мысли, обычно выражаемые вербально, через «встроенный» смартфон и потенциально невысказанные мысли и настроения путем считывания волн мозга и других сигналов»¹⁷.

Приведённые примеры подтверждают справедливость заключения автора данного исследования о сущности разворачивающихся сегодня процессов, названных здесь вызовами, имеющими совсем не шуточный характер.

Продолжая начатую работу, важно отметить такой парадокс: несмотря на предоставляемую технологизацией возможность доступа к разнообразной и многочисленной информации, современный человек оказывается всего лишь, так сказать, общеосведомлённым. Объективная сторона проблемы не взыгает вопросов: объём данных перманентно растёт, а способность человека вбирать их в себя и оперировать ими, хотя и развилась, остаётся ограниченной¹⁸.

в целом сознание человека и общества на новый уровень личного, истово- го (но всё же сгенерированного и срежессированного, о чём они, естественно, не догадаются) желания-готовности быть чем-то другим, о чём, собственно и заявил К. Шваб? Настанет момент, атмосфера и площадка окажутся сформированными, стало быть, владельцам технологий не придётся лично, т.к. всё уже будет сделано за чужой счёт и заранее, нести дополнительные издержки, т.е. тем самым просто увеличить объём собственной прибыли. В принципе, всё вписывается в привычную капиталистическую парадигму выжимания всего и вся из объекта эксплуатации, которая в будущем станет сверх-технологичной, тотальной и безусловной, циничной и холодной – окончательно потерявшей минимально остававшийся и только через необходимость поддерживавшийся, а потому угнетавший и томивший, человеческий облик.

¹⁷ Шваб, К. Четвёртая промышленная революция / К. Шваб. – Москва : Э. – С. 141.

¹⁸ Уже цитировавшийся ранее профессор Берлинского Технического университета Н. Больцем, говорит о том, что «человек не может перерабатывать несколько потоков информации параллельно. Считается, что 98% всей поступающей информации не проходит через сознание. Сознание способно перерабатывать от 40 до 50 бит в секунду и поэтому вынуждено уничтожать, «пожирать» всё остальное. Люди – это систем переработки информации, которые могут усваивать её «порции» только последовательно, одну за другой. Человек может одновременно участвовать только в одном разговоре, он не может слушать лекцию и параллельно читать роман. И поскольку поддержание дружеских связей требует времени, он не может иметь много настоящих друзей» [Больц, Н. Азбука медиа / Н. Больц. – Москва : Европа. – С. 16].

В рассматриваемом случае интерес представляет субъективная сторона дела: пребывание в т.н. поле общей осведомлённости притупляет не только критическую и познавательную способности сознания современника, но и успокаивает, а если использовать более колоритную лексику – убаюкивает – его: с одной стороны он как бы знает, он в тренде, что уравновешивает его, но с другой стороны именно это и не позволяет пойти дальше очерченного контура, т. е. углубиться, а значит, выбраться на новый уровень видения и понимания. Говоря так, важно подчеркнуть, что речь ни в коем случае не идёт об осуждении за то современника, однако, при этом невозможно не говорить о своего рода ловушке, в которой он невольно (сам – это заблуждение) или же целенаправленно (кем-то – это манипуляция) оказывается застрявшим. Именно это и несёт реальную опасность, причём, как именно биологического (область физиологии) характера, так и собственно человеческого уровня (сфера духа). Это обозначает два вида и уровня потенциальных угроз современному человеку и обществу, иметь представление и осмыслить которые сегодня жизненно необходимо, причём, сделать это нужно на самом серьёзном и глубоком, а не только тривиально-повседневном уровне.

Внимательное и сосредоточенное рассмотрение происходящих событий, чего, явно недостаёт современнику, позволяет заметить в течении событий не просто череду отдельных фактов, но их связность и выстроенность не просто в логическую, но и срежессированную последовательность, т. е. проследить наличие определённой воли и интенции.

Характерной чертой сегодняшнего дня является то, что временами прозреваемое свершающееся, большинством современников воспринимается как некоторый несвязанный с реальной жизнью миф, проект неких фантазеров-авантюристов, оторвавшихся от подлинной – суэтной и полной (что действительно во многом так и есть) проблем повседневности – конструирующих некие концепты как развлечение или даже своего рода баловство, сегодня получившее колоритное и понятное всем определение – «хайп». Подобное, безусловно, случается, однако, в случае серьёзного научного дискурса такая ситуация априорно не принимается в расчёт, т. к. это суть всего лишь помехи. Обозначенная позиция недальновидного обывателя, фиксирующего только шум и пребывающего в нём, глубоко порочна, а порой даже и фатальна: в один «прекрасный» день,

некогда проект, оказывается данностью, притом, что, во-первых, непосредственно момент перехода-обращения, т.е. точка бифуркации, оказывается не просто незамеченной, но пропущенной, а более того опосредованно лично обусловленной и приближенной им самим и множеством равновеликих ему; а, во-вторых, по наступлении момента оказывается, что уже имеется, наличествует отношение и восприятие некогда сказочного и ирреального как нормы и данности, причём, лично вожделенной и даже лично, естественно от части, инициированной и созданной самими обывателями. Это свидетельствует следующий факт: симулякры – «испортившиеся, ставшие своевольными знаки, не столько отражающие объективную реальность, сколько порождающие призрачные, виртуально-манипулятивные миры, изолирующие нас от подлинного бытия»¹⁹ и мир симуляков – «ложных, не содержащих натурной вещественности, знаков, обменивающихся друг с другом безотносительно к тому, в каких отношениях находятся первичные реальности, а также безотносительно к нашим человеческим претензиям на смысл, истину, справедливость»²⁰ – воцарились и покрыли собой реальность, подлинное бытие, которые не исчезают, но из них совсем не просматриваются²¹. Вполне очевидно, что в такой ситуации категории и принципы, которые некогда были фундаментальными для человека и общества, утрачивая собственную базовую уникальную значение и роль за счёт инициации и усиления трансформации концептуального содержания, перестают для них быть таковыми, однако, не перестают быть в принципе. Вот, что на сей счёт в своём фундаментальном труде «Православная цивилизация в глобальном мире» писал известный российский учёный, политолог А.С. Панарин: «*Новоевропейский феномен свободы (оформление которого в качестве более или менее осознанного «проекта» практически совпало с открытием Америки в XV в.) кончает тем, что предпочитает погружение в виртуальный мир признанию законных прав – и вытекающих отсюда ограничений – первично-реального мира. А чтобы эта первичная бытийственная реальность*

---

¹⁹ Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – Москва : Алгоритм, 2002. – С. 62.

²⁰ Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – Москва : Алгоритм, 2002. – С. 64.

²¹ Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Москва : Постум, 2018. – С. 5–8.

не напоминала о себе и не тревожила совесть, нынешние постмодернисты предпочитают объявить этот референт химерой»²².

В изложенной логике вполне очевидным является вывод о том, что человеку и обществу такого рода тенденция ничего оптимистично-положительного не предвещает: даже будучи в конечном итоге принятой массовым сознанием, что порождает довольство и успокоенность современников, фэйк, если говорить языком актуальной политики и социальной инженерии, остаётся фэйком, даже если он устраивает всех. Проблема заключается в том, что в такой ситуации – трансформации концептов и парадигм – происходит перерождение всей ткани индивидуального и общественного бытия, а не только отдельных понятий, представляющих устаревшими. Однако важно помнить о том, что сумасшествие клетки организма – онкология – есть не норма, но патология, со всеми вытекающими из этого последствиями, в т. ч. и предельными...

Представленное рассуждение имеет непосредственное отношение к проводимому исследованию в целом и обозначенным ранее двум видам и уровням потенциальных угроз, в частности.

Относительно того, как проявляется их первая группа, связанная лишь с одним из множества достижений и проявлений технологизации жизни современного человека и общества, серьёзно отражающихся на их физическом здоровье, а именно Интернетом, должно сказать следующее.

Представляется верным считать, что при внимательном рассмотрении, проблематика здоровья разделяется на два направления и варианта дальнейшего развития и проявления, которые, однако, непосредственно связаны и отражаются на биологической стороне человека и общества. Иными словами, взаимосвязь медициной приобретает и прямой, и опосредованный характер, которые, объединены тем, что вызваны развитием Интернета.

В первом – собственно медицинском – случае необходимо понимать и вести речь о соматических заболеваниях человека, которые приходится излечивать докторам определённой специальности, полученной ими в период обучения в вузе, а также благодаря и посредством опыта, накопленного уже после аттестации.

---

²² Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – Москва : Алгоритм, 2002. – С. 68.

Во втором – тоже медицинском, однако, не всецело связанным с соматикой – случае речь идёт о психических расстройствах человека, которые необходимо и приходится излечивать врачам соответствующей квалификации.

Вполне очевидно, что первый из указанных векторов следования, оказывается более или менее ясным и доступным для осознания обычным человеком и без дополнительного акцентирования внимания. Проблема заключается в том, что, несмотря на возможность самостоятельного наблюдения и фиксации определённых отклонений от нормы, а также на наличие понимания человеком данного факта в целом, соматические заболевания в данной группе весьма часто приобретают запущенный характер, т. е. начинают быть излечиваемыми врачами достаточно поздно.

Специфическая особенность второго случая заключается в том, что возникающая здесь психологическая зависимость, порождающая в последствие не менее сложные поражения, в т. ч. и имеющие вполне биологический характер проявления, не говоря уже о тяжелейших патологиях психического (духовного) порядка, зарождается, протекает и крепнет незаметно для самого человека, однако, кажимость есть кажимость, а реальность – реальность, в т. ч. и клиника.

Объединяет же оба случая то обстоятельство, что причиной и по-водом возникновения указанных угроз здоровью человека оказывается технологизация жизни, а именно Интернет, оборотная сторона которой, как некий факт и реальность в полный рост проявляются уже после факта встречи с ней, т. е. фактически – из неё, из новой возникшей данности, из зависимости, в которой оказываются многие и многие современники безотносительно возраста, пола, статуса.

В целях предупреждения вероятности, а точнее последствий, попадания современника на указанный путь следования и проживания собственной жизни, представляется важным и необходимым обозначить зафиксированные наукой факты и данности, знание которых способно положительно отразиться, повлиять на человека и общество настоящей эпохи хайтек. Излагаемые, а точнее – систематизируемые – далее научные взгляды и уже накопленный опыт, как представляется, смогут оказаться важными и полезными в силу следующих причин. Во-первых, помогут приметить угрозу, при чём, не только вообще, но и именно самому себе, что поспособ-

ствует или её нивелированию, или её преодолению. Во-вторых, аргументировано и профессионально реализовывать профилактическо-просветительскую работу с пациентами, если дело касается доктора, или со своими друзьями и товарищами, если вопрос заходит об обыкновенном гражданине современной России.

Сегодня не вызывает вопросов и сомнений утверждение о том, что технологизация жизни, в частности, Интернет порождают у человека именно зависимость, что подтверждается, например, уже приводившимися в исследовании данными К. Шваба о том, что сегодня «*44% подростков никогда не отключается от Интернета, даже во время занятий спортом или за едой с семьёй или друзьями*»²³. Такая зависимость, в свою очередь, отражающаяся и на somатическом, и на психическом здоровье современника, что уже было отмечено ранее. Собственно, по этой причине в профессиональной среде сформулирован ряд определений, а само явление приобрело научный статус термин – «аддикция». Данное понятие, имеет, например, такое содержание: *«ощущаемая человеком навязчивая потребность в определённой деятельности. Термин часто употребляется для таких явлений, как лекарственная зависимость, наркомания, но ныне применяется и к нехимическим (поведенческим) зависимостям, таким как игромания, шопоголизм, психогенное передание, гиперрелигиозность. В медицинском смысле, зависимость – навязчивая потребность в использовании привычных стимулов, сопровождающаяся ростом толерантности и выраженными физиологическими и психологическими симптомами. Рост толерантности – это привыканie ко всё большей величине стимула»*²⁴.

Из приведённого определения отчётливо следует, что в таком случае человеку становится необходимой и востребованной, чего, однако, он сам может (а зачастую именно так и происходит) и не замечать, специфическая квалифицированная помощь: психолого-педагогическая, психиатрическая, собственно медицинская. Проблемой является то, что специфическая зависимость современности – аддикция, рассматриваемая как заболевание, имея одновременно и техногенную, и психическую этиологию, оборачивается

---

²³ Шваб, К. Четвёртая промышленная революция / К. Шваб. – Москва : Эксмо, 2018. – С. 123.

²⁴ Словари и энциклопедии на Академике. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/90583>

одновременно же не только соматическими патологиями, которые уже по факту приходится лечить врачам узкой специальности, но и психологическими расстройствами, к преодолению которых оказывается необходимым привлекать не только психиатров, но и, как бы странным это ни казалось, философов и священнослужителей традиционных (и это решительно важно подчеркнуть) религиозных конфессий – христианских, мусульманских, буддистских.

Продолжая работу, представляется важным дать определение конкретной проблемы – что такое интернет-зависимость. Опираясь на анализ общедоступных источников, можно сформулировать следующее: интернет-зависимость – это один из видов нехимической аддикции, т. е. зависимость, вызываемая не психоактивными веществами (наркотики, бытовая химия), но пользованием Интернетом, пребыванием человека в нём, которые характеризуются явной чрезмерностью: время подключения к виртуальной реальности может доходить до 12 часов, а в последнее время благодаря комплексу возможностей (технические, финансовые) – не разрываться вовсе. Или: интернет-зависимость – это навязчиво и вопреки разуму преследующее человека желание подключиться к Интернету, будучи вне его, т.е. off-line, или же наоборот – нежелание, переходящее в неспособность отключиться от Интернета, будучи там, т.е. on-line.

Далее. Изучение литературы по данной проблематике позволяет в сжатом виде изложить симптомы появляющейся и развивающейся аддикции, что важно и в теоретическом, а особенно – в практическом (т. е. в жизненном) смысле.

Сегодня принято выделять собственно психологические (духовные) и собственно медицинские (соматические) симптомы, которые и по отдельности, и в совокупности приводят к последствиям различной степени тяжести.

К числу первых следует отнести такие проявления: хорошее самочувствие, граничащее и переходящее в эйфорию, порождаемое именно пребыванием и именно в момент пребывания за компьютером – в сети Интернет; неспособность прерваться в работе с компьютером/сделать паузу в сеансе связи с тем или иным ресурсом в Интернете; постепенное, но незаметное увеличение длительности работы/пребывания с компьютером/Интернетом; возникновение иррациональной раздражительности без и вне компьютера/Интер-

нета; появление ощущения пустоты жизни и неполноты собственного бытия вне и без компьютера и Интернета; возникновение лживости и неискренности в отношениях с близкими и коллегами; рождение профессиональных, производственных проблем на работе (если человек – работник) или в учёбе (если человек – обучающийся той или иной образовательной организации).

Необходимо также отметить тот факт, что наряду с уже обозначенными психологическими симптомами аддикции, существует и выделяется специалистами ряд собственно медицинских (соматические) симптомы, преодолевать, т. е. излечивать которые, приходится конкретным докторам той или иной специальности. Практика показывает возникновение таких деструктивных, а на определённой стадии принимающих и фатальный характер, проявлениях как: ухудшение зрения, обусловливающееся колossalно возрастающей нагрузкой на глаза человека, всматривающегося в монитор; неправильная нагрузка на мышцы и суставы, возникающая вследствие длительного пребывания в сидячем и однотипном положении; нарушение и расстройство питания и пищеварения, обусловленные неправильным приёмом пищи человеком; нарушение и расстройства сна из-за смещения временных рамок и режимов, порождённые, опять же работой с компьютером или пребыванием в сети Интернет; наконец, пренебрежение личной гигиеной и гигиеной рабочего места, а шире – всего жилища человека.

Подводя итог проделанной работе, следует подчеркнуть, что в рамках статьи внимание было сосредоточено на наиболее очевидной, хотя как было показано, далеко не всем, стороне уязвимости человека и общества, инициируемой и взращиваемой ширящейся технологизацией современной жизни. Речь идёт о биологическом измерении человеческого существа, а стало быть, его телесном и психическом здоровье.

Очевидная необходимость и потребность пребывать в оптимальном – здоровом – состоянии обязывает современника осторожно и разумно относиться к порождённым и обретённым им же достижениям, т. к. они, оказывается, обладают весьма опасными оборотными сторонами, незаметно подкрадывающимися и окутывающими собой человека и общества, порождая критические трансформации – патологии – собственно биологического и собственно духовного порядков, второй из которых требует отдельного исследования и осмысливания.

3.5. Оборотная сторона технологизации жизни современника: искушение, вызов и угроза расчеловечивания

Научная статья с таким названием вышла в свет в 2020-м году на страницах журнала «Социально-гуманитарные знания» (№ 1, с. 194-206).

Вновь обращаясь к размышлению по поводу технологизации современной жизни, приходится повторить отправное для данного случая утверждение о том, что сама по себе проблематика не есть вселенское зло и не повод для декадентских и апокалиптических обывательско-профанных кривотолков. Употреблённая лексика не случайна, но намеренна, т. к. оптимально отражает распространённое положение дел, что весьма часто встречается сегодня как реакция на данность. Сама по себе она, безусловно, вызывает оптимизм своим наличием, однако, удручет своей упрощённостью, недальновидностью и даже инфантильностью. Именно это обязывает концептуально подходить к осмыслению проблемы. Дополнительным аргументом и одновременно иллюстрацией сложности затронутого вопроса, может быть размышление немецкого физика-теоретика XX века В. Гейзенберга об атомной бомбе: «*В случае обычной бомбы вес взрывчатого вещества и его химический состав позволяют заранее рассчитать силу взрыва. Для атомной бомбы, хотя и можно указать верхнюю и нижнюю границы силы взрыва, точный расчёт принципиально невозможен, поскольку она зависит от поведения нескольких атомов в момент детонации*²⁵.

Задачей исследования является фокусирование внимания на гуманитарном аспекте бытия человека и общества, который сегодня испытывает самое серьёзное воздействие, а вследствие этого претерпевает глубинную трансформацию, которые в случае поверхностного и одностороннего (т. е. только технико-технологического) отношения и рассмотрения могут обернуться самыми тяжёлыми и радикальными последствиями.

Среди множества угроз первой и главной представляется потеря личностью и социумом всего того, что передаётся понятием «человечность». Иными словами, технологизация может обернуться тотальным расчеловечиванием, способным привести цивилизацию к фатальному исходу. Не случайно именно в таком ключе в рамках

---

²⁵ Гейзенберг, В. Избранные философские работы: Шаги за горизонт. Часть и целое / В. Гейзенберг. – Санкт-Петербург : Наука. – С. 79.

конференции по искусственному интеллекту «Artificial Intelligence Journey» (Москва, 08–09 ноября 2019 г.) высказался Президент России В.В. Путин. В своём выступлении на пленарном заседании он, в частности сказал следующее: *«...искусственный интеллект – ресурс колossalной силы. Кто будет владеть им, я уже об этом говорил неоднократно публично, тот вырвётся далеко вперёд, приобретёт огромные конкурентные преимущества. Не случайно говорят, что технологическая гонка, которая уже развернулась в мире, будет самой жёсткой и бескомпромиссной в истории нашей цивилизации, а некоторые даже утверждают, что человечество создаёт своё последнее изобретение. Не знаю, так ли это: последнего, наверное, вообще никогда не бывает, но есть основания, видимо, думать и таким образом»²⁶.*

Лейтмотивом дальнейшего исследования можно считать ещё одно высказывание Президента России В.В. Путина, сформулированное им в рамках той же конференции, а именно: *«...Так это или нет, но искусственный интеллект действительно становится новым фактором общественного развития, оказывает всё большие влияния на рынок труда, на повседневную жизнь людей. Сейчас во всём мире разворачивается дискуссия о социальных аспектах и последствиях использования искусственного интеллекта. Это очень важная тема, совершенно очевидный факт. Предлагаю профессиональному сообществу, компаниям подумать над формированием свода этических правил взаимодействия человека с искусственным интеллектом. Мы с вами должны обязательно помнить: нельзя изобретать технологии ради самих технологий, и наша главная цель – это устойчивое гармоничное развитие, рост качества жизни и новые возможности для людей, для граждан. Безусловно, потому, что человек является высшей ценностью. Из этого мы и будем исходить, из этого будет исходить и российское государство, надеюсь, и то профессиональное сообщество, которое занимается и будет заниматься этой важнейшей темой, в том числе и люди, которые собрались сегодня здесь»²⁷.* Иными словами, сегодня приходится вести речь о сохранении человечности или, если сформулировать идею по-другому, деятельно и активно

---

²⁶ Путин, В. В. Конференция по искусственному интеллекту / В. В. Путин. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62003>

²⁷ Путин, В. В. Конференция по искусственному интеллекту / В. В. Путин. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62003>

противостоять надвигающемуся расчеловечиванию современника как такового и некоей общности, составленной из них.

Прежде всего, представляется необходимым обозначить причину – внутреннюю причину – принятой установки. Она носит комплексный характер.

Первый аспект заключается в том, что собственно гуманитарное или, что то же самое – духовное – измерение бытия человека в настоящее время рассматривается лишь формально, а, значит, и претворяется в реальность лишь поверхностно, т. е. как просто необходимость, как неизбежно-обязательный довесок к основному, рассматривающему подлинно и единственно объективным, – биологическому – существованию, который ещё и налагает определённые ограничения и обязательства, что представляется современному излишним, а потому желательно подлежащим выведению из оборота. Такого рода тенденция, к сожалению, всё распространяющаяся в настоящее время, очевидно, должна быть преодолена, т. к. в противном случае разовьётся и окрепнет ещё один, но уже более серьёзный вызов, который можно рассматривать в качестве второго аспекта базовой установки.

Он заключается в том, что постепенно ускользающее человеческое, т. е. духовное измерение, а именно обращение его во всего лишь общекультурный феномен, а сегодня уже даже в сказочную образность, мифологию – на ряду со всё развивающимися достижениями науки и техники, обрачиваются не всеобщим прогрессом гуманизма, а, стало быть, райским благоденствием, но эскалацией расчеловечивания, следствием которого является адское страдание всех и каждого. Важно подчеркнуть, что сказанное не есть ни алармизм/животная паника, ни просто яркий образ/картинка. В обоих случаях имеет место быть отражение реальности, которая зачастую весьма многим неприятна, а потому неосознанно, но чаще сознательно вытесняема из поля собственного внимания, что, однако, не снимает проблему как таковую, не делает её несущей, не снимает её актуальности.

Важно подчеркнуть, что, оба аспекта, должно рассматривать как единое целое, которое, в свою очередь, имеет специфическое проявление в каждом конкретном виде деятельности человека, будь то медицина, образование, программирование ЭВМ, военная служба и т.д.

Как промежуточный вывод из сказанного выше вытекает следующее: посредственное отношение (научное, философское, житей-

ское) к гуманитарному измерению, равно как и такое же воплощение в повседневную практику его концептов, обрачиваются, причём, в прямом и переносном смысле расчеловечиванием современника: сначала его, пребывающего в статусе студента (медицина и образованием – наглядные примеры), а затем его же, но уже выполняющего трудовую функцию в целом организме экономики страны (уже доктора и преподаватели – реальные наглядные образцы выревшего и уже ставшего актуальным, теоретического концепта).

В прямом смысле слова под расчеловечиванием можно понимать утрату того, что принято именовать человеческим обликом, личностью. Речь идёт о такой ситуации, когда человек (врач, преподаватель, программист) разрушается под воздействием губительных пристрастий, на которые его подталкивает каждодневное, фактически, доведённое до автоматизма, что объективно, выполнение профессиональных обязанностей, реализующихся и протекающих в условиях частичной утраты, а порой, даже и полной лишённости т. н. духовной подпитки. В таком случае работник обращается в функцию, придаток к рабочему месту. Это в свою очередь предстаёт триггером, запускающим страдания психического порядка и соматическую деструкцию организма. Особый драматизм и тяжесть ситуации придаёт то обстоятельство, что здесь человек, в определённой мере и степени знает и понимает этиологию (в данном случае максимальное видение имеется у врачей) причину и характер протекания последствий порока (при таком ракурсе наибольшее представление сформировано у священнослужителей), т. е. заболевания/повреждения, однако, несмотря на это, будучи, прежде всего, человеком, оказывается беспомощным: попадает в зависимость/зависимости, болеет, разрушается и погибает, причём, как в биологическом, так и в духовном смысле. Подлинно тяжелыми и прискорбными примерами являются известные «от века» алкоголизм и наркомания, к которым сегодня добавились достижения современной науки и техники – компьютерная игромания и/или Интернет. Важно то, что во всех случаях человек подлинно, а не метафорически, не книжно-образно страдает, а, зачастую, и умирает.

Это живо ощущают на себе родные и близкие – супруги, дети, друзья: мир и счастье становятся небытием²⁸.

Это реально отражается на экономике России: она всё больше начинает испытывать недостаток специалистов, а тем более профессионалов в конкретной области^{29 30 31}.

Сопротивлением и преодолением объективно существующего тренда, как представляется автору данного исследования, могут стать следующие два, вполне достижимых и реализуемых подхода к проблематике.

Первое направление действий – это именно воспитание/культтивирование (целенаправленное и выверенное) человечности в современнике, прежде всего, молодом, подрастающем современнике. Об этом приходится говорить снова и снова, несмотря на кажущуюся очевид-

---

²⁸ 07.11.2019 г. Счётная палата предупредила о сокращении населения России: По данным контрольного ведомства, естественная убыль населения ускоряется четвёртый год подряд, несмотря на усилия по обеспечению устойчивого роста численности, что входит в национальные цели. На первое сентября 2019 года постоянное население России составило 146,7 миллиона человек, что на 52,5 тысячи человек меньше, чем в начале года. – URL https://rg.ru/2019/11/07/schetnaia-palata-predupredila-osokrashchenii-naseleniya-rossii.html?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews

²⁹ 08.05.2018 г. Дефицит специалистов в России достигнет 2,8 млн. человек к 2030 году: Кадровый кризис, который грозит мировой экономике, приведёт к масштабному дефициту специалистов в России, выяснили эксперты Korn Ferry Hay Group. По их данным, из-за нехватки кадров российский бизнес недосчитается почти \$300 млрд. – URL <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5af06b549a79472ff921935e>

³⁰ 22.05.2019 г. Эксперт рассказал, каких ИТ-специалистов не хватает в России: Дефицит специалистов, обладающих компетенциями в области информационных технологий, на российском рынке труда достигает 1 миллиона человек, к ним относятся как рядовые программисты, так и профессионалы на стыке технологических и бизнес-направлений, рассказал РИА Новости директор по направлению «Кадры и образование» АНО «Цифровая экономика» Андрей Сельский. – URL <https://ria.ru/20190522/1554818915.html>

³¹ 01.11.2019 г. Путин предупредил о дефиците квалифицированных кадров: Проблема подготовки квалифицированных кадров является острой для России, без принятия мер к концу 2030 года их дефицит составит около трёх миллионов человек, что в свою очередь может привести к многомиллиардовым потерям для экономики России, заявил президент РФ Владимир Путин в ходе видеоконференции с участниками WorldSkills Hi-Tech-2019. – URL <https://ria.ru/20191101/1560505569.html>

ность. Воспитание должно представлять концептуализированной деятельностью, направленной на выработку и последующее поддержание, в т. ч. и в самостоятельном режиме и, как принято говорить сегодня, on-line, состояния духовной защищённости личности, а именно: определённой настроенности распознавать, вскрывать потенциальные опасности, возникающие на жизненном пути, рассматриваемые и понимаемые в самом широком смысле; способности самостоятельно нивелировать, а в лучшем случае – полностью снимать негативный потенциал верифицированных сознанием вызовов и угроз физического, но прежде всего духовного порядка; умения уверенно и твёрдо противостоять искушениям, генерируемым и провоцируемым культурой, цивилизацией на данном этапе и уровне их развития, например, искушениям технологизации жизни человека и общества, захватывающей всё большее её сторон.

Очевидно, что для повышения эффективности исполнения поставленной задачи решающее значение имеет определение и провозглашение модуса воспитания и как явления, и как процесса. Одной из лаконичных и ёмких формулировок этого, которую целесообразно принять в качестве отправной точки, можно принять мысль философа-славянофила А.С. Хомякова. В одной из своих работ он, в частности, писал следующее: «*Для того чтобы определить разумное направление воспитания в какой бы то ни было земле и полезнейшее влияние правительства на это воспитание, кажется, надобно прежде всего определить смысл самого слова воспитание. Воспитание в обширном смысле есть, по моему мнению, то действие, посредством которого одно поколение приготавляет следующее за ним поколение к его очередной деятельности в истории народа*»³².

Представляется, что подлинная концептуализация и понятия, и проблемы воспитания – возведение её в предел – заключается и передаётся словосочетанием «деятельность в истории народа».

Таким образом, серьёзное отношение, а, значит, посредством этого и преодоление поверхностности/симплификации и кажимости/симулякризации понимания базовых категорий, одной из каковых предстаёт и принятное к рассмотрению понятие, оказывается не просто интеллектуализацией современника, но именно подготовкой его к преодолению неизбежно возникающих вызовов и искушений.

---

³² Хомяков, А. С. Всемирная задача России / А. С. Хомяков. – Москва : Институт русской цивилизации, 2008. – С. 271.

Второе направление действий – это именно реконструкция фундаментальных смыслов базовых понятий, отражающих и передающих сущность явлений и свойств бытия, что обусловлено особенностью сегодняшнего дня.

Дело в том, что в сознании большинства современников априорно наличествуют, имеются некие, фрагментарные, контурные, нечётко артикулированные, расплывчатые представления о многих фундаментальных категориях, в т. ч. и о человечности. Отставляя вопросы о причине такого положения дел, несмотря на турбулентные процессы, протекавшие вчера и продолжающиеся сегодня, они, доставвшись даром и по наследству³³, продолжают удерживать человека и общество на орбите, не позволяя сойти с неё, и как следствие сгореть при падении в плотных слоях атмосферы. Это, безусловно, положительное обстоятельство, однако, в таком состоянии и статусе они не могут оставаться бесконечно долго. Именно поэтому колossalное значение приобретает задача реконструкции растворяющегося, уходящего конструкта. Это особенно важно в виду того, что он ощущается и понимается большинством современников как благо, добро, должное, однако, при этом не находит ясного и уверенного подкрепления.

Отталкиваясь и опираясь на то, что актуально, т.е. то, что занимает сознание человека, появляется возможность разобраться с этим «нечто» – что ощущается благом, добром,енным, и вывести это «что-то» на принципиально иной уровень осмыслиения и овладения.

Важно отметить, что реконструкция – это не копирование, а тем более не клонирование чего-то, что уже стало достоянием прошлого, т. к., в таком случае в конечном итоге возникают симулякры – «испортившиеся, ставшие своевольными знаки, не столько отражающие объективную реальность, сколько порождающие прозрачные, виртуально-манипулятивные миры, изолирующие нас от подлинного бытия»³⁴.

Под реконструкцией следует понимать попытку проникновения и осмыслиения движущих сил тех или иных процессов и явлений, пости-

---

³³ Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – Москва : Алгоритм, 2002. – С. 77–84.

³⁴ Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – Москва : Алгоритм, 2002. – С. 62.

жение внутренних императивов, вычерчивание параллелей и причинно-следственных связей в свершившемся, но не просто в статистическом ракурсе, т. е. как ещё более скрупулёзное уточнение и верификация известного, но как всматривание в данный момент, т. е. в сейчас, через призму реконструируемого раскрывающегося. Иными словами – извлечение из подтверждённого и прояснившегося, уроков и идей для обеспечения функциональности реконструируемого во вновь складывающихся обстоятельствах, реальности. Реконструируемое призвано стать не экспонатом музея, что имеет место быть и необходимо в определённых случаях. В ракурсе и логике настоящего исследования оно призвано сделаться катализатором продуктивной активности и строительным материалом творимого нового.

Реконструкция тем и полезна, что на этапе собственно воссоздания чего-либо появляется возможность не допустить, не совершить те и такие ошибки, которые были сделаны некогда, в прошлом ввиду неведения и невидения их теми, кто творил тогда. Реконструкция – всегда новое, однако, при сохранении и недопущении порчи определённого принципиального – сущностного, остова – компонента, осмыслиенного и принятого, явившего и доказавшего свою фундаментальность и предельную концептуальность. Текущее же творимое человеком и обществом, пишущееся на новом листе и в режиме реального времени, будучи, продуманным в определённой мере и степени, предпринимается при этом на страх и риск актора/акторов, совершается в предстоянии перед неизвестностью того, к чему приведёт, *чем* обернётся деятельность из сейчас. Несмотря на кажущуюся очевидность и расчёты, перспектива *иначе*-возможного не исключается полностью, а значит, что-то может пойти совсем не так, как планировалась³⁵.

Из сказанного выше очевидно вытекает вывод о том, что с чем-то свершившимся это невозможно в принципе, по причине того, что оно надежно спасено в прошлом. В этой связи весьма примечательными в теоретическом и полезными в практическом смыслах предстают следующие идеи современного австрийского психиатра В. Франкла. Рас-

---

³⁵ «Для атомной бомбы, хотя и можно казать верхнюю и нижнюю границы силы взрыва, точный расчёт принципиально невозможен, поскольку она зависит от поведения нескольких атомов в момент детонации» [Гейзенберг, В. Избранные философские работы: Шаги за горизонт. Часть и целое / В. Гейзенберг. – Санкт-Петербург : Наука. – С. 79].

суждая об ответственности как неотъемлемой данности творения человеком чего бы то ни было – самой мелочи и самого большого поступка – он, в частности, сформулировал такие воззрения: «*Что же такое ответственность? Ответственность – то, к чему человек «склонен» и от чего он пытается «уклониться». Сам язык указывает нам на присутствие в человеке сил, которые пытаются его удержать от его же собственной ответственности. Ответственность разверзается перед нами, словно бездна, и чем дальше и глубже размышляем мы о ее природе, тем более опасаемся, покуда не охватят дурнота и головокружение. Ведь стоит углубиться в суть человеческой ответственности – и устрашаешься: что-то ужасающее есть в этом понятии, но есть и ободряющее. Пугает – знать, что в любой момент жизни я несу ответственность за следующий миг, что каждое мое решение, самое малое, как и самое крупное, свершается «на все времена»: в каждый момент я воплощаю или упускаю какую-то возможность, возможность этого момента. Каждое мгновение приносит тысячи возможностей, а я могу избрать и осуществить только одну, а все остальные таким образом обрекаю на небытие – и опять-таки «на все времена», навеки! Но вот что ободряет: знать, что будущее, мое собственное и разных вещей, людей вокруг меня, каким-то образом, пусть даже в малой мере, каждый миг зависит от моего решения. То, что я сейчас осуществляю, что «свершу в мире», то спасу в реальности и сохраню в убежище прошлого»³⁶.*

Всё сказанное выше ещё раз подчёркивает значение восстановления того или иного концепта как опоры для актуальной деятельности и уже новых свершений современника.

Продолжая размышления, важно отметить, что реконструкция в полной мере обладает и педагогическим – образовательно-воспитательным – потенциалом, что имеет большое значение в работе по подготовке молодых специалистов в стенах учебных заведений, например, в медицинских вузах.

Так, отталкиваясь от фиксации актуальных трендов, получающих развитие сегодня, возникает задача их пристального рассмотрения не только по существу, т.е. как нового явления, но ещё и взгляда на них, их анализа из позиции имеющихся, пусть, как было сказано выше, не совсем чётких, расплывчатых, но архитипных воззрений, а скорее –

---

³⁶ Франкл В. Доктор и душа. Логотерапия и экзистенциальный анализ / В. Франкл. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2018. – С. 62.

ощущений, порождающих или притяжение, или отторжение попадающего в поле зрения молодого современника нового: явления, императива, да и просто вещи.

Конструктивность и продуктивность метода заключается в том, что таким образом осуществляется и постижение сущности данностей, и их рядопложение, а значит сравнение. Кроме того, как следствие первого и второго, появляется третье – возможность осознанного выбора, причём, серьёзного, обоснованного и ясного, что означает последующую сообразную конвертацию, претворение концепта в действительность. Примером может быть и должна стать реконструкция базисного понятия – человечность, причём, человечность в высокотехнологическую эпоху уже хотя бы потому, что «одним из наиболее значительных (и наиболее заметных) эффектов перехода к цифровым технологиям стало появление общества, сконцентрированного на себе, основанного на индивидуализации и появлении новых форм сопричастности и сосуществования сообществ»³⁷.

Совершенно ясно, что президентом Давосского экономического форума К. Швабом был сформулирован именно вызов современности, характер возможного ответа на который остаётся открытым, т. е. зависит от того, куда всё-таки качнётся маятник…

Для этого и важно, к примеру, реконструировать суть понятий, описывающих положение дел в воззрениях К. Шваба: что такое общество и что такое общество, сконцентрированное на себе; индивидуализация и общество; то, как они сочетаются (и сочетаются ли вообще) друг с другом и с понятием человечность и т. д. и т. д.

Как пишет тот же К. Шваб, «ошеломляющие инновации, возникшие в ходе четвёртой промышленной революции (от биотехнологий и до искусственного интеллекта), по-новому определяют то содержание, которое вкладывается в понятие «быть личностью»³⁸. Сама по себе эта формулировка автора, т. е. взятая и рассматриваемая вне зависимости от его личных взглядов и интересов³⁹, предупреждает читателя

---

³⁷ Шваб, К. Четвёртая промышленная революция / К. Шваб. – Москва: Э. – С. 114.

³⁸ Шваб, К. Четвёртая промышленная революция / К. Шваб. – Москва: Э. – С. 120.

³⁹ Они, очевидно, не могут быть известными подавляющему большинству профанов – здесь понимаемому в прямом смысле этого слова – тех, кто стоит вне храма: не стоит забывать, кем является К. Шваб, а

быть осторожным с достижениями современности, не обольщаться и всецело не предаваться их чарам.

Таким образом, осуществлять реконструкцию смысла, реконструкцию человечности в частности, сегодня должно начинать с того, что становится данностью актуального момента, активно предлагается, продвигается в сознание неофитов, по определению неготовых к видению потенциальных подводных камней и оборотных сторон инноваций, пребывающих в естественной иллюзии, порождаемой всяkim новым.

Проблема в том, что рано или поздно искушение симулякром всегда отступает, а вот сотворённое человеком/обществом за время пребывания в нём никуда не девается. Более того, ещё долго напоминает о себе новыми и новыми плодами, генетически связанными с ним. Прозрение может наступить (и наступает) тогда, когда игра оказывается сделанной... Сделанной, в т. ч. и руками самого некогда пребывавшего в ослеплении – человека или же социума.

Жесткой иллюстрацией и поводом для личной реконструкции может представать ещё один вызов, обозначаемый К. Швабом, который в некоторой мере уже стал реальным сегодня, в котором пребывают многие недальновидные и объективно малознающие и малопонимающие современники, попавшие в плен иллюзии, симулякра.

Если сегодня это суррогатное материнство⁴⁰, и экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), то К. Шваб заводит разговор ещё дальше.

В книге «Четвёртая промышленная революция» он артикулирует, т. е., фактически, вводит в оборот и обход следующее: *«Технологические достижения подвели нас к новым этическим границам. Должны ли мы использовать ошеломляющие достижения в области биологии только для лечения болезней и устранения последствий травм, или нам стоит также заняться усовершенствованием человека? Если мы примем второй вариант, то рискуем превратить родительство в ещё одно проявление общества потребления, и в этом случае наши*

именно тот факт, что он есть бессменный (с 1971г.) президент Всемирного Давосского экономического форума, где сильными мира сего принимаются весомые политические и экономические решения.

⁴⁰ Представляется, что в данном случае нужно использование (вплоть до изобретения) какого-то иного, нового понятия, т.к. базовый термин радикально отличается и по существу, и духу от того, что вкладывается в новое, расчеловечивающее явление-достижение.

дети могут превратиться в товар, сделанный на заказ по нашим пожеланиям. А что значит «быть лучшие»? Быть свободным от болезней? Жить дольше? Быть умнее? Бегать быстрее? Иметь определенную внешность? Такие же сложные, подводящие нас к границам допустимого вопросы встают перед нами в отношении искусственного интеллекта. Задумайтесь о возможности того, что машины будут думать быстрее нас или даже успешнее нас. У Amazon и Netflix уже есть алгоритмы, позволяющие предсказывать, какие фильмы и книги мы можем захотеть посмотреть и почитать. Сайты знакомств и сайты для поиска работы предлагают нам возможных партнеров или рабочие места в нашем районе или в любых регионах мира, которые с точки зрения этих систем будут наиболее для нас подходящими. Что же делаем мы? Станем ли мы доверять рекомендациям, которые даст нам некий алгоритм, или советам членов нашей семьи, друзей или коллег? Будем ли мы обращаться за помощью к доктору-роботу, снабженному искусственным интеллектом, чьи диагнозы отличает идеальная или почти идеальная точность, или продолжим приходить к врачу-человеку, умеющему своим поведением успокоить пациента, врачу, который знает нас уже много лет? Когда мы рассматриваем эти примеры и их последствия для человека, то вступаем на неизведенную территорию, наблюдаем зарю преобразования человека, которое не похоже ни на что из того, что человечество переживало прежде»⁴¹.

Последняя мысль ещё раз подчёркивает и доказывает предельную актуальность всей проделанной работы: технологизация и расчеловечивание действительно предстают искушением, а потому концептуальная реконструкция оказывается жизненно необходимой и неизбежной.

---

⁴¹ Шваб, К. Четвёртая промышленная революция / К. Шваб. – Москва: Э. – С. 122

3.6. Мировоззренческий фактор в выстраивании педагогической работы

Научная статья с таким названием вышла в свет в 2020-м году на страницах журнала «Балтийский гуманитарный журнал» (№4 (33), с. 199–201).

Введение

Профессиональный (т.е. пристальный и понимающий) взгляд на такую важную сферу жизни государства как образование обязывает причастного к ней субъекта разбираться и оперировать не только содержательной (теоретический аспект) и прикладной (практический компонент) сторонами дела. Одновременно с этим он должен применять и анализировать как уже возникшие, т. е. инициированные когда-то кем-то, так ещё *только* замышляемые, т. е. порождаемые кем-то, в т. ч. и им самим, идеи, предложения и вызовы. Это важно и необходимо в силу того, что ему обязательно придётся принимать решения, которые в той или иной степени, но всегда будут судьбоносны и для него самого, и для окружающих людей. Отсюда и возникает вопрос о том, *что* будет руководителем, двигателем и императивом моделирования и генерирования такой деятельности.

Методология

Сегодня в рассматриваемой области актуальной проблемой оказывается всё ширящаяся тенденция идейно-смыслового отчуждения друг от друга больших групп людей, являющихся близкими по возрасту, живущими в одном историческом моменте. И происходит это даже, несмотря на достижения цифровых технологий (software) и совершенство технических устройств (hardware), уже ставших частью жизни современников, и при этом всё продолжающих своё дальнейшее победное шествие и подчиняющее распространение.

В этой связи, как пример, можно отметить следующие объективные данности настоящего времени. Опираясь на достаточно свежие источники (2018–2020 гг.), приходится констатировать факт, что нынешние достижения науки и техники, действительно, предоставляют пользователям колоссальные возможности соединения и объединения: погруженность в Интернет – «свыше 4,5 млрд. человек на Земле пользуются Интернетом, т. е. почти 60% населения планеты имеют возможность выходить в онлайн. Количество пользователей социальных сетей преодолело отметку в 3,8 млрд. человек» [1]; погруженность в социальные сети – «в настоящее время 45% опрошенных россиян старше 18 лет пользуются хотя бы одной из социальных сетей

почти каждый день, 62% – хотя бы раз в неделю. Полностью исключены из социальных медиа около трети (20% из-за того, что не имеют доступа в Интернет и еще 10% – не имеют ни одного аккаунта» [2]. Однако, как заявил не кто-то, но президент Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб, «одним из наиболее значительных (и наиболее заметных) эффектов перехода к цифровым технологиям стало появление общества, сконцентрированного на себе» [3, с. 114]. Его статусная и авторитетная позиция доказывает идею о том, что технологизация оказывается и отчуждающим фактором (естественно, не единственным); обрачивается лишь внешней оболочкой, прикрывающей факт внутренней пустоты и разобщённости, в виду того, что бытие в Сети и бытие в реальной жизни суть разные вещи. В книге «Четвёртая промышленная революция» упоминавшийся выше Клаус Шваб отмечает, что «всё чаще высказываются опасения, что по мере того, как четвёртая промышленная революция будет углублять наши личные и коллективные отношения с технологией, будут ухудшаться наши социальные навыки и способность к эмпатии. Мы видим, что это уже происходит. Проведенное в 2010 году научной группой в Университете штата Мичиган исследование показало снижение показателя эмпатии среди сегодняшних студентов колледжей на 40% (по сравнению со студентами, учившимися два или три десятка лет назад), причём значительная часть этого спада пришлась на период после 2000 года. По данным Шерри Теркл из Массачусетского технологического института, 44 % подростков никогда не отключаются от Интернета, даже во время занятий спортом или за едой с семьёй или друзьями. Беседу лицом к лицу вытесняет общение в режиме онлайн, и есть опасения, что целое поколение молодых людей, увлечённых социальными медиа, будет с большим трудом слушать собеседника, поддерживать с ним контакт глазами или понимать язык жестов и поз» [4, с. 123].

Для настоящего исследования необходимо несколько сузить и сегментировать целевую аудиторию, отобрав для рассмотрения тех, кто в данный момент обучается в колледжах и вузах. Выполнив это, становится очевидным, что углубление той же самой разрозненности наличествует не только между поколениями молодых современников-студентов, но и разобщённости внутри них самих. Речь совсем не идёт о дифференциации интересов, увлечений или стилей, популярных в молодёжной среде в тот или иной исторический период, естественным образом отделяющих их друг от друга, что, порой, обрачивается весьма жёсткими, радикальными и даже катастрофическими

проявлениеми. Вызов сегодняшнего дня гораздо сложнее и глубиннее, что лишь увеличивает меру его значимости.

Его дух, а, стало быть, и ориентир для приложения в отношении него профессиональных усилий можно уловить в словах мыслителя и знатока русской души, глубокого увидевшего и понявшего её, – Ф.М. Достоевского, заметившего, а главное – сформулировавшего его ещё в XIX-м веке, что подчёркивает давность проблемы. Так, обращаясь к его роману с показательным и говорящим названием «Подросток», можно встретить, следующие идеи писателя, которые не только в полной мере вписываются в логику текущего фрагмента исследования, но и предстают важным компонентом его собственно концептуального фундамента: «...Нынешнее время это время золотой средины и бесчувствия, страсти к невежеству, лени, неспособности к делу и потребности всего готового. Никто не задумывается; редко кто выжил бы себе идею. «...» Явись человек с надеждой и посади дерево – все засмеются: «Разве ты до него доживёшь?» С другой стороны, желающие добра толкуют о том, что будет через тысячу лет. Скрепляющая идея совсем пропала. Все точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России; все живут только бы с них достало» [5, с. 158].

Вполне ясно, что сущность и характер обозначенного вызова, уловленного и зафиксированного великим писателем, носит именно мировоззренческий характер: они упираются в специфику системы координат как каждого отдельного человека, так и группы людей/общества в целом. Это, в свою очередь, обусловливает проекция процессов в частном (человек) и коллективном (социум) сознании, «продуктом деятельности» [6; 7] которого предстают как вполне осозаемые материальные артефакты, так и ментальные конструкты, обретшие бытие.

Роль мировоззрения бесспорна и очевидна подавляющему большинству взрослых и взрослеющих людей. Однако. Подлинное проникновение значимостью нуждается в утончённой настройке и филигранной доводке, не взирая на кажимости или очевидность взглядов на какой-то факт/факты.

Данное обстоятельство в полной мере проявилось, например, в 2020-м году, который Указом Президента России (№327 от 08.07.2019 г. [8]) 2020-й год был объявлен Годом памяти и славы, а именно 9 Мая, когда в России отмечалась 75-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне.

Прежде чем сформулировать дальнейшие воззрения, здесь представляется очень важным обозначить следующее наблюдение, проясняющее логику и смысл последующих размышлений данного исследования.

Опыт работы преподавателем позволил констатировать следующее. В письменных работах, заданных в рамках предмета гуманитарного цикла (для автора данной диссертации – это философия, педагогика и психология), тем или иным образом касаясь темы Великой Отечественной Войны, современные студенты, в подавляющем большинстве, выражают адекватное, патетическое восприятие события. Однако. На письме в отношении него многими из них всякий раз используется лишь аббревиатура – «ВОВ», что по духу и по смыслу выражаемых идей и личного отношения, требует именно полной формы и использования заглавных первых букв при начертании текста.

Это событие, вызвавшее общественный резонанс, было освещено российскими СМИ (Следственный комитет РФ назвал причастных к провокации в ходе «Бессмертного полка»: «В ходе следствия установлены личности причастных к совершению указанных преступлений лиц, находящихся на территории Российской Федерации. Среди них Даниил Симонов из Перми, Андрей Шабанов из Самары, Денис Воронцов из Волгограда, а также Вячеслав Круглов из Ульяновска. В отношении указанных лиц возбуждены уголовные дела, проводятся следственные действия, в том числе обыски по местам жительства, их допрашивают следователи» [9]), а поэтому упоминание здесь данного факта носит характер аргумента и иллюстрации реальности возникновения глубинного разлада и расстройства на глубинном же мировоззренческом уровне системы ценностей и императивов человека вообще и молодого российского современника в частности, приводящих к той самой разрозненности и отчуждению – духовному состоянию, когда в сознании и сердце уже не остаётся ничего сакрального, в результате чего все оказываются предельно ценостно дистанцированными (это выражение является производным от понятия «социальная дистанция», вошедшего в оборот и обиход в марте-мае 2020-го года, в виду распространения в России и мире короновирусной инфекции COVID-19. Во время пандемии его повсеместная реализация должна была обеспечить именно разобщение людей, которое в медицинском случае и смысле было продиктовано требованием остановить распространение нового вируса. Использование производной в случае данного исследования носит образный характер: опираясь на пережитые

и прочувствованные на себе факты, оно должно иносказательно передать положение дел, в котором оказались люди в духовном смысле, причиной которого явилась совсем не инфекция (вирус), т. е. в состоянии, «точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России» [10, с. 158], живя «только бы с них достало» [11, с. 158].

Важно подчеркнуть, что перверсия мировоззрения вызревает незаметно, в атмосфере ложной уверенности большинства членов общества в полной невероятности и невозможности последствий, которые всё-таки как-то пробиваются/прочерчиваются в сознании тех его представителей, кто пока ещё не до конца ценностно охладел. Об этом убедительно писал Ф.М. Достоевский: «Потому что никаким развратом, никаким давлением и никаким унижением не истребишь, не замертвишь и не искоренишь в сердце народа нашего жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего. Он может страшно упасть; но в момент самого полного своего безобразия он всегда будет помнить, то он всего только безобразник и более ничего; но что есть где-то высшая правда и что эта правда выше всего» [12, с. 52]. Однако, оказываясь до времени не незримыми, последствия всегда проявляют себя всегда неожиданно, ярко и громко, что и имело место в празднование 75-й Годовщины Победы в Великой Отечественной Войне.

Дополнительно значимость мировоззренческого фактора, можно подчеркнуть словами заслуженного профессора России А.И. Осипова о том, что оно есть «совокупность взглядов на самые основные вопросы бытия в целом и человека (сущность бытия, смысл жизни, понимание добра и зла, существования Бога, души, вечности). Оно не зависит от степени образования, уровня культуры и способностей человека. Поэтому и учёный, и необразованный могут иметь одно и то же мировоззрение, а люди равного образовательного уровня – прямо противоположнее убеждения. Мировоззрение всегда предстаёт в виде или религии, или философии, но не науки» [13, с. 169–170].

Следует отметить, что обозначенный ранее вызов, дополнительно прочерченный и усиленный художественно, существенно осложняет достижение тактических, а тем более стратегических задач образовательно-воспитательной деятельности, по своей сути и по своему предназначению призванной противостоять тренду: их практическая реализация призвана, как минимум, снять остроту, а как максимум – способствовать полному преодолению – деструктивной тенденции.

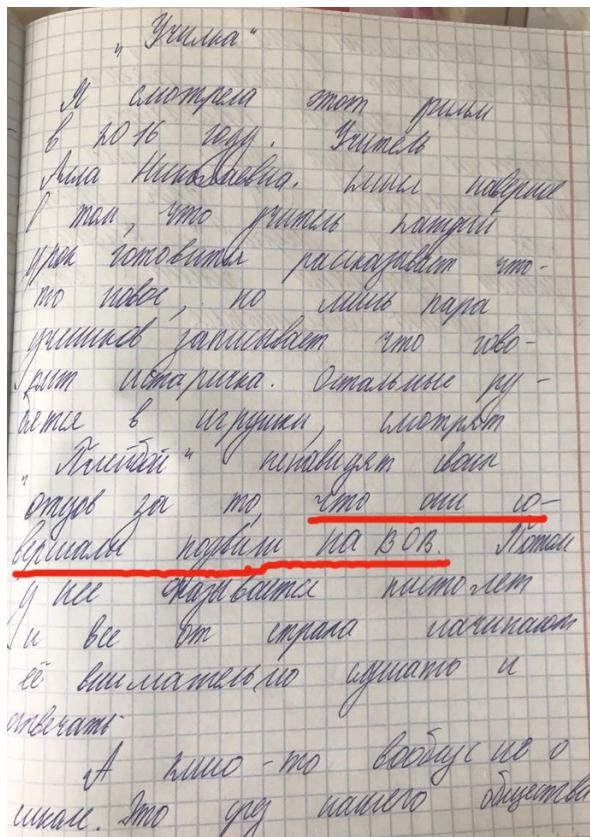

Рис. 1. Студенческое сочинение. Опыт построения мысли
(работа получена в июне 2020 г.)

Это, в свою очередь и тем самым не позволит, если говорить о частно-личном измерении, прежде времени сойти с исторической дистанции (т. е. погибнуть биологически) конкретному человеку, и не раствориться в самом времени (т. е. отправиться в небытие) данному народу и порождённой им цивилизации как таковым, в принципе, если выводить разговор на глобально-онтологический масштаб. На фоне сказанного, а особенно в контексте реально развернувшихся в мире, в России и вокруг России событий (экономических, политических, дипломатических, социальных) многозначительно и декларативно прозвучали слова Президента РФ о том, что «Россия – это не

просто страна, это действительно отдельная цивилизация» [14], которые решительно важны для данного исследования.

Руководствуясь сказанным, следует заявить, что достижению образовательно-воспитательных целей, осмыслению реализации которых способствует данное исследование, будет способствовать видоизменение, особого рода настройка восприятия, ощущения и понимания подхода к взаимодействию с новыми – молодыми – поколениями в целом и их отдельными представителями – студентами колледжей и вузов в частности.

Сущность такого рода трансформации видится в выработке особых отношения к педагогической деятельности, возведение её до такого уровня, когда она становится делом сбережения молодых современников. Задачей ставится специфическое модулирование и моделирование системы мировоззренческих координат акторов образовательно-воспитательной системы (личность) и её как таковой (институт), ориентиром и императивом для которых призвана стать сформулированная позиция – сбережение, сохранение и даже спасение (именно спасение). Принципиально важно отметить, что употреблённые понятия, здесь используются не только образно, но и в их непосредственных значениях.

Переводя дискурс в поле принятых и устоявшихся сегодня понятий, можно сказать, что, по сути, вопрос ставится о безопасности личности и общества, а именно такого её аспекта и такого направления её обеспечения, как духовная безопасность, о которой в настоящее время много говорится, однако, при этом остаётся нерешённым множество проблем, носящих принципиальный характер. Это только подчёркивает уместность и своевременность представляемой диссертационной работы.

В качестве заключения настоящего смыслового блока представляется необходимым привести слова, обладающие и образным, и императивным характером одновременно, принадлежащие христианскому богослову, философу и учителю VI века Иоанну Лествичнику, в которых ярко отражается подход и видение заявленной в исследовании проблемы. В его наставлениях, дошедших до нас, но давностью лет выменивших в тень, а потому оказывающих недоступными современникам, он, в частности, провозглашал следующее: «Если ты получил от Бога дар предвидеть бури, то явно предвозвещай о них находящимся с тобою в корабле. Если не так, то ты будешь виновен в крушении корабля, потому что все с полною доверенностию возложили на тебя управление оного» [15, с. 432–433].

Использованная литература

1. Гарасюкова, М. Чуть меньше сна: сколько времени россияне сидят в интернете. Исследование: россияне проводят в интернете 7 часов 17 минут ежедневно / М. Гарасюкова. – URL: https://www.gazeta.ru/tech/2020/02/12/12956929/we_are_social.shtml (дата обращения: 01.07.2020).
2. Каждому возрасту – свои сети. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8936> (дата обращения: 01.07.2020).
3. Шваб, К. Четвёртая промышленная революция / К. Шваб. – Москва : Э, 2017.
4. Шваб, К. Четвёртая промышленная революция / К. Шваб. – Москва : Э, 2017.
5. Достоевский, Ф. М. Подросток / Ф. М. Достоевский. – Москва : Эксмо-пресс, 2002.
6. Загвязинский, В. И. Методология и методы психолого-педагогического исследования / В. И. Загвязинский. – Москва: Академия, 2006.
7. Загвязинский, В. И. Качественные и количественные методы психологических и педагогических исследований / В. И. Загвязинский. – Москва: Академия, 2013.
8. Указ Президента РФ «О проведении в Российской Федерации Года памяти и славы» от 08.07.2019 №327. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=727672#07754539120126648> (дата обращения: 01.07.2020).
9. Козлова, Н. СК назвал причастных к провокации в ходе «Бессмертного полка» / Н. Козлова. – URL: <https://rg.ru/2020/05/16/reg-pfo/sk-nazval-prichastnyh-k-provokacii-v-hode-bessmertnogo-polka.html> (дата обращения: 01.07.2020).
10. Достоевский, Ф. М. Подросток / Ф. М. Достоевский. – Москва : Эксмо-пресс, 2002.
11. Достоевский, Ф. М. Подросток / Ф. М. Достоевский. – Москва : Эксмо-пресс, 2002.
12. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург : Лениздат, 1999.
13. Осипов, А. И. Путь разума в поисках истины / А. И. Осипов. – Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2004.
14. Латухина, К. Путин назвал Россию отдельной цивилизацией / К. Латухина. – URL: <https://rg.ru/2020/05/17/putin-nazval-rossiium-otdelnoj-civilizaciej.html> (дата обращения 01.07.2020).
15. Преподобный Иоанн Лествичник Лествица, возводящая на небо. – Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2007.

3.7. Сбережение и спасение современника как установка и подход к преодолению разности и разрозненности поколений

Публикация статья с таким названием вышла в свет в 2020-м году на страницах журнала «Балтийский гуманитарный журнал» (№3 (32), С. 191–194).

Введение

Приступая к работе в новом учебном году, преподавателю любой дисциплины важно помнить и исходить из такой объективной данности, которая, несмотря на свою очевидность и известность специалисту (имеется в виду осведомлённость о ней), зачастую, оказывается им призабытой или же учтённой не в полном объёме. Это, от части, объяснимо стремительностью, суетностью и событийной насыщенностью повседневной жизни – учебного процесса в рассматриваемом случае, – что, однако, не уменьшает важности самого явления. Речь идёт о следующем.

Выходя на новый поток студентов, новой оказывается всякая встреча с обучающимися, причём, даже в рамках этого самого начатого периода, т. е. в каждом его семестре, притом, что, казалось бы, что речь идёт об одном целом и достаточно небольшом временном отрезке. Однако факт остаётся фактом.

Говоря о свершившемся пересечении линий жизни преподавателя и студентов, следует подчеркнуть, что употреблённое словосочетание «новая встреча», имеет два смысловых аспекта: первый – наиболее очевидный и второй – требующий уточнённого и утончённого восприятия и понимания.

Ситуация номер один базируется на прямом смысле употреблённого прилагательного «новая», которым обозначается именно констатация факта свершения/наступления ранее не-бывшего. Описывается сложившееся положение дел. «Малый толковый словарь русского языка» даёт, например, такое первичное значение прилагательного «новый»: «недавно, только что сделанный, появившийся, изобретённый, открытый» [4, с. 300].

Ситуация номер два, логически проистекая из первой, подразумевает дополнительный оттенок смысла. То же самое слово может и должно рассматриваться в значении «другой»: «недостаточно знакомый, малоизвестный» [4, с. 300]. Иными словами, всякий выход на новый набор обучающихся в целом и на каждую из двух его половин

в частности, есть встреча разная: каждое отличается от каждого, несмотря на сущностное подобие (характер отношений – учебный процесс и их статус – преподаватель-студент) и объективную константность (частота встреч, возраст студентов, учитываемые в пределах погрешности ($<+>/<->$ год-два) одни и те же). Здесь важно отметить то, что это может создать (и реально создаёт) пародию на религиозно соотнесенное и окрашенное понятие «вечность» – то, что в соответствующей парадигме настаёт/наступает и вообще возможно не в рамках земного бытия, но по его завершении. В этом-то именно и заключается эрзац. Представляется, что при подобном смешении и наложении смыслов, в глазах и сознании преподавателя время как бы останавливается, возникает иллюзия неизменности всего и вся, т. е. «вечность», а ещё точнее – её подделка: пред ним оказывается «вечно одинаковый» студент. Следствием является то, что субъект всё больше и больше утрачивает ощущение необходимости учёта поправки на время; теряет понимание важности придания свежести (т. е. как принято говорить у кадастровых инженеров – «отдежуривания топоосновы территории/местности» – нанесения/удаления на карту новых объектов и инженерных коммуникаций, что крайне важно для безопасного и эффективного ведения хозяйственной деятельности) программе и содержанию курса своего учебного предмета (*«Основы философии»* в рассматриваемом случае); наконец, воспринимает своих студентов всегда одинаковыми, вне зависимости от временного лага, будь то семестры учебного года или пятилетия, что оборачивается самыми серьёзными последствиями.

Очевидно, что именно эта разница имеет решающее значение в деле реализации образовательных и воспитательных задач в целом и данного (*«Основы философии»*, например) учебного предмета в частности.

Методология

Как показывает личный практический опыт, в настоящее время приходится отмечать серьёзное отличие, разность молодых современников друг от друга и в рамках одного учебного года – между отдельными его семестрами, и, что ещё более значимо – между учебными годами, взятыми и образующими некоторый исторический период. Например, пятилетку. Или во избежание упрёка в смысловой или идеологической ангажированности с уже достаточно давним, т.е. советским, прошлым России – пятилетия.

Важно исходить из того, что здесь ни в коем случае не подразумевается дискриминация молодых современников по мировоззренческим, интеллектуальным, и даже психофизиологическим критериям: предыдущие сильнее текущих или настоящие лучше ранее обученных. Однако, опираясь на данный императив недопустимости, должно отметить, что именно таков характер и сущность фиксируемых сегодня различий и колебаний: содержательная, ценностно-смысловая гомогенность и цельность или отсутствуют, или же преобладают в удручающем состоянии, что отрицательно отражается на тактических и стратегических задачах государства. Важно подчеркнуть, что это касается всех сфер его жизнедеятельности, в т. ч. затрагивает и плоскость образования и воспитания новых, т. е. других поколений современников, которые благодаря и посредством формирования и поддержания в них указанных выше качеств и установок, должны стать не самостийными, обособленно-индивидуализированными, независимыми, т. е. несопричастными (в сознании и памяти сразу же возникает переадресация к «нумерам» романа «Мы» (1920 г.) Е. Замятине, которыми были заменены и стали настоящие люди-личности) единицами, но влиться, создать нечто целое, которое имеет ясную самоидентификацию, независимо хозяйствует и созидает – актора, каковым предстаёт личность, общество, государство.

Здесь же решительно важно подчеркнуть, что говоря об удручающем положении дел с гомогенностью и цельностью современного российского общества, а в данном случае его обучающейся – студенческой – части, совсем не подразумевается и не поддерживается расхожее и устоявшееся утверждение, оказывающееся и служащее глубинным и утончённым успокоителем совести человека, отстранённо (т. е. непосредственно не пребывающего в гуще событий, теме или проблеме, а потому и не понимающего их) взирающего на происходящее о том, что всё настоящее плохо и безнадёжно, что во всём виноват кто-то *вообще*, страшным выводом из чего становится радикальная во всех смыслах формулировка типа: «С Рашки надо валить!». Известно, что в сознании некоторых граждан и даже определённой части современного Российского общества данным неологизмом именуется место их жизни – Россия. Особый подло-предательский колорит ситуации задаётся тем фактом, что формулирующий такую позицию человек (а таковым сегодня достаточно часто оказывается студент колледжа)

джа или вуза, что подтверждалось в личной практике автора) не просто и не только физически пребывает в России в силу некоего злого рока, но ищё и оказывается способным, т. е. находит возможность, так или иначе (но всегда сообразно собственным способностям, навыкам и знаниям) обеспечить собственное существование. Иными словами, пользовать всё то достояние государства, каким бы совершенным или несовершенным оно ни было, которое он так уничижительно и с презрением развенчивает и поносит.

Обозначая данную проблему важно не просто раскритиковать или заклеймить современника за такую позицию, чем, к сожалению, сегодня (равно как это случалось и во все прошлые времена) всё, зачастую, и заканчивается. Решающее значение имеет неэмоциональное, но холодное принятие и следующая за этим концептуализация вызова, т. е. рассмотрение его с онтологических, предельных позиций. Это предоставит возможность вывести человека с тривиального уровня восприятия и понимания, на котором он оказался и застрял, попав в поле действия, зачастую, интенциально сгенерированного предубеждения, манипуляции, симулякра.

Одним из направлений реализация данной действительно сложной задачи предстаёт выработка и практическая реализация такого подхода к организации процесса претворения в жизнь образования и воспитания молодого современника, при котором он, даже оказавшись и устойчиво пребывая в плена упрощающей и разрушающей идеологомировоззренческой установки, диагностируемой очевидной профессионалу или же просто более взрослому – мудрому – человеку, не вычёркивается из жизни, т. е. фактически списывается со счетов, но именно сберегается, как важная, уникальная единица, за которую борются – выручают и возвращают в подлинное бытие, рассматриваемое и понимаемое во всех имеющихся аспектах данного термина.

Решительно важно подчеркнуть, что сформулированную концептуальную задачу должно рассматривать и понимать как в свете секулярной парадигмы, так и в сиянии религиозной системы координат, т. к. для каждой из них ценность человеческой жизни и её сбережение – пока ищё не пустые заявления.

При этом, как видится автору данного исследования, эмоциональная и смысловая нагрузка восприятия принципиальной задачи, сформулированной выше, в случае рассмотрения её через призму

второго базового подхода к фиксации отправных мировоззренческих установок, приобретает много большую разъясняющую меру и степень наглядности.

Представляется, что в подлинно духовном смысле, а таковым является только религиозное мироощущение, заявленная проблема оказывается не просто сбережением, но обрачивается в спасение человека – его души, что первостепенно и тела, что вторично, но не немаловажно. Очевидно, что здесь подразумеваются и принимаются в расчёту мировые религии, а не псевдо креатуры человеческих интеллектов и рук, создающих всевозможные секты и культуры, которые лишь эксплуатируют фундаментальные, жаждущие восполнения и удовлетворения изначально чистые/неосквернённые религиозные чувства людей всех былых эпох и высокотехнологичной современности в том числе. Кроме того, крайне необходимо отметить то, что в сказанном не должно усматривать попытку того или иного смешения и смешения двух мировоззренческих позиций – светской и религиозной: они остаются разведёнными и должны быть отделёнными друг от друга, что, на самом деле, оказывается решительно важным для каждой из них. Однако рядоположение важно и целесообразно, необходимо и полезно по меньшей мере, в силу двух обстоятельств.

Во-первых, тем, что таким образом дух и модус второй из имеющихся позиций, т. е. религиозно окрашенного мироощущения, акцентируется и проецируется как ориентир для первой, т.е. светски инспирированного подхода. Иными словами, рациональное, т.е. строгое и сухое, холодное и беспристрастное – всё соотносящееся и предъявляемое научному (ассоциируемому, прежде всего, с материалистической *positio*) отношению к миру и функционированию в нём, вдохновляется и одухотворяется подчёркиваемой перспективой человека и человеческого – собственно того, ради кого, во имя чего и в ком возможно и возникает полагание Смысла, обдуманного, подлинного существования, а не сведённого к функции прозябания самого научного подхода, науки как таковой. Уместным и показательным здесь предстаёт образ ИНТЕГРАЛА, математически безошибочному построению которого были подчинены и озадачены – «жили» – нумера замятинского «Мы» (1920 г.): «...да здравствует Единое Государство, да здравствуют нумера, да здравствует Благодетель!» Я пишу это – и чувствую: у меня горят щеки. Да: проинтегрировать грандиозное все-

ленское уравнение. Да: разогнуть дикую кривую, выпрямить её по касательной – асимптоте – по прямой. Потому что линия Единого Государства – это прямая. Великая, божественная, точная, мудрая прямая – мудрейшая из линий... Я, Д-503, строитель ИНТЕГРАЛА, – я только один из математиков Единого Государства. Моё, привычное к цифрам, перо не в силах создать музыки ассонансов и рифм. Я лишь попытаюсь записать то, что вижу, что думаю – точнее, что мы думаем (именно так: мы, и пусть это «МЫ» будет заглавием моих записей). Но ведь это будет производная от нашей жизни, от математически совершенной жизни Единого Государства, а если так, то разве это не будет само по себе, помимо моей воли, поэмой? Будет – верю и знаю» [3, с. 3–4], а, стало быть, и жизни самой личности и общества.

Во-вторых, данное решение способствует тому, что, будучи расположенным рядом – на фоне и в свете секулярно ориентированного способа видения объективного мира и подхода к реализации существования в нём – собственно духовное, т. е. религиозное, мироощущение может и способно приобрести, т. е. перенять, у другой стороны её научную строгость и даже определённую меру жесткости, которые весьма необходимы ей для разъяснения и проведения в жизнь человека и общества собственных фундаментальных установок (догм).

Представляется, что отсутствие в пастырской работе указанных выше качеств, а именно научной чёткости, строгости и жесткость, а также собственно самих научных знаний – фактов и законов – полученных и верифицированных, получаемых и верифицируемых на протяжении времён, рассматриваемых здесь в качестве её единственного дополнения и наполнения, способно привести к достаточно серьёзным последствиям.

Подобно тому как их нивелирование или даже исчезновение из образовательно-воспитательной деятельности, если говорить языком секулярной системы координат, обращают работу педагога/преподавателя из концептуально заряженного дела – сбережения человека, о чём заявлялось ранее, во всего лишь в функцию, занятость, точно так же и точно то же самое случается тогда, когда идеяным базисом и императивом оказывается духовно-религиозное отношение к миру: в таком случае пастырское служение – аналог понятию светской системы координат – превращается из концептуальной задачи спасения чело-

века (точнее – вспомоществования ему) в красочную театрализованную постановку интересного мифа, т. е. тоже во всего лишь занятость соответствующих лиц. Это если говорить о внешнем аспекте.

Что касается внутренней стороны дела, то ситуация здесь на порядок драматичнее: отсутствие важных атрибутов научности превращает концептуальное дело, обращает его непосредственное исполнение в мягкотелое заигрывание и елейность пастыря. Опасность здесь в том, что в результате не только и не просто расстраивается характер общения-взаимодействия сторон, но и незаметно закрадывается профанация догм, а именно то, что законы мироустройства – духовные законы в данном случае, – заданные самим Творцом, а именно их строгость, неизменность и страшность, в рассматриваемой ситуации инфантилизации сознания человека начинают восприниматься всего лишь, что закономерно и неизбежно, «понарошкой». Употребление данного слова детского словаря здесь вполне оправдано, т. к. детское сознание весьма чётко уловило дух ситуации и облекло её в лаконично-глубокую словоформу.

Опасно и страшно это тем, что в религиозно окрашенном мироощущении такого рода искажение начинает казаться, естественно, не нормой, но реально-допустимым положением дел, чему находятся оправдания. Постепенно и незаметно реальностью становится то, что, как говорится в повседневном обиходе, «номер проходит». Ярчайшим примером является то, как ловко осуществляется манипуляция с императивом любви и самим понятием «любовь», когда им обозначаются и воспринимаются нормой мерзости половых извращений: гомосексуальная любовь, однополые браки, усыновление и рождение в таких сожительствах детей. В настоящее время на этой почве разгораются не только совсем нешуточные идеологические, политические и экономические конфронтации, но и ожесточённые религиозно-догматические противоборства.

Примером могут послужить следующие, недавно имевшие место в реальной жизни России и мирового сообщества факты. Так, в рамках обсуждения поправок в Конституции РФ, прошедшего 13.02.2020 г. под руководством Президента России В.В. Путина, депутатом Государственной Думы РФ О. Баталиной была озвучена проблема всё усиливающейся тенденции подмены понятий и пересмотра фундаментальных вопросов семейного жизнеустройства:

«Я не знаю, лет десять назад я точно не могла бы даже предположить, что на смену простым, понятным для нас словам «мама» и «папа» могут прийти какие-то универсальные странные понятия «родитель номер один» и «родитель номер два». Сегодня же это не фантастика, сегодня это реальность в ряде стран» [2]. На сформулированную ею идею Президент России ответил так: «Что касается «родителя номер один», «родителя номер два», я уже как-то публично говорил и повторю еще раз: пока я Президент, у нас не будет «родителя номер один», будут папа и мама» [2].

Уже на следующий день, т. е. 14.02.2020 г. последовала реакция западного истеблишмента. Агентство РИА Новости сообщило: «Великобритания призывает международное сообщество бороться с дискриминацией сексуальных меньшинств и гордится тем, что однополые браки в Соединенном Королевстве легализованы, сказал РИА Новости представитель МИД страны на фоне заявления президента РФ Владимира Путина о том, что пока он возглавляет государство, в РФ не будет родителя номер один и номер два. «Великобритания продолжает отстаивать права представителей ЛГБТ* по всему миру. Мы призываем международное сообщество бороться с дискриминацией представителей ЛГБТ* и развивать многообразность и толерантность. Мы гордимся тем, что однополые браки в Великобритании законны и приветствуются», – заявил представитель Форин-офиса» [1] (*Организация ЛГБТ признана экстремистской и запрещена на территории РФ).

Удручают то, что таких случаев идеино-смысловых атак на не разделяющих подобного рода «ценности» (Россию, в частности) сегодня много и носят они действительно агрессивный и деструктивный характер.

Заявленная выше необходимость и полезность рядоположения двух систем мировоззренческих координат проявляются в том, что сухость, строгость и жесткость научного подхода, однозначно, не пропускают волонтеристские номера, что вдобавок ко всему не допускается и пресекается самой природой: физика и химия, на пример, всегда имперсональны, глухи, немы и бесчувственны к человеческой немощи и прихотям; их законы, будучи раскрытыми, узнанными человеком, неизбежно действенны; в мире и свете открытых истин устройства мира, выясняется и подтверждается эмпирически, что «номер не проходит». Именно в этом случае первая парадигма проецируется как

ориентир и становится ориентиром и для второй, т. е. секулярное укрепляет и усиливает религиозное, что на первый поверхностный взгляд видится как нонсенс и делириум, однако, при концептуальном подходе к рассмотрению становится объективной реальностью и даже необходимостью.

Результаты.

Таким образом, вычерчивается вполне ясный подход к решению достаточно сложной проблемы, заключающейся в том, как организовывать образовательно-воспитательную работу со всякий раз встречающимися новыми-другими-разными молодыми современниками, приходящими получить определённый объём знаний и сформировать собственное мировоззрение. Более того, описанная смена подхода к пониманию (теория) и деятельности (практика) обеспечивает возможность конструктивного разрешения зафиксированного вызова, позволяет именно творчески (от лат. *creare* – творить, создавать) преодолевать, фиксируемую как объективный (в той или иной мере) факт разность поколений даже внутри весьма небольших выборок: концептуальным духом, инспирирующим активность в указанном направлении становится сбережение и/или спасение тех, которые встретились на пути, возникли на горизонте, попали в орбиту, т. е. оказались во внимании и влиянии субъекта-творца – учителя/преподавателя/родителя/руководителя; тех, которые просто есть как данность; тех, которые именно есть, а иных/других просто нет.

Использованная литература

1. В МИД Британии прокомментировали слова Путина «о маме и папе». – URL: <https://www.ria.ru/20200214/1564805529.html>
  2. Встреча с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62776/work>
  3. Замятин, Е. И. Мы / Е. И. Замятин. – Москва : АСТ, 2019.
  4. Малый толковый словарь русского языка. – Москва : Русский язык, 1990.
-

3.8. Человечность: концептуализация понятия через философское и педагогическое осмысление происходящего

Публикация статья с таким названием вышла в свет в 2022-м году на страницах журнала «Социально-гуманитарные знания» (№6, с. 122–126).

В русском языке имеется множество абстрактных существительных, образованных посредством суффикса «-ость». В числе таких слов – «честность», «преданность», «вечность», «подлость», «ложность», а также «человечность», представляющее интерес для настоящего исследования. Последнее, в принципе, знакомо большинству и значимо для многих современников, что хорошо, но недостаточно. Этим обуславливается необходимость глубокого понимания смысловых уровней данного понятия, которого сегодня, зачастую, как раз и не хватает простому человеку в его повседневной практике, занятому и увлечённому решением скорее обыденных проблем, нежели концептуальных задач. Такое положение дел естественно, но оно *не является подлинным и полным бытием человека*. Осложняющим дополнением обозначенного выше, как ожидаемой закономерностью дальнейшего развития ситуации, является, ставшее характерной чертой настоящего времени, употребление фундаментальных понятий (по критерию значимости для жизни в целом; с точки зрения их смысла) скорее в патетическо-декларативном, нежели концептуально-конструктивном ключе, что выхолащивает и девальвирует именно базисные вехи, исторически впечатанные в данную лексическую единицу, употребляемую людьми. Слово «человечность» здесь не является исключением. Наконец, положение дел сегодня существенно осложняется ещё и тем, что одновременно продолжают усиливаться тенденции симплификации и профанации содержания принципиальных категорий. В результате такого синтеза в действительности воцаряется весьма *примитивный*, а потому *удобный*, а потому и *поддерживаемый*, причём, и потребителями, и заказчиками идеологический конструкт, суть которого сводится к сообразной максиме: «Мы за всё хорошее против всего плохого», которая, хотя обычно и применяется в бравурно-шутливом ключе, на самом деле, благодаря своей обтекаемости, для многих стала именно руководящей идеей реальной практики. Очевидно, что по прошествии совсем недолгого времени его воплощения в реальность, в ней возникают карикатурные, а сегодня уже и откровенно уродливые, но при этом

настоящие, что и ужасает сознание, явления и процессы, в которых и с которыми приходится реально жить людям и обществам. Всякий заинтересованный, сконцентрировав внимание, может легко обнаружить примеры этого, а фокусировка на профессиональной сфере деятельности помогает сделать это быстрее.

Сказанное обосновывает проведение концептуализирующей работы.

Исходя из того, что заявленное к рассмотрению понятие есть понятие абстрактное, то разговор и рассуждение на сей счёт, а через то понимание сущности явления, целесообразно реализовать через принятие во внимание конечного продукта, результата воплощения в действительность и практику жизни современника тех самых незримых, абстрактных в смысле неосознанности, руководящих, модулирующих сознание вводных, императивных установок, полагаемых таковыми конкретным человеком. Глядя на внешнее, можно постараться и составить представление о внутреннем, работа с которым позволит отформатировать (а если потребуется, то и «переустановить», что, очевидно, очень непросто) его, что в свою очередь, снова будет делаться вполне фиксируемым достоянием времени, которое, исходя и в соответствии с выработанной и принятой системой ценностных установок, можно будет квалифицировать как положительное и созидающее или негативное и деструктивное. Так будет выявлено собственно человеческое – человечность, а выделенное охарактеризовано, т. е. прояснено.

Как отмечалось ранее, трудовое поприще человека способно предложить целый ряд примеров касательно рассматриваемой проблематики. Сфера образования не только не является исключением, но ещё и более наглядной, а главное чувствительной плоскостью личной и общественной жизни. Вполне очевидно, что субъект педагогической деятельности обязан уметь примечать и осмысливать имеющиеся и развивающиеся тенденции, т. к. от этого будет зависеть качество и эффективность его деятельности, концептуализирующей действительность, что в особой мере, как представляется автору, присуще обучению студентов колледжей и вузов философии-предмету.

Так, работа преподавателем философии-дисциплины, позволила зафиксировать весьма специфические проявления человечности, которые, как выяснилось и подтвердились, не только и не всегда характеризуются положительно, как это представляется обыденному сознанию, а именно, что человечность – это всегда и только про хорошее,

светлое и высокое в людях. Выявляя и анализируя образцы воплощения человечности, становится понятно, что *она может быть, как доброй и светлой, так и злой и тёмной*.

Сформулированные ориентировки позволяют инициировать процесс прояснения того, что *есть и откуда* берётся человечность. В качестве примера-иллюстрации, предстающего серьёзным поводом к размышлению над происходящим сегодня, предлагается рассмотреть и осмыслить одно из некогда зафиксированных явлений, сделанных за время работы преподавателем в системе СПО и ВО (НГУЭУ, НГМУ, НВВКУ, СибУПК).

Весьма многие студенты младших курсов колледжей и вузов, выполняя задание по написанию сочинения на заданную тему, в своих размышлениях, так или иначе выходя на осмысление темы Родины, в текстах своих работ пишут соответствующее слово с маленькой буквы, что, безусловно, говорит о патриотичности их настроения, а точнее – его обесценивании, а в пределе – об отсутствии сформированности ценностного отношения к проблеме вообще, в силу чего использование прописной или же заглавной буквы не является ни принципиальным, ни существенным. Указанный, не тотально, но многократно фиксировавшийся факт, можно и должно полагать явлением (от глагола «являть») того, что не видно – человечности, причём, в данном случае человечности тёмной и злой, что важно и должно понимать не только в фигуральном смысле. В первом случае можно и нужно полагать необразованность и непросвещённость, а во втором беспринципность и теплохладность. В таком раскладе сам факт использования в рассматриваемом случае маленькой литеры есть воплощение зла и тьмы во всех смыслах. При этом важно понимать, что оно, став фактом, не окажется финальным, но непременно повлечёт за собой новый виток внутренней, деградации и нравственной деструкции, которые, в свою очередь, обязательно приведут к новым, ещё более ужасающим и подлинно уродливым проявлениям, которые тоже придется именовать тем же словом «человечность».

Яркими, но одновременно прискорбными примерами, причём примерами недавними, т.е. произошедшими в обозримом прошлом (практически только что), но не единственными по своему характеру и почерку, являются следующие два события, своей аморальной низостью *volens-nolens* привлекших общественное внимание российского общества.

Так, 31.07.2022 г. информационный портал РИА Новости (МИА «Россия сегодня») сообщил о том, что «сотрудники полиции в городе

Борзя Забайкальского края нашли **пятерых** подростков, которые **осквернили могилы военнослужащих, погибших во время спецоперации на Украине** (выделено мной – М.Ф.)» [2], из числа которых только один оказался достигшим возраста привлечения к уголовной ответственности по соответствующей статье УК РФ (ст. 244 «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения»). Уродство поступка ещё больше нагружается тем обстоятельством, что уголовно наказуемое деяние было совершено в отношении тех, кто сейчас, т. е. в настоящее время, а не какую-то исторически удалённую от него эпоху, о которой нужно иметь некоторое представление, отставляет суворенитет России в рамках проводимой ею Специальной военной операции, причём, теми юными гражданами страны, которые ничего не понимают ни в концептуальны, ни в онтологических проблемах, и которые даже не предприняли элементарных усилий для обретения *какого-то* понимания и ориентирования в происходящем, которые бы не позволили им поступить так, как то было содеяно ими. Дополнительная нагрузка, а с нею и нивелирование возможности извинения обуславливается тем, что те правонарушители, равно как и все прочие современники, так или иначе пребывали в актуальном информационном пространстве, которое позволяет, даёт возможность разобраться, составить представление о происходящем, даже в условиях активно и агрессивно проводимой против России уже не просто информационной кампании дискредитирующего характера, но масштабной войны нового типа, именующейся специалистами войной информационной или же войной ментальной. Примечательно, и тогда многое встаёт на свои места, что целями в таком случае оказываются как раз молодые и *естественно невежественные* умы, которые будучи уловленными в ловко, мудро, но коварно расставленные сети, в результате совершают немыслимые прежде – бесчеловечные – поступки, оказывающиеся тем самым новым последующим продуктом/результатом ниспадения человечности с обратным знаком, делающей её иллюстрацией, картинкой.

Сказанное представляется темой отдельного исследования, однако, здесь важно отметить несколько существенных обстоятельств. Первое. Человечность как явление, а не только понятие, оказывается инструментом, а точнее *оружием в современной войне, обеспечивающим достижения целей и задач, достигаемых традиционно посредством оружия конвенционального, ещё и изнутри, из глубины души человека – на императивно-инспирирующем уровне, уровне духа*. Вто-

рое. Возможный аргумент о том, что указанные выше порочные проявления человечности обусловлены только возрастом и т. н. «детской неразумностью» полагается несостоятельным. Во-первых, сознание, как способность, свойство, явление, т. е. *сущностно*, есть достояние *всех homo sapiens* как вида, в т. ч. и тех, специфически проявивших себя юных граждан РФ: всякий представитель вида – человек, но не животное, следовательно, апелляция и ссылка на бессознательность не являются контраргументами: животность – удел животных, а человечность – прерогатива человека. Во-вторых, истории России (и мира вообще) известны многие случаи, совсем не животных, но героических свершений и подвигов (вплоть до смерти, являющейся для всего биологического предела) и действительно совсем детей, а не в том же числе, т. е. также – эквивалентно, равновелико, – рассматриваемых и понимаемых таковыми современной мыслью и шестнадцати-, и семнадцати-, и восемнадцатилетних, вполне половозрелых индивидуумов, полагаемых и воспринимаемых именно детьми, т. е. равными трёх-, пяти- и десятилетним ребяташкам, что просто позволяет *кому-то заинтересованному* многое списывать, что, очевидно, есть некий замысел, приём, технология, что только подчёркивает справедливость и актуальность ранее сделанного заключения о человечности как оружии в войне нового типа. Очевидно, что сознание указанных выше правонарушителей, равно как и многих других, аморально и противоправно поступающих подростков и юношества, обуславливается попаданием в тенёта тщательно продуманных и проработанных неприятельских программ (проектов). В данном случае акцент делается на то, что, не смотря на возраст, подрастающее поколение оказывается способным выявлять и присоединяться к чему-то из потока генерируемых и изливающихся на него смысловых потоков. Вопрос в том, каков будет выбор. Его решение снова упирается в проблематику человечности, *содержание которой предстаёт в деле выбора критерием и своего рода камертоном*.

Не менее резонансным происшествием, являющимся скорбной иллюстрацией сформулированных выше идей относительно человечности, оказывается ещё одно недавнее происшествие, буквально взорвавшее социальные сети в России. 29.07.2022 г. тем же информационным ресурсом сообщалось, что в Воронеже следователи возбудили уголовное дело об осквернении могил подростками. Основанием стало «видео, на котором молодой человек матерится и мочится на могилу, танцует на памятниках и целуется с другим юношей» [1]. Позднее, будучи обнаруженными и задержанными сотрудниками

правоохранительных органов, один из двух правонарушителей, которому оказалось 15 лет и который был действующим лицом видеоролика, произнёс весьма примечательные слова в своё извинение-опроведение, распространившиеся и в социальных сетях (видео) и освещенное СМИ (сообщение), а именно: «Отпустите, я несовершеннолетний. Я больше так не буду, правда. Пожалуйста, пожалуйста, я не могу просто, **я не хотела** (выделено мной – М.Ф.)» [4]. Кроме того, газета «Известия» привела некоторые подробности биографии задержанного: «По данным издания Readovka, подростка зовут Федор, однако называет себя Тиффани. Живет в Египте вместе с мамой и папой, в Воронеж приехал к бабушке. По словам опрошенных изданием друзей, одним из основных увлечений Федора является TikTok» [4].

Для нормального, здорового сознания приведённые примеры являются бесчеловечными, т. е. не являются, не представляются человечностью, воплотившейся в реальность, однако, при этом они же и есть человечность и её воплощение. Проблема в том, что в силу деструктивно-тлетворных процессов и определённых усилий она стала специфически пониматься и как результат обрела вполне фиксируемый облик патологического генезиса, материализовавшийся в указанных примерах.

Опираясь на сказанное, можно сделать важный вывод о том, что человечность как свойство, отображаемое общеупотребимой лексической единицей, есть явление приходящее, моделируемое и модулируемое.

Продолжая основное исследование, важно отметить следующую мысль. Фиксация факта использования студентами в затронутом случае именно маленькой литеры отражает наличие и более глубоких причин, обуславливающих и обусловивших такое положение дел. Речь идёт о *повреждённости* или *специфической настройке* ценностно-императивных установок *субъектов* образовательной и воспитательной деятельности, ответственных за формирование нравственного облика объекта. Таковыми до момента поступления в колледж/университет являются родители и школьные учителя будущих студентов, многие из которых сегодня сами оказываются в индифферентном и обесценивающем всё и вся тренде, выхолащающим, содержание и дух концептуальных понятий, одним из которых, однозначно, является «Родина», которое, как представляется, непосредственно и тонко связано с рассматриваемым понятием «человечность», уже хотя бы потому, что для мира животных, существующих в животности, понятие Родины не присуще и ничтожно: у них есть

среда обитания/ареал распространения, которые как понятия порождены и потребны человеческому сознанию как инструмент познания, описания и воздействия/изменения действительности.

Яркий пример того, что здесь подразумевается и о чём речь, а именно здоровой, продуктивной и творческой связке и взаимовложенной двух понятий обнаруживается в песне на слова М. Матусовского, исполненной М. Бернесом, «С чего начинается Родина?», которая сегодня многими забывается, а некоторым (молодым современникам) уже оказывается и неизвестной вовсе. На фоне приведённых примеров, и сам текст (как артефакт) и его смысл (как содержание), как пример иного порядка, оказываются образцом положительного наполнения, одухотворения, практического отражения рассматриваемого понятия «человечность». Он также свидетельствует о способности и потребности человеческого сознания и души в высоких собственно нравственных ориентирах, которыми пропитывается некогда просто слово, образованное, как и множество других, суффиксальным способом, и таким образом становящееся концептуальной категорией, практическое воплощение которой, приносит свои плоды. Здесь ощущение поэтом Родины обратилось и реализовалось сроками стихотворения, каждая из строф которого отражает и передаёт ощущение чего-то сакрального:

«С чего начинается Родина?
С картинки в твоём букваре,
С хороших и верных товарищей,
Живущих в соседнем дворе.
А может она начинается
С той песни, что пела нам мать,
С того, что в любых испытаниях
У нас никому не отнять».

Здесь важно ещё раз отметить, что в первых двух случаях, использованных выше в качестве примера, наблюдается идентичная ситуация, однако, с принципиальной разницей в знаке теоретического конструкта человечности.

Таким образом, сказанное выше позволяет сформулировать ещё один важный вывод об исследуемом явлении. Человечность – это о чувствовании, переживании и вживании в сакральное. Сопоставляя приведённые примеры, становится ясно, что первые два совершенно лишены благоговейного духа, а относительно второго они ещё и однозначно являются противоположными по знаку, т.е. человечностью наоборот, которой можно и должно подобрать своё понятие. Таковым

словом, со всеми присущими, вложенными в него смыслами, является существительное «осатанелость», образованное, к слову, тем же суффиксальным способом, используемое в секулярном дискурсе, но неизбежно имеющее отзвук и связь с духовным аспектом бытия человека. В рассматриваемом случае осатанелость, дойдя и впав в которую, воплощается тем и так, что осатанелому уже ничто не свято – ни могилы предков; ни погибшие на войне, даже не далёкой, о которой нужно иметь историческое представление, закладываемое и определяемое в процессе образования, но и о той, свидетелем и современником которой является сам впавший; ни личное достоинство; ни даже почтение к своему, данному/установленному природой полу.

Возвращаясь к мысли о причастности к закладке и формированию облика человечности старших по возрасту субъектов образовательной и воспитательной деятельности, а также мысли о возможности оказаться повреждённой или же специфически настроенной *их* системы ценностно-императивных установок, что как факт легко устанавливается по характеру и их деятельности, и поступков подчинённых, подвластных объектов, необходимо сказать следующее.

Оказывается, что несмотря на объективное старшинство и гораздо большую жизненную опытность, они сами, зачастую (а особенно сегодня), испытывают недостаток и страдают (что может и не замечаться ими самими) от идеино-смысловых пробелов, возникших в своё время в их сознании, что становится, а сегодня уже стало причиной насложения и взаимопроникновения психологических, педагогических и философских пороков. Как синергийный результат они начали расцветать и отражаться именно в сегодняшних молодых современниках – собственных детях тех самых старших и опытных граждан. Это, очевидно, есть та самая, известная всем, смена поколений, о которой знают и говорят, но, скорее, в том самом патетическом и декларативном, нежели концептуальном и прикладном духе и ключе. Знание не отражается на качестве формируемой, задаваемой старшими младшим человечности.

Сказанное подтверждает следующий факт-пример. Студенты, которых автору представилось обучать в очередном (2021/2022) учебном году, были рождены в 2003–2004 гг. Собственно, им – 17–18 летним современникам – и ставилась задача по написанию сочинений, из содержания которых и был извлечен факт наличия у некоторых из них, возможно, и не в полной мере осознаваемого, но индифферентного отношения к Родине, отразившегося в характере написания клю-

чевого слова. Родителям этих студентов – тем самым старшим и опытным субъектам – на момент первого курса их детей было около 40 лет (поправка «+»/«-» год-два не принципиальна). Значимо то, что они – взрослые, экономически и политически активные граждане России – родились в конце 70-х, начале 80-х годов XX века, т. е. в совсем другую эпоху и в совсем другой стране. В преподавательской рутине, а уж тем более повседневности того, кто к ней не причастен, данный факт не часто попадает в поле зрения, а потому не вызывает реакции сознания, т. е. не рождает особых параллелей и выводов, хотя обращение к цифрам способно породить серьёзные размышления, в т. ч. и по затрагиваемой проблематике.

Именно цифры и даты позволяют заметить, что отцы и матери сегодняшних обучающихся, как уже было сказано, родились в принципиально иную – Советскую – эпоху, в совсем другом государстве – Советском Союзе. Здесь это имеет решающее значение. Появление на свет и достаточно длительное личностное формирование в советской парадигме со всеми её достоинствами и изъянами (до 1991-го года, а фактически, т. е. как добавка к историческому сроку, ещё и первые годы наступивших, «святых девяностых» (Н. Ельцина: «По-моему, 90-е годы надо называть не лихими, а святыми и поклониться тем людям, которые жили в то сложное время, которые создавали и строили новую страну в тяжелых условиях, не потеряв в неё веру» [3]), привнесших и кроваво разрушивших, хотя и не сразу, советский уклад и советский дух) обусловливало формирование самобытной, уникальной человечности, однозначно, имевшей серьёзный вдохновляющий и созидательный, т.е. положительный потенциал.

Бесспорным фактом является то, что делу формирования советского человека в ту эпоху вообще уделялось большое внимание. На излёте жизни социалистического государства деструктивным тенденциям подверглись все сферы жизни, в т. ч. образование и воспитание, причём, по мере приближения к «святым девяностым» и погружения в их водоворот, разрушительный тренд становился всё более мощным. Акцентирование этого, теперь уже очевидного факта, необходимо в силу следующей причины. Дело в том, что повзрослев, стать родителями, сделаться действующими лицами процессов в жизни страны, указанному поколению советских граждан, выпало в совершенно новой стране, хотя родиться и включиться в процесс морально-нравственного становления, т. е. обрести определённый фундамент, довелось в ещё достаточно благоприятное (с точки зрения идеологии, человеческий ценностей, принципов и установок) время. Появление

на свет именно указанного поколения на стыке эпох обеспечило ему обретение действительно *уникального опыта*. С одной стороны – это усвоение именно в начале пути духовного становления квинтэссенции советского настроя и духа во взгляде на мир и его ощущении. Речь здесь совсем не идёт об идеологической/политической компоненте, которая к тому времени как раз изрядно обветшала, что и привело позднее к фатальным последствиям. С другой стороны – это усвоение, вобрание в себя же всего того, что принесла с собой новая страница в жизни страны (90-е и 00-е), прошедшая уже в лучах совершенолетия и начавшейся взрослоти, специфически наполнившая сознание и душу человека. Уникальность ситуации, как она видится, заключается в том, что существенно разное соединилось в одно целое и оказалось и основополагающим, и лично осмысленным, в т. ч. и критически, достоянием человека. Для большинства из тех, кто сегодня является активным актором-современником это, естественно, способствовало усилению их ментально-духовной конструкции, однако, полностью упредить, уберечь, отвратить от совершения ошибок (в т. ч. и критических), касающихся и личного бытия, и жизни государства, это не смогло. Действительно печально то, что многими такая уникальная ценность была проигнорирована или воспринята посредственно, результатом чего стали и становятся реальностью такие примеры, что были приведены ранее. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что всё доброе и лучшее *из тогда* не может быть само по себе, гарантировано перенесено в *сейчас*, прижиться в нём и дать достойный урожай. Это в полной мере относится к явлению, осмысливаемому в настоящем исследовании: выработанный некогда эталон, образец позитивно понимаемой человечности гарантированно в том же модусе и статусе не транслируется по цепочке далее – последующим поколениям, сменяющим стареющие и уходящие с исторической сцены. Идеологическая матрица и ценностно-смысловой код генетически не передаются, но формируются и складываются в процессе сообразного воспитания и окультуривания, а это требует, как бы то ни казалось странным, соответствующих умений и навыков, которых, несмотря на загрузку когда-то определёнными идеями, а в последствие и их подкрепление опытом, оказывается и не достаёт в нужное время. Собственно, это и произошло с частью тех ныне взрослых людей, чьи дети, порой, ведут, проявляют себя недолжно и невозможно с точки зрения установок близких, в чём-то даже родных их родителям. Человечность одних идёт в разрез человечности других.

Продолжая осмысление затронутой ситуации, важно отметить следующее. Обозначенная выше уникальная возможность личного личностного становления поколения излёта советской эпохи обретает ещё большую ценность и вес ввиду того, что по вполне объективным причинам все те, кто родился позднее оказались и оказываются в заведомо более невыгодном положении. У них оставалось и остаётся всё меньше и меньше возможности застать, ухватить стремительно исчезавшее советское наследие, а стало быть, остаться в формирующем материале только 90-х, 00-х и далее годов, сообразно вносивших лепту в ментально-духовный код, который стал воплощаться и материализовываться в новом поколении, которое в полной мере входит в субъектность и акторность в настоящее время, в концептуальном плане проявляя себя, порой, весьма и весьма прискорбно. Здесь же важно подчеркнуть два важных обстоятельства. Первое. Прошлое вообще и конкретная часть большой эпохи в жизни России, не идеализируется и не видится автором абсолютным примером. Второе. Далеко не все молодые современники видятся неблагонадежными и откровенно пропащими.

Дело в том, что несколько превознося одно (первое) и оттеняя другое (второе) появляется возможность, средство подсветить неблагополучие в актуальном бытии современной жизни человека и общества и, что главное, постараться выработать адекватные пути решения трудностей и вызовов, причём, не слепого копирования и клонирования чего-то, что зарекомендовало себя положительное в прошлом, но его учёт в нынешних условиях.

Собственно, всё сказанное, как пример, позволяет утверждать, что нынешняя проблема с человечностью молодого современника, выливающаяся в неадекватное поведение и поступки, а также особое обращение с базисными понятиями (слово «Родина», пишущееся с маленькой буквы), как следствие возникновения концептуальной недостаточности, однозначно, воспринимаемая как проблема и вызов думающими и небезразличными современниками, при всём раскладе и учёте изъянов, не могла бы стать реальностью в ещё относительно недавнем прошлом, благодаря целенаправленно проводимой работе *над* и *с* образом той самой человечности – наполнению просто слова содержанием и обращением его таким образом в концептуальное понятие.

Сопоставление опыта даёт возможность сделать ещё одно важное заключение по поводу центральной проблемы исследования, а именно о том, что созидание образа человечности не может и не

должно отпускаться на самотёк, но быть непрестанно модулируемым и верифицируемым по установленным критериям, т. к. только в таком случае она, оставаясь абстрактным понятием, не будет абстракцией для конкретного человека и общества, что повлечёт за собой сообразное трансформирование актуальной действительности.

Подводя итог проделанной работе, важно подчеркнуть, что анализ происходящего вообще и отдельных случаев в нём с философско-педагогической точки зрения, позволяет в той или иной мере добиться снятия концептуальной недостаточности, наблюдающейся сегодня у многих (в особенности молодых) современников в отношении ключевых, базисных понятий, что позволит таким образом остановить и даже повернуть вспять усилившуюся сегодня тенденцию симплификации и профанизации – расчеловечивания – человека.

Использованная литература

1. В Воронеже возбудили дело после «танцев» подростков на кладбище. – URL: <https://ria.ru/20220729/voronezh-1805822816.html?ysclid=l7r37p8ubm166263729> (дата обращения: 15.09.2022).
  2. В Забайкалье нашли подростков, осквернивших могилы участников спецоперации. – URL: <https://ria.ru/20220731/vandalizm-1806171824.html?ysclid=l7r2lcq3ct370415713> (дата обращения: 15.09.2022).
  3. Наина Ельцина предложила считать 90-е годы святыми. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/565416> (дата обращения: 15.09.2022).
  4. Танцевавший на могиле ветерана в Воронеже записал видео с извинениями. – URL: <https://iz.ru/1371766/2022-07-28/tantcevavshii-na-mogile-veterana-v-voronezhe-zapisal-video-s-izvineniiami?ysclid=l7r40b4nl8253450574> (дата обращения: 15.09.2022).
-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве Заключения хотелось бы привести несколько студенческих сочинений, содержание которых документально засвидетельствовало бы то, что образовательно-воспитательная работа с обучающимися, выстроенная, осуществлённая в духе и логике материалов статей, представленных в данной монографии, не всегда оказывается тщетной и безнадежной.

Все курс философии, много для меня, были очень интересными и полезными. И над некоторыми задумывалась и занималась до поздней ночи. Тогда есть такие вещи, над которыми нужно думать и понимать их. И тогда как-то сразу идешь и дальше не задумываешься о них. Далее курс очень понравился, разработанная тема. Рассмотрение - это, в первую очередь, размышление, поэтому в нем нет догматичности. Это видно. Рассмотрение - это размышление самого себя.

Рассмотрение, размышление, дискуссии, истории проходили у нас на занятиях и семинарах, были самими удачными. Мы иногда высказывали свое мнение.

Занятие ширпотребом на начальном этапе.

Методы преподавания отличались от традиционных методов обучения, не дружили специальностями. Рассмотрение породило еще одно увлечение - беседы с представителями на первом курсе вузов. Занятия всегда отличались от других. Создавалась такая атмосфера для обсуждений.

Шатердейл был очень понятен и доступен, все его книги для понимания философии торжественно были зено обложки и на вкладышах никаких трудностей в понимании.

Были и дополнительные ресурсы в виде книжной рубрики "Для будущего", которая помогала "направить будущее".

На философии я много говорила, так как прекрасно знал, что эти представления и учреждения имеют право существовать.

Рассмотрение было в нашей книге, она помогает осмыслить все и шире соприкоснуться с общими другой стороны. И я, с самого начала курса иду с кем за руку размышляя,

Рис. 1. Студенческое сочинение. Опыт построения мысли

наслаждаясь и познавая все что есть вокруг и внутри меня самой. Это изменение меня и сделано тем, кем я являюсь сейчас.

Когда я узнала про курс Философии, я подумала, что он будет очень скучным. Но когда мы начали размышлять, разговаривать, слушать философы, скажи поговорить, петь песни, а затем обсуждать увиденное, я поняла, что мир и это существование умеет не будут пропасти. Послушав пение на занятиях, вспоминая слова, стало ясно, что даже такие антистарческие моменты и птичий голос не таки. Сразу начинать думать в чём же еще ты был не прав.

Самое интересное, что я понимаю философия вовсе! Это не отдельный занятий, это изменение настроения в книгах, фильмах, мультфильмах, художественных произведениях. Философия научила меня смотреть на вещи под другим углом, рассуждать, делать выводы. Я очень благодарна Ильиной Сергеичу за антистарческое занятие и бесценную опыт. Синий греческий осознавать, что курс уже закончен, ведь остается столько вопросов и интересных тем, из этого тоже можно вынести уроки: "Человек меняется". Всегда быть способен на новых чудес, а еще все..

Рис. 2. Студенческое сочинение. Опыт построения мысли

Философия один из многочисленных предметов, побуждающих учащихся думать о большем о привычном на первый взгляд вещах. Хотелось отметить, что под именем философии, которыми мы называемся в повседневной жизни, мы имеем даже не задумывающиеся.

Когда я узнала про курс «Философия», я думала, что он будет очень скучной. Я считала, что философия - это что-то далёкое, сложное, непонятное. Но всё оказалось совершенно не так — семинары проходили в дружеской обстановке, на лекциях я узнала много нового и интересного для себя вещей. Особенно хотелось обсудить некоторые поговорки. Мне действительно было интересно, некоторое из этих поговорок я часто слышала, но даже не задумывалась над их значением. Благодаря урокам философии я задумалась о тех вещах, на которые обычно не обращала внимание, узнала о жизни и деятельности философов, о которых тоже часто слышала, но ничего про них не знала, ведь не интересовалась философией.

Каждое занятие было наполнено любопытными наставлениями. Философия помогает понять себя и мир вокруг с совсем другой стороны.

Философия научила меня смотреть на вещи под другие углы, рассуждать, делать выводов, чему я очень рада. Но самое главное, что я понимаю — это то, что философия буде. Это не отдельный длился урок, ты можешь её найти в книгах, детских мультиках, любых сериалах. Благодаря философии я пересмотрела многие вещи в своей жизни.

Рис. 3. Студенческое сочинение. Опыт построения мысли

«Курс закончился. И что?»

... И дальше хочется продолжить анафорой: ... Испасибо нашему университету за то, что этот курс был. Испасибо нашему преподавателю за то, как он провёл этот курс.

Хочется рассказать об этом очень лестно и подробно. Я классно однозначно наподзинание. Началось всё с первых двух пар в трехдневном корпунке. Первые пары я оценил не понимая однозначно ничего, я буквально не успевала усидеть да помочь мышам, прощупывшим преподавателям. После первой пары я думала, что это будет мой самый ненавистный предмет. Но второй паре я просто нечаянно, чтобы она скорее закончилась **Но!** В конце второй пары наш преподаватель включил мою любимую песню времен СССР «Мирное

"дасено", стягивая сдерживая, чтобы не просачивалось. Погода я понимаю, что связано с этим драматическим событием падения памяти материнства и заменяется постматеринством. Не ошибаюсь. Дальше с невероятной скоростью появляются памятные ориентирные знаки материнского одеяния, "материнской пачки", и все время нарастают, читают память. Каподат пару дней интересной, "драматической", глубокой. Каподат страдает из-за смены вероятности расступающим и говорящим. Выделяет ограниченный удовольствием зоны памяти ее воспоминаний, возвращение своих памяти. До этого периода я думала, что разрывается мой главный пустой путь времени, но память заменяет уძарии путь в обратную Каподат имеет зоны поиска и ути-

населяла и населяла государственное и личное
истории и определений. (Мы не просты)
сухо учились, мы просвящались, что
очень важно! — — — Несколько ошибок —
незнание слова. Но как
символично (Ф.М.Д.)
Не подлежит спору того, что для про-
фессионального преподавания, слу-
жители должны не только применять
ними, но и учить живопись. Максим
Сергеевич, хочу обратиться к вам: за
этих пять лет вы научили нас учиться,
научили любить и ценить каждую
минуту, проведенную на паре. Вот
действительно помогли нам открыть и ус-
пешить все то, что происходит
вокруг! Каждое новое знание, вот спло-
щило нашу группу, подняло замечатель-
шую идею близких, не простых, а с вами в
ней тёплой любви! Несмотря на
красоту курса, философия дала
очень многое: сформировалась умудрённый, да-

Приложение

Приложение 1

Студенческое сочинение: опыт построения мысли

С. М. Н-Т 902

Философия курс лекций. И что? Грустно осознавать, что философия занимается, на моем этапе обучения, варя с маркинами, которых было наполнено, сейчас пуста. Но то, что они были в моей жизни, дает очень многое. Я не хочу говорить только о теоретических дилеммах, их роль понима.

Я бы хотела рассказать о том, как побывали занятия философии на моей жизни. Начну с того, что им впервые удалось учится в таком формате, где есть место не только танцу, что предполагает учебный план, но и танцу, что в него не входит и беспорядок ванно, где камбодж

С самого давних времен человечес-

кие знания о всем сущем передавались через мифы, сказки и т.п. Всё это довольно просто, но эффективный способ доставить информацию, донести до читателя (слушателя) нечто вспомогательное. Сказки, которые я услышала до конца курса, на данный момент остаются в моей памяти. Теперь в которой мы их слушали, от印象深刻 from the text. Поэтому эффект театрального представления явно играет большую роль в том, чтобы мы как можем больше информации отложили в своем сознании, конечно это касается только тех, кто готов был не только слушать, но и слышать.

В суете будней, эти короткие рассказы памяти остаются и подушечке о том, что действительно важно. Я впервые задумалася о том, что такое время, о том, что это не просто идет, а летит с огромной скоростью. Я понимаю, что стоит тратить драгоценные минуты своей жизни, чтобы впоследствии не было стояло за пропущенные годы.

Я задумалась о здоровье и какую роль оно будет играть в моей будущей жизни. Стоит подумать, сколько, если сидеть пялиться в мониторы, можно навредить, ведь последствия могут быть небрежными.

Я хочу сказать, Максим Сергеевич, огромное спасибо за то, что сдала мне наше не только преподава-

Приложение 2

Студенческое сочинение: опыт построения мысли

Сограждение.

«Философия. Курс закончился и что...»

Философия - любовь к мудрости! Курс закончился, и на душу осталась Госка. Госка об многочисленных вопросов, которые не дают покоя. Вспомнило в нас силы, время, может даже и душу, привнес тишинные ценности, сформировав новое мировоззрение. Засевшие нас взгляды на себя собственных со стороны и на мир вокруг, а затем бросить нае в лицину. Как дать солдату оружие, показать, как стрелять, сказать, что сражаемся то мы за мир, за семью, за Родину, а погиб отравить в самое лекло. Погружаясь в науку, задумывался, какой бы использовать метод.

Методологический вид мировоззрения.

О да! Выбернув душу взрослого

парня наизнанку своим спасениями,
и не раз, это членко!
Но я говорю спасибо!
И все же интересно, как бы живете?
Столько знаний, количество мозгов
видение себя и общее картины мира.
Чемое кого-то спасает или губит?
Найти ответы в религии? А доилософии?
Ас у них один и тот же вопрос
«В ЧЕМ СМЫСЛ ЖИЗНИ». И как
быть.. Монет из-за того, что я не
признаю религию, мне этого и не понять.
Неведома. Так много вопросов, огромный
поток мыслей, эта же знания и
самоознание и прощание.

Вы пробудили в нас сознание, пуск
и не в камеди, но зародили искру.
На ум приходит острый камень,
Годаются руки, с целью сделать их
острыми.

И кто-то скажет, что предмет не тот, преподаватель не такой, но в ком-то из нас веде зажигся огонек. Сейчас он лишь блещет и для тех, кто сильного, кто пробудился от сна, тот будет разыгравший этот огонек скатиць днем. И я благодарен, право, благодарен за все! Но сразу берзает мысль, не дающая покоя... С текущим временем огонек будет разрастаться и превратится в пламя. Так вот будет ли это пламя согревать и радовать меня изнутри, как луч солнца в окно поутру. Или оно испепелит меня, превратив в пыль, которую разнесет холодный ветер...

Приложение 3

Студенческое сочинение: опыт построения мысли

И. Алено, 11-1903
Философские курс
закончились. И что?"

Прошлое краткий курс
философии, и писала, что
в моей жизни философии
была всегда, просто и в это
же время и не знала что
это она. За это время я
запомнила, что такое философия,
какие её функции и методы.
Разбирая это более подробно
я начала понимать, что
и где существует философии.
На заметках я много раз обра-
шивалась, приводили различные
примеры и ситуации из
жизни. Оказывается даже большое
работника является социалисткой.
Этот курс было рассказано много

интересных сказок, из одной
сказки мы даже сделали
свою "группу" и стали
наши самые излюбленные
шариками.

Мы смотрели много
передач и фильмов, в основ-
ном это были фильмы,
которые заставляли о
многом задуматься. Очень
хорошо я запомнила 2
фильма: "Учимка" и фильм
про мамы и дочки. После
просмотра этих фильмов
мы всей группой обсуждали
какие-то его моменты.
Особенно ~~много~~ фильм про
мамы и дочки оставил
многого еще, ~~важне~~ из
университета и поэзии

маше и рассказывала ее
шиение по-победу философии,
даже не смотря на то, что
это обвиняли ее еще на
занятиях, очень симпатичное впечат-
ление о ней произвел.
Так же она давала поговорки,
которые я теперь использую
согласно в своей жизни.

Изучив философию, я теперь
конечно же более привыкаю
какие-то моменты и ситуа-
ции из жизни к ней, что
помогает мне предста вить
мир с другой стороны.

Для заметок

Научное электронное издание

Фомин Максим Сергеевич

**НАЧАЛЬНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ПОДГОТОВКА:
ИНИЦИАЦИЯ НЕОФИТА УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНОЙ**

Монография

Чебоксары, 2025 г.

Компьютерная верстка *А. Д. Федоськина*

Подписано к использованию 28.04.2025 г.

Объем 11,0 Мб. Тираж 20 экз.

Уч. изд. л. 14.52.

Издательский дом «Среда»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
<https://phsreda.com>